

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»
Юго-Западный университет КНР
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ
при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2023 – № 1 (15)

Ярославль
2023

Учредитель: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Юго-Западный университет КНР.

Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. – № 1 (15). – 119 с. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658_2023_1_15. – EDN RQMENU.
2023, № 1 (15). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Се Чжоу, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, директор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, член Всекитайского комитета по делам преподавания русского языка при Министерстве образования КНР (шеф-редактор); **Болдырева Елена Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР (главный редактор); **Лю Вэньфэй**, доктор филологических наук, профессор, председатель Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, ведущий научный сотрудник Пекинского центра по изучению стран и регионов славянских народов; **Чжэн Тун**, доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа; **Сюй Поли**, доктор экономических наук, профессор, начальник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН); **Син Гуанчэн**, доктор юридических наук, профессор, академик КАОН, директор Института краеведения КАОН; **Пан Дапэн**, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела российской политики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Дай Гуйцзюй**, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (ПУИЯ), директор Центра русского языка ПУИЯ, заместитель председателя Китайской ассоциации по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы; **Чэн Ицзюнь**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Сюэ Фун**, доктор филологических наук, профессор, начальник отдела стратегических исследований Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Ли Сюэгао**, доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, ведущий научный сотрудник Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР; **Кондаков Игорь Вадимович**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»; **Закс Лев Абрамович**, доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, г. Екатеринбург; **Шапнистая Екатерина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГ НИУ «Российский институт культурологии»; **Блищ Наталья Леонидовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета; **Власова Галина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова; **Злотникова Татьяна Семеновна**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Новиков Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ходнев Александр Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кучина Татьяна Геннадьевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ухова Лариса Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Коряковцева Ольга Алексеевна**, доктор политических наук, директор института развития кадрового потенциала, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кальсин Андрей Евгеньевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры управления и предпринимательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки), 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Тел.: (4852)72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в Интернете: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-75509 от 12 апреля 2019 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2023

© Юго-Западный университет КНР, 2023

© Авторы статей, 2023

Founding parties: FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky».

Southwest University of the People's Republic of China.
The Center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU
at the Ministry of Education of the People's Republic of China

World of the Russian-speaking countries = 俄语国家评论 : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU
RIO, 2023. – № 1 (15). – 119 pages. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658_2023_1_15. – EDN RQMENU.
2023, № 1 (15). – 500 pieces.

EDITORIAL BOARD

Xie Zhou, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, Director of the Center for studying of Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China, member of All-China committee on affairs of teaching Russian at the Ministry of Education of the People's Republic of China (managing director); **Boldyreva Elena Mikhailovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Professor of the Institute of foreign languages of Southwest University of the People's Republic of China (editor-in-chief); **Liu Wenfei**, Doctor of Philology, Professor, Chairman of the Chinese Association on Research of the Russian literature, leading researcher of Beijing center for studying of the countries and regions of the Slavic people; **Zheng Tiwu**, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL; **Xu Pauline**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of the Russian economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); **Xing Guangcheng**, Doctor of Jurisprudence, Professor, academician of CASS, Director of the Institute of study of local lore of CASS; **Pang Dapeng**, Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of the Russian Policy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Dai Guiju**, Doctor of History, Professor, Deputy Director of the Institute of the Russian language of Beijing University of Foreign Languages (BUFL), Director of the Center of the Russian Language of BUFL, Vice-Chairman of the Chinese Association on Study of History of the Soviet Union and Eastern Europe; **Cheng Jjun**, Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Department of the Russian Economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Xue Fuqi**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Strategic Researches of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Li Xiaotao**, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, leading researcher of the Center for Study of the Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China; **Kondakov Igor Vadimovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of FSBEI HE «Russian State Humanitarian University»; **Zaks Lev Abramovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Rector of the Humanitarian University, Yekaterinburg; **Shapinskaya Ekaterina Nikolaevna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, leading researcher of FS RI «The Russian Institute for Cultural Research»; **Blishch Nataliya Leonidovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of the Belarusian State University; **Vlasova Galina Ivanovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Philology of the Kazakhstan Office of Lomonosov Moscow State University; **Zlotnikova Tatiyana Semenovna**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Culturology of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Novikov Mikhail Vasilievich**, Doctor of Historical Sciences, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor, Head of the Department of the Theory and Methods of Professional Education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Khodnev Aleksandr Sergeevich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kuchina Tatiyana Gennadiyevna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Literature of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Ukhova Larisa Vladimirovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory of Communication and Advertizing of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Koryakovtseva Olga Alekseevna**, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Human Resources Development, Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with the Youth of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kalsin Andrey Evgenievich**, Doctor of Economical Sciences, Professor of the Department of Management and Entrepreneurship of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals which publish the main results of doctoral and candidate's theses in the following areas of specialization: 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences), 5.5.3. Public administration and industrial politics (political sciences), 5.5.4. International relations, global and regional studies (political sciences), 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples in the Russian Federation (philological sciences), 5.9.2. World literatures (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.10.1. Theory and history of culture and the arts (cultural studies)

The materials published in the journal are reviewed by members of the editorial board.

Address of the editorial office: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya St., 108/1. Ph.: (4852) 72-64-05, 32-98-69 (publishing house)

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Certificate of mass media registration:

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor): PI No. FS 77-75509 dated from April 12, 2019.

© FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky», 2023

© Southwest University of the People's Republic of China, 2023

© Authors of articles, 2023

Мир русскоговорящих стран

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Чжан Цзэмин Региональное управление в Восточной Азии в условиях «нового ритуального порядка» (新礼治秩序). Часть 1.5

Ушакова А. П. Русский язык как инструмент «мягкой силы» в Республике Казахстан22

ФИЛОЛОГИЯ

Сперанская А. Н. Купеческое слово: семантика и прагматика речевого жанра35

Ван Ляньцзэнь, Се Су
Симплификация в переводе русской литературы на китайский язык (на материале китайско-русского параллельного корпуса и китайского сопоставительного корпуса текстов) 56

Мельникова Е. М. Оценочные производные гнезда *литература* в современной речи.....69

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Муртузалиева Е. А. Культурный и литературный дискурс сборника статей Д. С. Мережковского «Акрополь»81

Дубаков Л. В. Рецепция буддизма и буддийский дискурс творческой проблематики в книгах А. А. Макушинского «У пирамиды» и «Предместья мысли. Философическая прогулка»91

Андреева В. А., Андреев И. А.
Философия судьбы в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» 105

THE CONTENT

POLITICAL SCIENCE

Zhang Zeming Regional governance in East Asia under the “new ritual order” (新礼治秩序). Part 16

Ushakova A. P. The Russian language as a tool of “soft power” in the Republic of Kazakhstan.....23

PHILOLOGY

Speranskaia A. N. Merchant's word: semantics and pragmatics of the speech genre36

Wang Liancen, Xie Su
Simplification in translating russian literature into chinese (based on chinese-russian parallel corpus and chinese comparative corpus)57

Melnikova E. M. Evaluation derivatives of the lexical group “*literature*” in modern speech70

CULTURAL SCIENCE

Murtuzalievа E. A. Cultural and literary discourse in D. S. Merezhkovsky's collection of articles “Acropolis”82

Dubakov L. V. Reception of buddhism and the buddhist creative discourse in A.A. Makushinsky's books “At the Pyramid” and “Suburbs of Thought. Philosophical Walk”92

Andreeva V. A., Andreev I. A.
Philosophy of fate in M. Yu. Lermontov's novel A hero of our time 106

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 327
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_1_15_5
EDN FDXMCW

Региональное управление в Восточной Азии в условиях «нового ритуального порядка» (新礼治秩序). Часть 1

Чжан Цзэмин

Аспирант, университет Цинхуа, КНР, г. Пекин
zzm22@mails.tsinghua.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-6692-544X>

Аннотация. В современных условиях глобализации и регионализации совместное управление региональными общественными процессами в Восточной Азии становится все более актуальным и важным, затрагивая такие проблемы, как вопросы взаимной выгоды в торговле, управление окружающей средой, координация регионального рыболовства, кризисное управление спорами о территориальных правах, развитие и совместное использование ресурсов, а также создание механизмов регионального сотрудничества в области безопасности. Данная статья посвящена обсуждению текущих проблем и задач, стоящих перед региональным управлением в Восточной Азии, а также особенностям и новым перспективам регионального управления в Восточной Азии на основании «нового ритуального порядка» в регионе Восточной Азии в контексте культурного управления. В данной статье утверждается, что хотя традиционная концепция и логика международного управления, то есть именно постгегемонистское институциональное управление в анархических международных обществах, может играть определенную роль в современную эпоху, но по мере того, как международная политика принимает социальный оборот и развивается дальше, логика управления, представленная культурным управлением, начинает входить в современную международную повестку дня и постепенно перемещается ближе к центру системы международного управления. В это время особенно важен новый региональный порядок «управления на основе ритуала», в котором идея «礼尚往来» (lǐshàngwǎnglái) является основной моделью регионального управления. В первой части исследования рассматриваются основные этапы эволюции

© Чжан Цзэмин, 2023

регионального управления в Восточной Азии и выявляются основные аспекты нового порядка регионального управления в контексте региональной культурной политики.

Ключевые слова: региональное управление; новый ритуальный порядок; культурное управление; глобализация; постгегемонистское институциональное управление; Восточная Азия; Азиатско-Тихоокеанский регион

Для цитирования: Чжан Цзэмин Региональное управление в Восточной Азии в условиях «нового ритуального порядка» («新礼治秩序»). Часть 1 // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 1 (15). С. 5-21. 10.20323/2658_7866_2023_1_15_5. <https://elibrary.ru/FDXMCW>.

POLITICAL SCIENCE

Original article

**Regional governance in East Asia under the
“new ritual order” (新礼治秩序). Part 1**

Zhang Zeming

Post-graduate student, Tsinghua university, PRC, Beijing
zzm22@mails.tsinghua.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-6692-544X>

Abstract. In today's context of globalization and regionalization, the joint governance of East Asia's regional social processes has become increasingly relevant and important, concerning such issues as mutually beneficial trade, environmental management, coordination of regional fishery, crisis management of disputes over land ownership, the development and use of natural resources, as well as designing mechanisms for regional cooperation in the field of security. This article focuses on discussing the current problems and challenges of regional governance in East Asia, as well as the specifics and prospects for East Asia's regional governance based on the “new ritual order” in the East Asian region in the context of cultural governance. The author claims that although the traditional concept and logic of international governance, (i.e. post-hegemonic institutional governance in anarchic international societies) can play a certain role in the modern era, the logic of governance in the form of cultural governance is entering the contemporary international agenda and gradually moving closer to the center of the international governance system, as international politics is taking a social turn and developing further. At this time, a new regional order of “ritual-based governance” is especially important, and the idea of “礼尚往来” (lǐshàngwǎnglái) is the key model for regional governance. The first part of the study examines the main stages in the

evolution of East Asia's regional governance and identifies the main aspects of the new regional governance order in the context of regional cultural policy.

Key words: regional governance; new ritual order; cultural governance; globalization; post-hegemonic institutional governance; East Asia; Asia-Pacific region

For citation: Zhang Zeming Regional governance in East Asia under the “new ritual order” (新礼治秩序). Part 1. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 1(15):5-21. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_5. <https://elibrary.ru/FDXMCW>.

Введение

Поскольку глобальные проблемы в современном обществе становятся все более заметными, дальнейшее укрепление эффективного глобального управления отвечает общим интересам всех стран мира и становится главной темой развития и сотрудничества всех регионов. После окончания холодной войны регион Восточной Азии играет все более важную роль в продвижении практического процесса и концептуализации глобального управления, наряду с ускоренной трансформацией международной системы, подъемом развивающихся держав и смещением фокуса мирового развития на Азиатско-Тихоокеанский регион. Восточная Азия – это историко-географическое понятие, но в то же время и понятие символическое. В политологии оно иногда фигурирует как геополитическое понятие. Древняя восточноазиатская система часто ассоциировалась с Китаем, а в последнее время Япония предложила концепцию «Большой восточноазиатской сферы совместного

процветания». Во время холодной войны концепция Восточной Азии, казалось бы, исчезла из международной политики. В 1997 году Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (ASEAN) инициировала организацию сотрудничества АСЕАН + Китай-Япония-Южная Корея (10+3), в рамках которого лидеры 13 стран признали себя странами Восточной Азии, тем самым определив концепцию Восточной Азии как «Северо-Восточная Азия» + «Юго-Восточная Азия», и механизм 10+3 стал основным каналом сотрудничества в Восточной Азии. Кроме того, Северная Корея, Монголия и Дальний Восток России являются частью Восточной Азии, а США, в качестве географического аутсайдера, также стали оказывать сильное влияние на структуру международных отношений в Восточной Азии, при этом Индия, Австралия и Новая Зеландия также оказались вовлечены в процесс интеграции в Восточную Азию. Восточная Азия в настоящее время является не только одним из наиболее активных

регионов мира, но и одной из важных точек роста мировой торговли. Благодаря совместным усилиям, страны Восточной Азии вышли из тени финансового кризиса, преодолели проблемы терроризма, добились успеха в экономической реструктуризации, ускорили темпы модернизации промышленности, достигли расцвета регионального сотрудничества и повысили свою устойчивость к рискам.

В современных условиях глобализации и регионализации совместное управление региональными общественными процессами в Восточной Азии становится все более актуальным и важным, затрагивая такие проблемы, как вопросы взаимной выгоды в торговле, управление окружающей средой, координация регионального рыболовства, кризисное управление спорами о территориальных правах, развитие и совместное использование ресурсов, а также создание механизмов регионального сотрудничества в области безопасности. Как мы понимаем текущие проблемы и задачи, стоящие перед региональным управлением в Восточной Азии, а также особенности и пути регионального управления в Восточной Азии? Данная статья посвящена новым перспективам в региональном управлении в Восточной Азии и обсуждает возможность «нового ритуального порядка» в регионе Восточной Азии в контексте культурного управления. В данной статье утверждается, что хотя

традиционная концепция и логика международного управления, то есть именно постгегемонистское институциональное управление в анархических международных обществах, может играть определенную роль в современную эпоху, но по мере того, как международная политика принимает социальный оборот и развивается дальше, логика управления, представленная культурным управлением, начинает входить в повестку дня международного управления и постепенно перемещается ближе к центру системы международного управления. В это время особенно важен региональный порядок «нового ритуального управления», в котором идея «礼尚往来 [lǐshàngwǎnglái]» является основной моделью регионального управления.

**Историческая эволюция
глобального управления
к региональному управлению
в Восточной Азии**

Среди различных определений управления, самое развернутое и авторитетное дала Комиссия по глобальному управлению. В 1995 году Комиссия определила «управление» как «совокупность многих способов, с помощью которых отдельные лица и учреждения, как государственные, так и частные, управляют одними и теми же делами» [俞可平, 2000, с. 270-271]. Его также описывают как «институциональное регулирование и сотрудничество между участниками в поиске желаемых результатов» или

как «формальные или неформальные процессы и механизмы, которые направляют и ограничивают коллективные действия группы» [Sayuri Shirai, 2006, с. 12].

Эволюция регионального управления в Восточной Азии взаимно дополняется участием отдельных восточноазиатских стран в процессе глобального управления. Процесс глобального управления в Восточной Азии прошел путь от развития регионального управления до регионального управления как основного и глобального, а затем к статус-кво, где региональное и глобальное управление разделены поровну.

Первый этап длился с конца 1980-х до середины 1990-х годов – период, когда страны Восточной Азии сосредоточились на региональном управлении, дополненном глобальным управлением. С развитием глобальной интеграции, распадом Советского Союза и ослаблением гегемонии США в Восточной Азии был создан ряд механизмов многостороннего сотрудничества, призванных заменить двустороннюю модель сотрудничества в сфере безопасности с нотками холодной войны. После окончания холодной войны традиционные вопросы безопасности постепенно утратили свой первоначальный приоритет, и вступление в союз безопасности больше не является приоритетом для стран Восточной Азии. Страны Восточной Азии осознали, что они могли усилить свое влияние в международных делах,

только если смогут отбросить прошлые подозрения, использовать механизмы многостороннего сотрудничества в качестве платформы и использовать силу региона в целом для постепенного выхода из подчиненного и пассивного положения в биполярной системе. Были созданы такие механизмы регионального сотрудничества, как Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (*далее АТЭС*) и «Форум Азия-Европа» (*далее АСЕМ*), в тоже время АСЕАН продолжал расти, Восточно-Азиатский экономический форум (*далее ЕАЭС*) стал более сложным, и субрегиональное экономическое сотрудничество Большого Меконга (*далее СБМ*) набирало силу. На основе стратегической обстановки в Восточной Азии в конце холодной войны, почти 20 стран Азиатско-Тихоокеанского региона подписали соглашение о создании Регионального форума АСЕАН (*далее АРФ*), который стал важным официальным многосторонним механизмом диалога по вопросам безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе путем укрепления доверия в межгосударственном сотрудничестве посредством официальных или гражданских контактов. На основе создания и совершенствования региональных многосторонних механизмов в Восточной Азии впервые появилось осознание участия в глобальном управлении: Китай, Япония и другие крупные страны Восточной Азии подписали «Киот-

ский Протокол» и выступили за глобальное экологическое управление в рамках Конференции ООН по окружающей среде и развитию. В этот период Восточная Азия в основном фокусировалась на региональном управлении, демонстрируя характеристики «мягкого механизма» и открытости для участия в глобальном управлении.

Второй этап – конец 1990-х и начало 2000-х годов, когда в 1997 году разразился азиатский финансовый кризис и Восточная Азия начала укреплять региональное экономическое сотрудничество в рамках механизма глобального экономического управления, а в конце 1990-х годов, когда страны Восточной Азии оказались в ловушке финансового кризиса и не смогли спасти себя, США не оказали своевременной помощи, а Международный валютный фонд (*далее МВФ*) не смог сыграть эффективную роль. Страны Восточной Азии начинали осознавать, что только благодаря «самопомощи» и взаимопомощи внутри своих стран они смогут преодолеть кризис и возобновить свое экономическое развитие. Движимые экономическими интересами и тем фактом, что экономические вопросы не затрагивали основные национальные интересы, необходимо было создать более эффективные механизмы экономического управления, чем сотрудничество в традиционных областях безопасности. Азиатский финансовый кризис показал отсутствие ли-

дерства в экономическом сотрудничестве в Восточной Азии, поэтому на базе АСЕАН была организована встреча лидеров АСЕАН+3, которая вовлекла крупнейшие экономики Восточной Азии – Китай, Японию и Южную Корею – в многостороннее экономическое сотрудничество в Восточной Азии и установила различные уровни диалога в различных областях, таких как экономика, дипломатия, окружающая среда и культура. Предложение Японии о создании «Азиатского валютного фонда» (*далее АВФ*), независимого от МВФ, было отклонено из-за сильной оппозиции со стороны США. Китай намеревался подписать Соглашение о свободной торговле (*далее ССТ*) со странами АСЕАН, в то время как Япония и Южная Корея предпочитали развивать свои региональные экономики в рамках глобального торгового режима и ВТО [张卫华, 2007, с. 10]. Советание высших министров финансов стран Азиатско-Тихоокеанского региона предложило создать «Манильскую рамочную программу» для решения проблемы регионального экономического кризиса, включая создание регионального механизма раннего предупреждения финансовых кризисов, укрепление регионального экономического и научного сотрудничества и добавление новых финансовых инструментов, признавая, что МВФ остается основным механизмом управления мировой экономикой [吴定保, 1998]. На встрече

АСЕАН + 3 в мае 2000 года министры финансов подписали «Чианг-майское соглашение», региональную сеть валютных свопов в ответ на финансовый кризис. Условия соглашения, сроки погашения кредитов и установленные процентные ставки были привязаны к МВФ. В этот период основной задачей стран Восточной Азии было восстановление внутренних экономик, сильно пострадавших от финансового кризиса, и укрепление механизма регионального экономического сотрудничества в знак признания глобального экономического механизма.

Третий этап – период после Террористических актов 11 сентября 2001 года и до середины 2010-х годов. Террористические акты 11 сентября 2001 года не только изменили глобальную стратегию США, но и сильно повлияли на политику безопасности в других частях света. Под давлением США, была осознана необходимость обеспечения стабильности в национальных обществах и преодоления побочных эффектов глобализации, и механизмы управления Восточной Азией были полностью согласованы с глобальной повесткой дня по борьбе с терроризмом под руководством США, а некоторые региональные механизмы экономического управления даже начали брать на себя функции по борьбе с терроризмом. Будучи одним из важнейших многосторонних механизмов экономического сотрудничества в Восточной Азии, АТЭС уделяет

особое внимание вопросам безопасности, включающим финансы, борьбу с терроризмом, здравоохранение, энергетику и региональную политическую безопасность. Пережив такие нетрадиционные вызовы безопасности, как эпидемия ТОРС (SARS) и цунами в Индийском океане, АТЭС скорректировал свой стратегический фокус и расширил сферы сотрудничества, двигаясь в направлении экономики и безопасности одновременно. Однако чрезмерное обобщение организаций выявило незрелость механизма управления в Восточной Азии, и чрезмерное расширение сферы функций организаций привело к дроблению ресурсов и тем самым ослабило присущую ему власть. В этот период, помимо борьбы с терроризмом, стали рассматриваться вопросы нетрадиционной безопасности. В 2002 году стартовала Министерская конференция АСЕАН + 3 по окружающей среде, что свидетельствует о том, что Восточная Азия осознает важность диалога по вопросам охраны окружающей среды, однако сотрудничество ограничивалось двусторонним или субрегиональным уровнем. На заседании АРФ в 2002 году АСЕАН предложила совместные усилия по борьбе с наркотрафиком, контрабандой и отмыванием денег, пиратством и другими транснациональными преступлениями на море. В 2003 году шестисторонние переговоры стали многосторонним механизмом, представляющим международный

интерес, для решения северокорейской ядерной проблемы с целью предотвращения распространения ядерного оружия. Проведенный в 2005 году Восточноазиатский саммит (далее ВАС) рассматривал такие вопросы, как денуклеаризация (ядерное разоружение) Северно-Корейского полуострова, терроризм, птичий грипп и необходимость достижения устойчивого развития, позиционируя эти вопросы как необходимое дополнение к существующему диалогу о сотрудничестве АСЕАН+3. ВАС более открыт, в нем участвует больше стран, он решает более широкий круг вопросов и имеет более универсальные правила, чем АСЕАН+3, и в большей степени способствует интеграции в процесс глобального управления. ВАС продвигает универсальные глобальные правила и ценности в Восточной Азии и способствует партнерству между АСЕАН и другими участниками ВАС.

Четвертый этап – это период после глобального экономического кризиса 2008 года и до конца 2010-х годов, когда процесс глобализации привел к тесной интеграции регионального и глобального управления в Восточной Азии. Глобальный экономический кризис 2008 года был чрезвычайно разрушительным, быстро распространяющимся, транснациональным и сложным, и внутренняя экономика крупнейших стран США и Европы сильно пострадала. Перераспределение гло-

бальной власти, вызванное экономическим кризисом, являлось важной возможностью для новых игроков в Восточной Азии включиться в создание новых механизмов глобального управления. Страны Восточной Азии начали думать о том, как повысить свой экономический статус в глобальном экономическом управлении, пытаясь совместить укрепление регионального управления с перестройкой глобальных экономических механизмов. После разразившегося в 2008 году экономического кризиса статус и роль Восточной Азии в G20 резко изменились, и лидеры стран Восточной Азии провели несколько неформальных встреч в рамках саммита G20, подчеркивая, что соглашение G20 не менее важно, чем соглашение саммита АСЕАН. Страны Восточной Азии также присоединились к Комиссии ООН по глобальному управлению (CGG) для участия в конструктивном диалоге между членами и не-членами G20 по вопросам национальной координации и сотрудничества.

Пятый этап – это вступление в 2020-е годы, когда переплетаются эпидемия коронавируса и беспрецедентные изменения века, когда механизм четырех государств – США, Японии, Индии и Австралии – хеджируется с китайской инициативой «Один пояс и один путь». Риски, вызванные глобализацией, приводят к тесной интеграции регионального и глобального управления в Восточной Азии, в то

время как другие факторы вливаются в многосторонние отношения стран АСЕАН. В течение этого периода страны АСЕАН активно создавали свои механизмы реагирования на риски для общественного здравоохранения, активно сотрудничали на разных уровнях для борьбы с эпидемией, координировали и объединяли свои ответные меры на эпидемию, а также смягчали воздействие эпидемии на здоровье населения, торговлю и поездки. На специальной встрече лидеров АСЕАН-Китай-Япония-Южная Корея (10+3) по борьбе с эпидемией коронавируса, состоявшейся 14 апреля 2020 года, стороны договорились выделить части средств из Фонда сотрудничества Китай-АСЕАН (10+1) и Фонда сотрудничества 10+3 в качестве специального фонда для поддержки стран АСЕАН в борьбе с эпидемией. Стороны договорились укреплять сотрудничество в области разработки и производства вакцин и противовирусных препаратов, а также единогласно решили укреплять систему наблюдения и раннего предупреждения инфекционных заболеваний в регионе, обмениваться соответствующим опытом и показательными случаями, а также своевременно и прозрачно делиться информацией. В ответ на нехватку медицинских ресурсов, выявленную в результате вспышки коронавируса, стороны рассмотрели возможность совместного создания системы запасов медицинских ма-

териалов. В марте 2021 года США, Япония, Индия и Австралия провели первую онлайн-встречу лидеров «Четырехстороннего диалога по безопасности», которая расширила темы сотрудничества и хотела бы способствовать дальнейшему продвижению механизма диалога, одновременно укрепляя взаимодействие со странами вне механизма и демонстрируя тенденцию создания структуры «Четырехсторонний плюс», развитие и влияние которой заслуживает большого внимания [刘琳, 2021, с. 23-25]. США, Япония, Индия и Австралия являются членами ключевых региональных механизмов безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе, ядром которых является АСЕАН, включая Региональный форум АСЕАН, Совещание министров обороны АСЕАН и Восточноазиатский саммит (10+8) и др. Чтобы развеять опасения членов АСЕАН в разгар геополитических потрясений, лидеры четырех стран подтвердили свою поддержку единства и «центральности» АСЕАН, но в реальности участия и влияния на вопросы региональной безопасности они отдают предпочтение двустороннему, трехстороннему и четырехстороннему сотрудничеству в меньших масштабах, а также стремятся вовлечь европейские страны в дела Индо-Тихоокеанского региона. Эти меры могут нарушить существующую структуру регионального сотрудничества в области безопасности, ослабить центральность АСЕАН в

региональных делах и поставить под угрозу развитие механизма регионального сотрудничества в области безопасности, ориентированного на АСЕАН. Кроме того, четырехсторонний диалог по безопасности охватывает вопросы, которые пересекаются с механизмами регионального сотрудничества под руководством АСЕАН, что может снизить внимание и вклад некоторых стран в механизмы АСЕАН. Четырехсторонний диалог по безопасности также нацелен на расширение Вьетнама и других членов АСЕАН, что в определенной степени может создать опасность для раскола внутри АСЕАН.

Новый порядок регионального управления в контексте региональной культурной политики

*Основополагающая логика
глобального управления*

и региональная культурная политика

С ростом и распространением концепции региональной интеграции, региональное управление постепенно привлекает внимание национальных участников региональной интеграции. На протяжении всей истории можно видеть, что концепция и выбор пути управления под руководством власти долгое время казались путем международного управления в западном мире, как на уровне глобального управления, так и на уровне регионального управления. Хотя с упадком гегемонии западные общества предложили постгегемонистское управление, то

есть международное управление после гегемонии через системы, созданные гегемонистскими державами для ее защиты. Но управление все еще не смогло полностью выйти из-под влияния концепции Запада как центра и утверждения западной модели как единственно правильной. Культура как фактор, оказывающий глубокое влияние на международное управление, кажется, более или менее сознательно игнорируется. В частности, окончание холодной войны привело к историческому триумфу Запада и столкновению цивилизаций, что, помимо прочего, привело к возрождению власти и систем (в основном тех, которые были созданы при доминировании западных держав) в международном управлении. Однако подъем незападных стран как группы, представленной Китаем, свидетельствует о том, что не-западные цивилизации не отстают от западных. Именно по этой причине культура заново открыта как фактор, который когда-то был отфильтрован от западного взгляда на международное управление. Как ключевой фактор международного управления, культура оказывает важное влияние не только на глобальное управление, но и на региональное управление в контексте интеграционных процессов, что нельзя недооценивать.

а) Силовое управление: «закон джунглей» при законе слабых

Власть была одной из самых ранних проблем, обсуждавшихся в науке международного отношения,

и является постоянной темой исследований, связанных с политикой. С введением концепции международного управления в общую картину стало входить управление, ориентированное на власть. Согласно логике реалистического анализа, в анархической мировой системе каждый отдельный и рациональный субъект должен постоянно увеличивать свою власть, чтобы выжить и сохранить себя. В международном обществе, которое еще не породило единое мировое авторитетное правительство, укрепление собственными силами является единственным рациональным вариантом для субъектов, чтобы избежать разрушения. Из этой же логики вытекает и то, что в развитии международного управления власть вновь вошла в дискурс международного управления в качестве, казалось бы, всемогущего фактора. Согласно логике силового управления, будь то в глобальном или региональном управлении, субъект, обладающий абсолютной властью, является субъектом управления и имеет право доминировать в процессе управления и контролировать правила игры в управлении, как, например, в исторический период колониальной экспансии западного капитализма, с мощными кораблями и пушками, когда центр власти с Португалией, Испанией и Британией в качестве ядра осуществлял грабеж и примитивное накопление капитала в не-западном мире, и после того, как это силовое разграб-

ление привело к разрушению местной социальной структуры и традиционной культуры, возникло силовое управление западного капитализма в местном обществе. Не случайно логика силового управления также следует другой логике мышления: власть, главным образом, состоит в том, что западные капиталистические страны имеют право управлять решением различных вопросов. Поскольку другие страны являются отсталыми и некомпетентными по сравнению с Западом, он лишен права управлять местными обществами и даже международным сообществом. Поскольку международное управление под руководством Запада сталкивается с многочисленными дефицитами управления и дилеммами перед лицом распространения глобализации, логика международного управления под руководством власти, которая когда-то считалась западными капиталистическими державами эффективной, выглядит несколько беспомощной. В общем, особые исторические условия, которые позволили Западу доминировать в мире с XIX века в условиях несбалансированного распределения глобальной власти и которые впоследствии создали подъем сверхдержав, больше не существуют: статус сверхдержавы США больше не является устойчивым, и другие западные державы не имеют необходимых материальных и социальных преимуществ, чтобы стремиться к глобальному домини-

рованию. Перед лицом провала силового управления в международном управлении, постгегемонистское управление, представленное институциональным управлением, начало входить в дискурс международного управления.

б) Институциональное управление: игра великих держав в постгегемонистскую эпоху

Поскольку логика силового управления, которой придерживались западные капиталистические державы в международном управлении, постепенно сталкивались с многочисленными дилеммами и вызовами на фоне напряженности между глобализацией и контрглобализацией, интеграцией и фрагментацией, начал формироваться новый дискурс международных механизмов как логики международного управления, который демонстрирует тенденцию к замене силового управления. Так называемое институциональное управление осуществляется в основном через международные механизмы и режимы, созданные под руководством западных стран, такие как НАТО, G 8, НАФТА и другие региональные и глобальные организации и механизмы для регулирования, например, транснациональных преступлений, экологического ущерба, финансовых преступлений и т. д. Это так называемое институциональное управление следует логике, которая все еще не свободна от узкого видения того, что оно ориентировано на Запад и служит исклю-

чительно западным интересам. Конечно, нельзя отрицать, что международные механизмы, созданные Западом, не совсем неэффективны в международном управлении. Всемирный банк, Международный валютный фонд и ЮНЕСКО сыграли положительную роль в решении проблем глобального управления, но это только потому, что западные державы забрали львиную долю дивидендов от управления. Поскольку мировая власть продолжает смещаться в не-западном направлении, и в то же время западные ученые выступали за столкновение цивилизаций и т. д., относительно ослабевающие западные страны начинают задумываться о планировании постгегемонистского международного управления. Столкнувшись с подъемом и расцветом незападного мира, западные страны начали смещать акцент на институциональное управление, чтобы продолжать занимать высокие позиции и контролировать дискурс международного управления в постзападную эпоху. Разумеется, это институциональное управление представляет собой постзападное силовое управление мировой экономикой и политикой, основанное на потребностях западных интересов, с международными механизмами и системами, созданными под руководством западных капиталистических стран, в качестве основной платформы управления. На первый взгляд, из-за глобального характера субъектов, участвующих

в создании международных механизмов и режимов, кажется, что возглавляемое системой международное управление полностью представляет интересы всего международного сообщества, но при более глубоком рассмотрении выясняется, что это всего лишь защита интересов западного капитализма под видом международного режима. Более глубокая причина заключается в том, что эти международные режимы по-прежнему являются лишь инструментами западного управления международным обществом. И силовое, и постгегемонистское международное управление воплощают рациональность, унаследованную от эволюции западных обществ, где она занимает ключевую позицию и продолжает играть важную роль. Более глубокая причина заключается в том, что эти международные режимы по-прежнему являются лишь инструментами западного управления международным обществом.

в) Культурное управление: многосторонние отношения в условиях поворота к социализации

С переосмыслением и критикой инструментальной рациональности, рационализма в международном управлении, такого как управление властью и институциональное управление, начался социальный поворот в управлении, а после появления социологического поворота в международной политике, культура также стала привлекать все большее внимание исследователей.

Наиболее важным в социализированном повороте в международном управлении является культура и ее место и роль в международном управлении. С окончанием холодной войны между США и Советским Союзом в западных странах и обществах время от времени возникают такие аргументы, как «теория конца истории» и «столкновение цивилизаций». Хотя эти аргументы, естественно, предназначены для оправдания и даже прославления западного капитализма, но, объективно говоря, они поднимают новые вопросы для международного управления в эпоху после холодной войны. Региональные конфликты, национальные распри и этнические споры, которые были подавляемы биполярной конфронтацией, вспыхнули в результате распада Советского Союза и окончания холодной войны. Это также ставит перед международным управлением еще одну дилемму: следует ли продолжать исторически эффективную логику и практику управления с опорой на власть? Или продолжать руководствоваться международной системой, созданной при доминировании Запада, с Западом как доминирующей силой в решении различных возникающих глобальных и региональных проблем, таких как распространение и разрастание терроризма и разделение между религиозным радикализмом и светской политикой? Как отмечается в исследованиях по сравнительной политике и политической культуре, культура – это глубочай-

ший механизм возникновения, заложенный в индивидуальном и даже коллективном сознании. Эта глубинная культура и ее функции нелегко меняются с историческим развитием, например, развитием экономики или промышленных технологий. Культура является относительно более стабильным и постоянным фактором. Можно утверждать, что почти во всех новых вызовах, возникших в международном управлении, есть общий знаменатель: культура и ее влияние. Именно по этой причине призыв к культурному управлению в международном управлении начал набирать обороты. В конце концов, международная политическая культура отражает международную политическую экологию определенного периода времени, и в ходе взаимосвязанного развития в мире постепенно формируется чувство общности человеческих судеб. Культивирование гармоничной и симбиотической международной политической культуры посредством гуманитарных обменов и образования в области международных отношений также является важным элементом глобального управления и построения международного порядка. В частности, ряд событий, произошедших после Террористических актов 11 сентября 2001 года, таких как распространение ИГИЛ, «Арабская весна» и ее последствия, а также различные другие явления антиглобализации и возвращения геополитики – все это потребовало деконструкции и ре-

конструкции международного управления на более глубоком уровне. Теория «столкновения цивилизаций» необъективна в силу ограничений времени, но она подтянула международное сообщество к перспективе цивилизационных и культурных исследований и обеспечила платформу для социализированного поворота в международном управлении, представленного культурным управлением.

Заключение

Благодаря вышеприведенному краткому обзору и анализу, можно сделать вывод, что хотя традиционные концепции и логики международного управления – силовое управление в анархических международных обществах и постгегемонистское институциональное управление – сыграли положительную роль и продолжают играть определенную ценность, но вместе с тем с социализацией международной политики и ее дальнейшим развитием в повестку дня международного управления начала входить логика управления, представленная культурным управлением. Она постепенно перемещается ближе к центру системы международного управления. Это также предполагает, в более широкой перспективе, что восстановление мирового культурного порядка не может быть достигнуто без культурного поворота в международном управлении и ценностях, которые оно несет. Таким образом, во второй части нашего исследования мы рассмотрим новые модели регионального куль-

турного управления, принципы регионального порядка в новых междугосударственных отношениях на основе концепции «礼尚往来

(lǐshàngwǎnglái)» и продолжим изучение китайской парадигмы регионального управления.

Библиографический список

1. Государственный Совет КНР: «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути XXI», 28-3-2015. URL: <http://www.scio.gov.cn/31773/35507/35519/Document/1535279/1535279.htm>. (Дата обращения: 30.03.2023).
2. Miles Kahler “Asia and the Reform of Global Governance”, paper prepared for the Asian Economic Policy Review conference “Asia Reshaping the Global Economic Order: Trade and Finance”, 10 Apr. 2010, Tokyo.
3. Sayuri Shirai “Financial and Monetary Cooperation in East Asia: Global Governance and Economic Integration”, paper prepared for international workshop on “An East Asian Community and the US”, Tokyo, Jun. 2006.
4. 白云真, 贾启辰. 新功能主义视域下的东亚区域治理[J]. 太平洋学报, 2013,21(02):35-42.
5. 陈康令. 试析传统东亚秩序“礼治下的和平”[J]. 国际观察, 2015,(04):73-86.
6. 国家发展改革委 外交部 商务部. 推动共建丝绸之路经济带和 21 世纪海上丝绸之路的愿景与行动[E/R]. 2015.3.29.
7. 郭延军. 美国与东亚安全的区域治理——基于公共物品外部性理论的分析[J]. 世界经济与政治, 2010,(07):36-50+156.
8. 郇庆治. 全球环境治理与东亚区域环境合作[J]. 复旦国际关系评论, 2007,(00):100-115.
9. 李博一. 国际治理中的区域文化治理:概念界定与比较分析[J]. 国别和区域研究, 2020,5(03):120-149+170.
10. 李丹, 董琴. 全球经济治理体系改革的东亚方案与中国作用[J]. 国际经贸探索, 2021,37(11):101-112.
11. 刘琳. 峰会之后, 美日印澳四国机制在忙什么[J]. 世界知识, 2021,(10):23-25.
12. 刘卿. 东亚非传统安全: 多边合作与制度建设[J]. 国际问题论坛, 2007(夏季号):27-29.
13. 卢国学. APEC 安全议题与当前区域安全合作[J]. 亚非纵横, 2007,(04):30-36.
14. 梅新育. 中国—东盟自贸区考验中国世界治理能力[J]. 中国物流与采购, 2010,(02):32.

15. 吴定保. 讨论金融危机对策 《马尼拉框架》会议在马来西亚举行[R]. 人民日报, 1998.11.10.(7).
16. 吴志成,杨娜. 全球治理的东亚视角[J]. 国外理论动态,2012,(10):17-23.
17. 夏路. 从“多重权力概念”看东亚区域治理[J]. 东南学术,2006,(01):65-71.
18. 俞可平. 治理与善治[M]. 北京: 社会科学文献出版社, 2000.
19. 张卫华. 亚洲货币基金组织何时诞生?[J]. 经济,2007,(08):10-12.
20. 张小明. 中国与周边国家关系的历史演变:模式与过程[J]. 国际政治研究,2006,(01):57-71.
21. 张云. 国际关系中的区域治理:理论建构与比较分析[J]. 中国社会科学,2019,(07):186-203+208.

Reference list

1. Gosudarstvennyj Sovet KNR: «Videnie i dejstvie, napravlennye na pro-dvizhenie sovmestnogo stroitel'stva "Jekonomicheskogo pojasa Shelkovogo puti" i "Morskogo Shelkovogo puti XXI» = PRC State Council: "Vision and action to pro-mote the joint construction of the Silk Road Economic Belt and the Maritime Silk Road XXI", 28-3-2015. URL: <http://www.scio.gov.cn/31773/35507/35519/Document/1535279/1535279.htm>. (Data obrashhenija: 30.03.2023).
2. Miles Kahler "Asia and the Reform of Global Governance", paper prepared for the Asian Economic Policy Review conference "Asia Reshaping the Global Economic Order: Trade and Finance", 10 Apr. 2010, Tokyo.
3. Sayuri Shirai "Financial and Monetary Cooperation in East Asia: Global Governance and Economic Integration", paper prepared for international workshop on "An East Asian Community and the US", Tokyo, Jun. 2006.
4. 白云真,贾启辰. 新功能主义视域下的东亚区域治理[J]. 太平洋学报,2013,21(02):35-42.
5. 陈康令. 试析传统东亚秩序“礼治下的和平”[J]. 国际观察,2015,(04):73-86.
6. 国家发展改革委 外交部 商务部. 推动共建丝绸之路经济带和 21 世纪海上丝绸之路的愿景与行动[E/R]. 2015.3.29.
7. 郭延军. 美国与东亚安全的区域治理——基于公共物品外部性理论的分析[J]. 世界经济与政治,2010,(07):36-50+156.
8. 郇庆治. 全球环境治理与东亚区域环境合作[J]. 复旦国际关系评论, 2007,(00):100-115.
9. 李博一. 国际治理中的区域文化治理:概念界定与比较分析[J]. 国别和区域研究, 2020,5(03):120-149+170.
10. 李丹,董琴. 全球经济治理体系改革的东亚方案与中国作用[J]. 国际经贸探索, 2021,37(11):101-112.

11. 刘琳. 峰会之后, 美日印澳四国机制在忙什么 [J]. 世界知识, 2021, (10): 23-25.
12. 刘卿. 东亚非传统安全: 多边合作与制度建设 [J]. 国际问题论坛, 2007 (夏季号): 27-29.
13. 卢国学. APEC 安全议题与当前区域安全合作 [J]. 亚非纵横, 2007, (04): 30-36.
14. 梅新育. 中国—东盟自贸区考验中国世界治理能力 [J]. 中国物流与采购, 2010, (02): 32.
15. 吴定保. 讨论金融危机对策 《马尼拉框架》会议在马来西亚举行 [R]. 人民日报, 1998.11.10. (7).
16. 吴志成, 杨娜. 全球治理的东亚视角 [J]. 国外理论动态, 2012, (10): 17-23.
17. 夏路. 从“多重权力概念”看东亚区域治理 [J]. 东南学术, 2006, (01): 65-71.
18. 俞可平. 治理与善治 [M]. 北京: 社会科学文献出版社, 2000.
19. 张卫华. 亚洲货币基金组织何时诞生? [J]. 经济, 2007, (08): 10-12.
20. 张小明. 中国与周边国家关系的历史演变: 模式与过程 [J]. 国际政治研究, 2006, (01): 57-71.
21. 张云. 国际关系中的区域治理: 理论建构与比较分析 [J]. 中国社会科学, 2019, (07): 186-203+208.

Статья поступила в редакцию 04.01.2023; одобрена после рецензирования 08.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted on 04.01.2023; approved after reviewing 08.02.2023; accepted for publication on 28.02.2023

Научная статья

УДК 327

DOI: 10.20323/2658_7866_2023_1_15_22

EDN GFJRTS

Русский язык как инструмент «мягкой силы» в Республике Казахстан

Алина Павловна Ушакова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны, г. Ярославль
ushakowalina@yandex.ru, orcid.org/0000-0002-8080-306X

Аннотация. В статье на основе статистической информации осуществлена попытка характеристики современного статуса русского языка как одного из официальных языков Республики Казахстан. Отмечается, что геополитические, идеологические, культурные и экономические процессы, которые происходят на территории стран Содружества Независимых Государств (далее СНГ) в настоящее время, влекут за собой кардинальные изменения роли русского языка, его распространённости и престижности его изучения и коммуникации на нём. Тревожная тенденция снижения интереса к изучению русского языка и изменения его положения во всём мире и на территории стран СНГ вызвана естественным стремлением многих постсоветских государств, в том числе и Республики Казахстан, поддерживать собственные государственные языки, то есть свою идентичность. В связи с чем актуальность данной работы обосновывается значимостью популяризации современного русского языка на территории стран СНГ для сохранения, поддержания, развития позитивного образа России за рубежом и положительного отношения к ней в условиях быстроменяющейся обстановки в мире. В статье уделяется внимание потенциальным возможностям русского языка как одного из ресурсов «мягкой силы» в деле продвижения интересов внешней политики России. Поднимается вопрос о важности получения образования на русском языке, в связи с тем, что высшее образование, полученное в вузах России, – инструмент подготовки высококвалифицированных кадров, разбирающихся в русской истории и знающих особенности русской культуры. Утверждается первостепенное значение укрепления дружественных связей Республики Казахстан и Российской Федерации с целью недопущения разрушения партнёрских отношений братских народов.

Ключевые слова: русский язык; казахский язык; международное сотрудничество; внешняя политика; языковая политика; «мягкая сила»; межкультурная коммуникация; образование

Для цитирования: Ушакова А. П. Русский язык как инструмент «мягкой силы» в Республике Казахстан // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 1 (15). С. 22-34. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_22. <https://elibrary.ru/GFJRTS>.

Original article

The Russian language as a tool of “soft power” in the Republic of Kazakhstan

Alina P. Ushakova

Candidate of philological sciences, associate professor at the Russian language department, Yaroslavl higher military school of anti-aircraft warfare, Yaroslavl ushakowalina@yandex.ru, orcid.org/0000-0002-8080-306X

Abstract. Based on statistical data, the article attempts to characterize the current status of the Russian language as one of the official languages in the Republic of Kazakhstan. It is noted that the geopolitical, ideological, cultural and economic processes taking place on the territory of the Commonwealth of Independent States (CIS) at the present time, entail fundamental changes in the role of the Russian language, its popularity and prestige of its studying and communicating in it. The alarming trend towards declining interest in studying the Russian language and changing its position throughout the world and in the CIS countries is caused by the natural desire of many post-Soviet states, including the Republic of Kazakhstan, to maintain their own state languages, that is, their identity. In this regard, the relevance of this work is justified by the importance of promoting the modern Russian language in the CIS countries in order to preserve, maintain and develop a positive image of Russia abroad and a positive attitude towards it in a rapidly changing global environment. The article focuses on the potential of the Russian language as a "soft power" resource for advancing Russian foreign policy interests. The question is raised about the importance of getting an education in Russian, because higher education obtained in Russian universities is a tool for training highly qualified personnel who understand Russian history and know the specifics of Russian culture. The author stresses the paramount importance of strengthening friendly relations between the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation in order to prevent the disruption of the partnership between the fraternal peoples.

Key words: the Russian language, the Kazakh language, international cooperation, foreign policy, language policy, «soft power», intercultural communication, education.

For citation: Ushakova A. P. The Russian language as a tool of “soft power” in the Republic of Kazakhstan. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 1(15):22-34. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_22. <https://elibrary.ru/GFJRTS>.

Введение

Русский язык – проводник в мир русской культуры, инструмент продвижения российских ценностей и фактор формирования положительного образа России. В настоящее время намечается тревожная тенденция искажения образа России за рубежом, фальсификации российской и мировой истории; реальные события, происходящие в стране, также подвергаются различным ошибочным интерпретациям и освещению, что может повлечь за собой неправильное восприятие роли нашего государства на мировой арене, нарушению диалога. По результатам исследования общественного мнения населения стран региона СНГ о российской гуманитарной помощи и вкладе в содействие международному развитию, положительно относятся к России 62 % из числа опрошенных жителей Республики Казахстан, дружественной Россию считают 58 % из числа респондентов [Потенциал гуманитарного ... , 2022].

Вместе с тем вызывают опасения сообщения в средствах массовой информации (СМИ) о так называемых «русских рейдах», которые, по мнению президента Республики Казахстан К.-Ж. Токаева, являются

провокацией спецслужб: «Имеющиеся факты дискриминации так называемых языковых патрулей – провокация. Все эти действия организованы профессиональными провокаторами, действующими по заданию спецслужб» [Токаев назвал ... , 2022]. Некоммерческие организации, финансируемые зачастую из-за рубежа, используя технологии «цветных революций», дискредитируют статус русской культуры, основой которой является русский язык, имеющий официальный статус в Республике Казахстан.

Целью настоящей работы является анализ роли русского языка как ресурса «мягкой силы» в сохранении культурных и духовных связей, укреплении дружественных отношений казахского и русского народов. В качестве основного метода исследования используется метод анализа, позволяющий раскрыть значение русского языка в одной из стран СНГ.

Описание современного статуса русского языка в Республике Казахстан

Русский язык – основа истории и культуры России, гарант этнокультурной и языковой самоидентификации русских. Являясь одним из самых распространённых языков, рус-

ский язык в современном мире выступает как государственный язык Российской Федерации, как мировой язык и язык межнационального общения, как рабочий язык крупнейших международных организаций. Распространение и поддержания статуса русской культуры средствами русского языка является одним из определяющих инструментов «мягкой силы» (понятие “soft power” предложено Дж. Наем [Nye, 2004]). «Для нашей страны русский язык – много больше, чем средство общения. Он объединяет все народы России, является основой нашей национальной идентичности, нашим великим наследием, уникальным по своей образности, чёткости, меткости, выразительности и красоте», – отмечает Президент Российской Федерации В. В. Путин [Путин назвал ... , 2020]. Значимость языковых процессов, происходящих на территории стран СНГ, подтверждается наличием ряда современных исследований, освещающих данную проблему [Акифи, 2019; Евдокимов, 2020; Колин, 2021; Селезнева, 2021; Фигуровская, 2022; Шаповалова, 2016].

Согласно статистическим исследованиям 2022 года, на русском языке говорят 258 млн человек, он занимает 8 место в мире по числу говорящих на нём. При усложнении международных отношений, нарастании напряжённости русский язык объединяет народы стран Содружества Независимых Государств (*далее СНГ*), выступая инструментом общения в научной, культурной,

образовательной, профессиональной сферах и транслятором культурного достояния разных народов. Являясь фактором единения народов СССР, русский язык сохраняет свой статус и сегодня, выстраивая коммуникацию на этом языке дружественные народы стремятся к взаимопониманию, открытости, доверительным отношениям и решают главные вопросы жизни стран и народов, в связи с чем существует острая необходимость сохранения русского языка и его роли на международной арене. Как отмечает М. Русецкая, за 30 лет существования СНГ, русский язык показал «с одной стороны, уязвимость перед лицом политических решений, а с другой – чрезвычайную жизнестойкость, динамичность» [Индекс положения ... , 2022, с. 3]. Отмеченная жизнестойкость подтверждается не только распространённостью русского языка в мире, но и его употреблением в качестве официального и рабочего в таких объединениях, как ООН (Организация Объединённых Наций), СНГ (Содружество Независимых Государств), ОДКБ (Организация Договора о Коллективной Безопасности), ГУАМ (Организация за демократию и экономическое развитие), ЕврАзЭС (Евразийское экономическое сообщество), ТС (Таможенный Союз) и других.

В Республике Казахстан, как и в Российской Федерации, русский язык наделён статусом государственного языка. Следует отметить,

что среди стран СНГ в Республике Казахстан наблюдается одно из самых бережных отношений к использованию русского языка в официальной и бытовой сферах общения. Языковая ситуация в стране уникальна: по информации различных источников, в стране насчитывается около 120 этносов, что предусматривает такое же количество языков (в том числе и русского), на которых осуществляется коммуникация. При этом доминируют казахский и русский этносы: согласно переписи населения 2021 года, численность населения страны составляет 19 186 015 человек, из них 13 497 891 человек – казахи, 2 981 946 человек – русские, 2 283 224 из которых указывают русский язык в качестве родного языка. Всего на русском языке в Республике Казахстан осуществляют устную и письменную коммуникацию 51,4 % респондентов [Ценности казахстанского общества ...]. Примечательно, что для мегаполисов Республики Казахстан (Алматы, Астаны и Шымкента) характерно двуязычие [Сулейменова, 2019]. Активное использование русского языка в Республике Казахстан обусловлено экономическим, военно-политическим сотрудничеством с Россией, а также проживанием в стране значительного числа русских и представителей других этнических групп, родиной которых является Россия и родным языком которых является русский язык.

Правовой статус русского языка в Республике Казахстан закреплён на государственном уровне. Так, в Законе Казахской Советской Социалистической Республики от 22 сентября 1989 года «О языках в Казахской ССР» в статье 2 главы 1 [Закон Казахской Советской Социалистической Республики от 22 сентября 1989 года ...] указывается, что русский язык является языком межнационального общения, а Казахская ССР в свою очередь обеспечивает свободное функционирование русского языка наравне с казахским. Новый статус русского языка закрепляется в Конституции Республики Казахстан 1995 года, которая закрепляет официальное употребление русского языка наравне с казахским в государственных организациях и органах местного самоуправления. В 1997 году в Законе Республики Казахстан от 11 июля 1997 года № 151-І «О языках в Республике Казахстан» в статье 5 главы 1 указывается этот же статус русского языка: «в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык» [Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 года № 151-І ...]. Кроме того, в статье 7 этого же закона отмечается недопустимость ущемления прав граждан по языковому признаку, препятствования функционированию и изучению языков Республики Казахстан, в том числе русского языка.

Геополитические, идеологические, культурные и экономические процессы, происходящие на территории стран СНГ, влекут за собой изменение роли русского языка, вызванное естественным стремлением многих постсоветских государств поддерживать собственные государственные языки. Сейчас некоторые постсоветские страны, такие как Азербайджан, Узбекистан, Туркменистан, стали использовать латиницу вместо кириллицы. В рамках программы «Модернизация казахского языка на основе латинографического алфавита» в Казахстане введение алфавита, основанного на латинице, началось в 2017 году. Одним из направлений работы данной инициативы является перевод лучших книг по общественным и гуманитарным наукам на государственный язык страны. Языковая политика страны направлена на приоритетное развитие государственного языка, казахского, как одного из факторов национальной идентичности казахского народа, что находит отражение в государственных программах по реализации языковой политики. В действующей программе («Государственная программа по реализации языковой политики в Республике Казахстан на 2020–2025 годы») одной из задач является и развитие языкового капитала граждан Казахстана, в рамках которой уделяется внимание и функционированию русского языка в коммуникативно-языковом пространстве. Индикатором успешности реализации про-

граммы будет являться показатель, при котором в 2025 году в Казахстане 31 % населения будет владеть тремя языками: казахским, русским и английским.

Не вызывает сомнений необходимость укрепления роли русского языка как транслятора русского мира, что предусматривает одно из направлений государственной политики в сфере международных отношений, заключающееся в обеспечении изучения, популяризации и распространения за рубежом русского языка и российской культуры. В 2019 году в ходе заседания Совета при президенте по русскому языку президент России В. В. Путин призывал не называть русский язык мощным оружием, потому что «если это оружие, то с ним начнут бороться как с оружием. С ним и так борются, но по другим соображениям. Да, это сила в известной степени, мягкая сила» [Путин назвал русский язык «мягкой силой» ...]. Это демонстрирует один из принципов «мягкой силы» – добровольный осознанный выбор определённых положений, образа действий. О русском языке как о факторе «мягкой силы», о необходимости путём убеждения и привлечения симпатий к стране продвигать российские интересы президент России говорил и в 2012 году на совещании послов и постоянных представителей России [Совещание послов ...].

В России господствует представление о «мягкой силе» как о

«невоенных методах воздействия на противоположную сторону» [Лебедева, 2017, с. 213]. Анализируя феномены пропаганды и «мягкой силы», М. М. Лебедева выделяет отличительные черты «мягкой силы»: 1) не допускает навязывания и стимулирования; 2) применяется в рамках неолиберальной концепции ТМО; 3) ориентирована на долгосрочное взаимодействие с партнёром; 4) избегает манипулирования; 5) ориентирована на диалог, воспринимает противоположную сторону в качестве субъекта; б) предлагает создание доверительных отношений» [Лебедева, 2017, с. 215]. Так, распространение и использование русского языка в Республике Казахстан не допускает применения силы и методов манипуляции, статус русского языка зафиксирован в нормативно-правовых документах, казахский, русский и другие языки страны употребляются повсеместно. Популяризация русского языка и русской культуры – это не удовлетворение собственных интересов, уникальность русского языка как ресурса «мягкой силы» заключается в предоставлении возможностей взаимообогащения братских народов. Коммуникация на русском языке казахского и российского народов, свидетельствует о планировании поддержания добрососедских и партнёрских отношений на протяжении долгого времени.

Значительные резервы «мягкой силы» России в пространстве СНГ определяются доминирующим

культурным и информационным влиянием как Советского Союза, так и современной России, положительным отношением жителей стран СНГ к России и русским, возрастающим информационно-культурным воздействием в других странах СНГ.

С целью поддержки статуса русского языка в России и за рубежом функционируют фонд «Русский мир», агентство «Россотрудничество», международная образовательно-просветительская волонтерская программа «Послы русского языка», просветительская акция «Тотальный диктант» и другие. Цель данных организаций и мероприятий, проводящихся под их эгидой, состоит в популяризации русского языка, представляющего собой национальное достояние России и важный элемент культуры России и мира, а также поддержка изучения русского языка, создание привлекательного образа России. Русский язык следует рассматривать «не только как национальное богатство России, но и как весьма важную часть мирового интеллектуального потенциала» [Колин, 2021, с. 23], как стратегический фактор обеспечения «международной информационной безопасности в условиях глобализации общества» [Колин, 2021, с. 27].

Долгосрочные цели «мягкой силы» реализуются в образовании. На сегодняшний день в Республике Казахстан доля учеников, обучающихся в школах на русском языке, составляет 30,90 %» [Индекс поло-

жения русского ... , 2022, с. 29]. «В образовательных организациях среднего профессионального образования на русском языке обучаются 40,5 %» [Индекс положения русского ... , 2022, с. 33], а высшее образование на русском языке получают 30,2 %. По данным статистического сборника «Образование в Казахстане» в 2021–2022 в государстве в 3 847 школах велось обучение на казахском языке, в 1 259 школах – на русском языке, в 2 431 школах – на смешанном языке. Однако, по замечаниям Н. Вдовиной и С. Никитиной, школа с русским языком обучения не относится к категории национальных учебных заведений, она вненациональна. «Процесс обучения в таких учебных заведениях ориентирован на коммуникативную функцию русского языка – функцию языка межнационального общения, тогда как его этническая (этнообразующая) функция уходит на второй план» [Вдовина, 2017, с. 61, 62]. В послании народу от 1 сентября 2022 года К.-Ж. Токаев отметил важность изучения обоих языков: «В обществе ведутся дискуссии вокруг преподавания в школах казахского и русского языков. Скажу предельно ясно: мы должны воспитывать детей, хорошо владеющих и казахским, и русским языками» [Правда ли, что в Казахстане ...]. Обучение школьников и студентов русскому языку и на русском языке должно быть продиктовано ещё и тем, что во время Советского Союза были созданы цен-

ные научные и литературные труды, являющиеся достоянием всех народов, изучение данных ресурсов должно быть обязательным для всех поколений, заинтересованных в духовном и интеллектуальном развитии своей нации.

На территории Республики Казахстан функционируют филиалы российских вузов: филиал «Восход» Московского авиационного института; Алматинский филиал Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов; Костанайский филиал Челябинского государственного университета; Казахстанский филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Студенты и курсанты приезжают в Россию для получения высшего образования в ведущих гражданских и военных вузах страны. Долгое время Республика Казахстан находится на первом месте по числу студентов, приезжающих в Россию для получения высшего образования. «Студенты из этой страны составляют пятую часть всех иностранных студентов вузов России» [Индекс положения русского ... , 2022, с. 54]. Получая высшее образование, достигая нового статуса в профессиональной деятельности, приобщаясь к культуре и ценностям, студенты и выпускники вузов становятся посредниками между казахской и русской культурами, тем самым демонстрируют сформированные представления о современном мироустройстве. Экспорт образовательных услуг позволяет расширить области влияния

России с помощью продвижения русского языка как одного из ресурсов «мягкой силы».

Говоря об образовании и сохранении статуса русского языка на постсоветском пространстве, нельзя обойти стороной и сотрудничество российских вузов с казахскими в области повышения квалификации учителей. Стратегическое партнёрство вузов распространено не только в крупных городах России, так, Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского имеет договорённость о сотрудничестве в сфере образования с Казахским национальным педагогическим университетом имени Абая. Ректоры университетов уверены, что «развитие контактов между вузами, проведение совместных научных исследований, организация обменов между студентами и преподавателями принесут большую пользу высшим учебным заведениям» [Ярославский вуз договорился ...]. Таким образом, «университеты становятся важным элементом не только внутренней, но и внешней политики, как инструмент “мягкой силы”» [Акифи, 2019, с. 6].

Ключевым событием в деле продвижения и сохранения статуса русской культуры, а вместе с ней и русского языка как основного компонента культуры, в деле взаимной поддержки стран-участниц, укрепления межнациональной дружбы и развития международного сотрудничества становится объявление 2023 года Годом русского языка как

языка межнационального общения в странах СНГ. В рамках Года русского языка в Республике Казахстан (г. Астана, г. Алматы) будет проходить Международный конгресс «Роль русского языка в межнациональном общении в странах СНГ». Важным показателем успешности диалога Республики Казахстан и Российской Федерации является инициатива президента Республики Казахстана «создать под эгидой СНГ международную организацию по поддержке и продвижению русского языка» [Путин поблагодарил Токаева за поддержку ...].

Заключение

Будучи ресурсом «мягкой силы» политики Российской Федерации, русский язык является инструментом получения образования и престижной специальности; орудием приобщения к русским и мировым культурным, научным достижениям; фактором единения дружественных народов; условием связи соотечественников, живущих в России и за рубежом; фактором обеспечения международного сотрудничества и взаимообогащения; гарантом интеллектуальной безопасности современного общества.

Важнейшим показателем престижа Российской Федерации в мире является распространённость её государственного языка. Стратегические внешние интересы России могут быть реализованы при высокой степени востребованности русского языка. Русский язык – инструмент поддержки положительного образа России, её истории,

культуры, многовековых ценностей. Использование русского языка на территории стран СНГ, в том числе и Казахстана, в качестве приобщения разных народов к российской и мировой культуре необходимо не только России, страны-участницы также заинтересованы в развитии культуры, экономики и военно-

политической сфер, во взаимном обогащении стран. Не вызывает сомнений, что необходимо оказывать противодействие любым попыткам ущемления или дискриминации русского языка за рубежом, в том числе «цветным революциям» и разогреванию межнациональной розни между братскими народами.

Библиографический список

1. Акифи О. И. Популяризация русского языка как часть политики «мягкой силы» России в межкультурной коммуникации // Русский язык в современном Китае : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. / Забайкал. гос. ун-т [отв. ред. Ю. В. Звездина]. Чита : ЗабГУ, 2019. С. 5–8.
2. Вдовина Н. Русский язык в системе образования Республики Казахстан / Н. Вдовина, С. Никитина // Альманах «Этнодиалоги». Москва : Автономная некоммерческая организация Центр содействия межнациональному образованию «Этносфера». № 1 (52). 2017. С. 58–62.
3. Евдокимов А. Н. Русский язык в Центральной Азии: современное состояние и перспективы / А. Н. Евдокимов, Т. А. Давыдова, Д. А. Савкин // Проблемы постсоветского пространства. Т. 7, № 3. 2020. С. 373–378.
4. Закон Казахской Советской Социалистической Республики от 22 сентября 1989 года О языках в Казахской ССР. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005765&pos=2;-68#pos=2;-68. (Дата обращения: 20.01.2022).
5. Закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 года № 151-І О языках в Республике Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.07.2022 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008034&pos=93;-48#pos=93;-48. (Дата обращения: 20.01.2022).
6. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Выпуск 2 / сост. А. Л. Арефьев, А. Р. Голубь, С. Ю. Камышева, И. А. Маев, А. И. Ольховская, М. А. Осадчий, М. Н. Русецкая, А. С. Хехтель; под ред. М. А. Осадчего. Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022. 60 с.
7. Колин К. К. Русский язык как стратегический фактор интеллектуальной безопасности современного общества // Многоязычие в образовательном пространстве. Раздел. Многоязычие: междисциплинарный подход. Ижевск : Издательский центр «Удмуртский университет». 2021. Т. 13. С. 22–33.
8. Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. 3(54). С. 212–223.
9. Потенциал гуманитарного сотрудничества России в регионе СНГ. Краткое аналитическое резюме по результатам социологического исследования по заказу Россотрудничества. Москва, 2022. 10 с.

10. Правда ли, что в Казахстане планируют закрыть школы с русским языком обучения? URL: <https://factcheck.kz/false/pravda-li-cto-v-kazahstane-zakroyut-shkoly-s-russkim-yazykom-obucheniya/>. (Дата обращения: 21.01.2022).
11. Путин назвал русский язык «мягкой силой». URL: <https://ria.ru/20191105/1560601120.html>. (Дата обращения: 20.01.2022).
12. Путин назвал русский язык основой национальной идентичности. URL: <https://ria.ru/20200606/1572564122.html>. (Дата обращения: 22.01.2022).
13. Путин поблагодарил Токаева за поддержку русского языка в Казахстане. URL: <https://ria.ru/20221007/tokaev-1822249462.html?in=t>. (Дата обращения: 21.01.2022).
14. Селезнева Л. В. Имиджевые характеристики русского языка в аспекте политики «мягкой силы» / Л. В. Селезнева, О. И. Северская, Л. Н. Саакян // Русистика. Москва : Российский университет дружбы народов, 2021. Т. 19, № 3. С. 271–284.
15. Совещание послов и постоянных представителей России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15902#sel=12:9:hUX,12:32:WSf>. (Дата обращения: 21.01.2022).
16. Сулейменова Э. Д. Казахский, Шаймерденова Н. Ж. Русский язык полиязычных мегаполисов Казахстана // Русское слово в многоязычном мире: Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ (г. Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля – 3 мая 2019 года) / Ред. кол.: Н. А. Боженкова, С. В. Вяткина, Н. И. Клушина [и др.]. Санкт-Петербург : МАПРЯЛ, 2019. С. 119–124
17. Токаев назвал языковые патрули профессиональной провокацией спецслужб. URL: <https://ru.sputnik.kz/20220429/tokaev-yazykovye-patruli-provokatsiya-24538405.html>. (Дата обращения: 22.01.2022).
18. Фигуровская Ю. Е. Русский язык как «мягкая сила» // Научные дискуссии в эпоху глобализации: материалы XXIII Всероссийской научно-практической конференции (г. Смоленск, 8 декабря 2022 г.). Смоленск : Издательство ООО «ПОЛИГРАФ», 2022. С. 34–38.
19. Ценности казахстанского общества в социологическом измерении. Алматы : Изд-во «ТОО «DELUXE Printery», 2020. 143 с.
20. Шаповалова В. В. Русский язык как элемент «мягкой силы» России на постсоветском пространстве // Современная наука: проблемы, идеи, тенденции / Выдавецтва «Навуковы свет», Издательство «Мир науки». Минск : Выдавецтва «Навуковы свет», 2016. С. 350–353.
21. Ярославский вуз договорился о сотрудничестве с университетом из Казахстана. URL: <https://ruskiimir.ru/news/306558>. (Дата обращения: 24.01.2022).
22. Nye J. S., Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y. : Public Affairs, 2004. – 192 p.

Reference list

1. Akifi O. I. Populjarizacija ruskogo jazyka kak chast' politiki «mjagkoj sily» Rossii v mezhkul'turnoj kommunikacii = The Russian language promotion as part of Russia's "soft power" policy in intercultural communication // Russkij jazyk v sovremenom Kitae : materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / Zabajkal. gos. un-t [otv. red. Ju. V. Zvezdina]. Chita : ZabGU, 2019. S. 5–8.

2. Vdovina N. Russkij jazyk v sisteme obrazovanija Respubliki Kazahstan / N. Vdovina, S. Nikitina = The Russian language in the education system of the Republic of Kazakhstan / N. Vdovina, S. Nikitina // Al'manah «Jetnodialogi». Moskva : Avtonomnaja nekommercheskaja organizacija Centr sodejstvija mezhnacional'nomu obrazovaniju «Jetnosfera». № 1 (52). S. 58–62.

3. Evdokimov A. N. Russkij jazyk v Central'noj Azii: sovremennoe sostojanie i perspektivy = The Russian language in Central Asia: current state and prospects / A. N. Evdokimov, T. A. Davydova, D. A. Savkin // Problemy postsovetского prostranstva. T. 7, № 3. 2020. S. 373–378.

4. Zakon Kazahskoj Sovetskoj Socialisticheskoj Respubliki ot 22 sentjabrja 1989 goda O jazykah v Kazahskoj SSR = The Law of the Kazakh Soviet Socialist Republic of September 22, 1989 On Languages in the Kazakh SSR. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005765&pos=2;-68#pos=2;-68. (Data obrashhenija: 20.01.2022).

5. Zakon Respubliki Kazahstan ot 11 ijulja 1997 goda № 151-I O jazykah v Respublike Kazahstan (s izmenenijami i dopolnenijami po sostojaniju na 14.07.2022 g.) = Law of the Republic of Kazakhstan dated July 11, 1997 No. 151-I On languages in the Republic of Kazakhstan (as amended and supplemented as of July 14, 2022). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008034&pos=93;-48#pos=93;-48. (Data obrashhenija: 20.01.2022).

6. Indeks polozhenija russkogo jazyka v mire: indeks global'noj konkurentosposobnosti (GK-Indeks), indeks ustojchivosti v stranah postsovetского prostranstva (US-Indeks). Vypusk 2 = The Index of the Russian language position in the world: Global Competitiveness Index (GC-Index), Sustainability Index in Post-Soviet Countries (Su-Index). Issue 2 / sost. A. L. Aref'ev, A. R. Golub', S. Ju. Kamysheva, I. A. Maev, A. I. Ol'hovskaja, M. A. Osadchij, M. N. Ruseckaja, A. S. Hehtel'; pod red. M. A. Osadchego. Moskva : Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A. S. Pushkina, 2022. 60 s.

7. Kolin K. K. Russkij jazyk kak strategicheskij faktor intellektual'noj bezopasnosti sovremenogo obshhestva = The Russian language as a strategic factor in the intellectual security of modern society // Mnogojazychie v obrazovatel'nom prostranstve. Razdel. Mnogojazychie: mezhdisciplinarnyj podhod. Izhevsk : Izdatel'skij centr «Udmurtskij universitet». 2021. T. 13. S. 22–33.

8. Lebedeva M. M. «Mjagkaja sila»: ponjatie i podhody = “Soft power”: concepts and approaches // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2017. 3(54). S. 212–223.

9. Potencial gumanitarnogo sotrudnichestva Rossii v regione SNG. Kratkoe analiticheskoe rezjume po rezul'tatam sociologicheskogo issledovanija po zakazu Rossotrudnichestva. = Russia's humanitarian cooperation potential in the CIS region. A brief analytical summary based on the results of the sociological study commissioned by Rosotrudnichestvo. Moskva, 2022. 10 s.

10. Pravda li, chto v Kazahstane planirujut zakryt' shkoly s russkim jazykom obuchenija? = Is it true that there are plans to close Russian-language schools in Kazakhstan? URL: <https://factcheck.kz/false/pravda-li-chto-v-kazahstane-zakroyut-shkoly-s-russkim-yazykom-obucheniya/>. (Data obrashhenija: 21.01.2022).

11. Putin nazval russkij jazyk «mjagkoj siloj». = Putin called the Russian language a “soft power”. URL: <https://ria.ru/20191105/1560601120.html>. (Data obrashhenija: 20.01.2022).

12. Putin nazval ruskij jazyk osnovoj nacional'noj identichnosti = Putin called the Russian language the basis of the national identity. URL: <https://ria.ru/20200606/1572564122.html>. (Data obrashhenija: 22.01.2022).
13. Putin poblagodaryl Tokaeva za podderzhku ruskogo jazyka v Kazahstane = Putin thanked Tokayev for his support of the Russian language in Kazakhstan. URL: <https://ria.ru/20221007/tokaev-1822249462.html?in=t>. (Data obrashhenija: 21.01.2022).
14. Selezneva L. V. Imidzhevye harakteristiki ruskogo jazyka v aspekte politiki «mjagkoj sily» = Image characteristics of the Russian language in the context of “soft power” policy / L. V. Selezneva, O. I. Severskaja, L. N. Saakjan // Rusistika. Moskva : Rossijskij universitet druzhby narodov, 2021. T. 19, № 3. S. 271–284.
15. Soveshhanie poslov i postojannyh predstavitelej Rossii = The meeting of Russian ambassadors and permanent representatives. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15902#sel=12:9:hUX,12:32:WSf>. (Data obrashhenija: 21.01.2022).
16. Sulejmenova Je. D. Kazahskij, Shajmerdenova N. Zh. Ruskij jazyk poli-jazychnyh megapolisov Kazahstana = The Russian language in Kazakhstan's multilingual metropolises // Russkoe slovo v mnogojazychnom mire: Materialy XIV Kongressa MAPRJaL (g. Nur-Sultan, Kazahstan, 29 aprelja – 3 maja 2019 goda) / Red. kol.: N. A. Bozhenkova, S. V. Vjatkina, N. I. Klushina [i dr.]. Sankt-Peterburg : MAPRJaL, 2019. S. 119–124
17. Tokaev nazval jazykovye patruli professional'noj provokaciej specslužhb = Tokayev called the language patrols a professional provocation by the special services. URL: <https://ru.sputnik.kz/20220429/tokaev-yazykovye-patruli-provokatsiya-24538405.html>. (Data obrashhenija: 22.01.2022).
18. Figurovskaja Ju. E. Ruskij jazyk kak «mjagkaja sila» = The Russian language as a “soft power” // Nauchnye diskussii v jepohu globalizacii: materialy XXIII Vse-rossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii (g. Smolensk, 8 dekabnja 2022 g.). Smolensk : Izdatel'stvo OOO "POLIGRAF", 2022. S. 34–38.
19. Cennosti kazahstanskogo obshhestva v sociologičeskom izmerenii = Values of Kazakh society in the sociological dimension. Almaty : Izd-vo «TOO «DELUXE Printery», 2020. 143 s.
20. Shapovalova V. V. Ruskij jazyk kak jelement «mjagkoj sily» Rossii na postsovet'skom prostranstve = The Russian language as an element of Russia's “soft power” in the post-Soviet space // Sovremennaja nauka: problemy, idei, tendencii / Vydavectva «Navukovy svet», Izdatel'stvo «Mir nauki». Minsk : Vydavectva «Navukovy svet», 2016. S. 350–353.
21. Jaroslavskij vuz dogovorilsja o sotrudničestve s universitetom iz Kazahstana = Yaroslavl University has agreed on cooperation with a university from Kazakhstan. URL: <https://ruskiymir.ru/news/306558>. (Data obrashhenija: 24.01.2022).
22. Nye J. S., Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y. : Public Affairs, 2004. – 192 p.

Статья поступила в редакцию 31.01.2023; одобрена после рецензирования 12.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted on 31.01.2023; approved after reviewing 12.02.2023; accepted for publication on 28.02.2023

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_1_15_35
EDN HCFJQN

Купеческое слово: семантика и прагматика речевого жанра

Алевтина Николаевна Сперанская

Кандидат филологических наук, доцент Института иностранных языков
и литератур, университет Ланьчжоу, КНР, г. Ланьчжоу
alsperanskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0712-1337>

Аннотация. Речевой жанр *купеческое слово* зависит от социального контекста, так как подвергся сильным диахронным изменениям. Сам жанр сложился, по всей видимости, раньше, но языковой материал, который послужил источником для описания жанра, относится преимущественно к XIX веку. Особенность жанра в том, что он создавался и приобретал свою семантику и прагматику внутри профессионального сообщества и поддерживался его конвенциями, благодаря чему у жанра положительной коннотативный фон: надежность, прочность, нерушимость. Описание жанра осуществлялось по нескольким жанрообразующим признакам. Коммуникативная цель жанра – обязательное исполнение налагаемых на себя обязательств. Говорящий имеет твердое намерение выполнить обещание, залогом и гарантом которого является его честь, хотя залог не называется, но подразумевается. Дающий *купеческое слово* (образ автора) – это человек, принадлежащий к купеческому сословию или ведущий торговлю, добровольно взявший на себя полномочия выполнить обещанное. В системе взглядов такого человека обещание является морально-этической ценностью, которая не отменяет личную прагматическую пользу. Основная презумпция со стороны адресата – доверие. *Купеческое слово* проявляется в двух типах дискурсов: коммерческие ситуации либо, если говорящий принадлежит к купеческому сословию, бытовые, житейские ситуации. Таким образом, в речевом интенциональном семантическом поле ‘обещание (принятие на себя обязательства)’ главным для осуществления жанра *купеческое слово* является признак ‘обязательность’. Семантика жанра связана с тем, что говорящий причисляет себя к значи-

мой для него социальной группе, сформировавшей корпоративное понимание чести, нарушение которой связано с репутационными и коммерческими потерями для говорящего. Прагматика жанра заключается в том, что она обеспечивает формирование профессиональных и других социальных связей между участниками коммуникативной ситуации. Прагматика *купеческого слова* подразумевает исполнение установленных конвенций, главной из которых является истинность высказывания и искренняя вера говорящего в исполнение обещанного.

Ключевые слова: речевой жанр; купеческое слово; перформатив; коммисив; обязательства; ответственность; обещание

Для цитирования: Сперанская А. Н. Купеческое слово: семантика и прагматика речевого жанра // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 1 (15). С. 35-55. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_35. <https://elibrary.ru/HCFJQN>.

PHILOLOGY

Original article

Merchant's word: semantics and pragmatics of the speech genre

Alevtina N. Speranskaya

Candidate of philological sciences, associate professor, Institute of foreign languages and literatures, Lanzhou University, PRC, Lanzhou
alsperanskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0712-1337>

Abstract. The speech genre 'merchant's word' depends on the social context, as it has undergone major diachronic changes. The genre itself seems to have evolved earlier, but the linguistic material that served as a source for describing the genre belongs mainly to the XIX century. The peculiarity of the genre is that it was formed and acquired its semantics and pragmatics within the professional community and was supported by its conventions, thanks to which the genre has a positive connotative background: reliability, firmness, inviolability. The description of the genre was carried out according to several genre-forming characteristics. The communicative purpose of the genre is the obligatory fulfillment of the obligations imposed. The speaker has the firm intention of fulfilling a promise of which his honor is the pledge and guarantor, though the pledge is not named, but is implied. The one who gives the merchant's word (the author's image) is a person who belongs to the merchant class or engages in trade, voluntarily taking on the authority to fulfill what has been promised. In this person's belief system, the promise is a moral and ethical value that does not override one's pragmatic benefit. The main presumption on the part of the addressee is trust. The merchant's word manifests itself in two types of

discourse: commercial situations or, if the speaker belongs to the merchant class, common everyday situations. Thus, in the genre intentional semantic field 'promise (commitment)' the main feature for implementing the merchant's word genre is the feature 'obligation'. The genre semantics is related to the fact that the speaker identifies themselves with a significant social group that has formed a corporate understanding of honor, the violation of which is associated with reputational and commercial losses for the speaker. The pragmatics of the merchant's word implies the fulfillment of established conventions, the main of which is the truth of the utterance and the speaker's sincere faith in the fulfillment of the promise.

Key words: speech genre; merchant's word; performative; commissive; obligations; responsibility; promise

For citation: Speranskaia A. N. Merchant's word: semantics and pragmatics of the speech genre. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 1(15):35-55. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_35. <https://elibrary.ru/HCFJQN>.

Введение

Купечество, то есть сословие, занимающиеся торговлей, обособилось в России, по свидетельству БТС [Большой толковый словарь ...] с конца XVI века. Однако «первые упоминания о купцах в древнерусских летописях относятся к X веку. В то время купцами называли горожан, занимающихся торговлей. Элиту их составляли “гости”» [Никишин, 2017, с. 216]. И уже в XI–XII вв., как пишет далее автор, торговые люди – “гости” и “купцы” в крупных городах Руси объединяются в первые купеческие общества. Устав новгородской торговой корпорации Ивановской общины в XII веке объединял крупных оптовых торговцев воском (“вощинников”)» [Никишин, 2017, с. 216]. Почему об этом важно знать филологу, поставившему задачу описать речевой жанр *купеческое*

слово? Потому что при изучении любого явления, социального или языкового, а точнее, связанных вместе, обусловленных одно другим, важно учитывать диахронные изменения, происходящие как в социуме, так и в языке.

Языковой материал, который служит нам источником для описания речевого жанра *купеческое слово*, относится преимущественно к XIX веку, золотому веку русской литературы, так как контексты для анализа взяты из художественных произведений. Однако и для русского купечества это был «золотой век», время расцвета, когда после «разработки гильдейской реформы, повысившей роль купечества в торговле, <...> реформы завершились при Александре II снятием всех ограничений на занятие торговой деятельностью» [Бессолицын]. К концу XIX – началу XX века, по

мнению В. М. Никишина, «для русского предпринимателя общезначимыми социальными архетипами, определяющими национальную особенность хозяйствования, были: 1) нестяжательность; 2) религиозная солидарность и сотрудничество; 3) нестрогая прибыльность; 4) державность или государственный патернализм; 5) веротерпимость и открытость другим хозяйственным практикам; 6) благотворительность» [Никишин, 2017, с. 218]. Нет необходимости спорить с выводами исследователя-экономиста, можно лишь отметить, что при описании лингвокультурного типажа «русский купец» В. И. Карасик предлагает несколько другие характеристики русского купечества. Анализируя примеры из произведений русского фольклора и художественной литературы, а также изучая толкование и сочетаемость слов и реакции информантов на соответствующие слова, автор считает, что «признаковый состав рассматриваемого концепта сводится к следующим компонентам: 1) человек, 2) ведущий торговлю, 3) владеющий своим товаром, 4) относящийся к сословию купцов в царской России, 5) верный своим обязательствам, 6) живущий ради выгоды, 7) отличающийся дурным вкусом, 8) безрассудно тратящий деньги, 9) демонстрирующий отсутствие ограничений в расходах» [Карасик, 2009, с. 221].

Противоречивость двух данных описаний требует объяснений, и

они заключаются, во-первых, в том, что авторы используют разный материал для анализа, а во-вторых, как справедливо замечает В. И. Карасик: «купечество объединяло большой класс весьма разнородных индивидуумов» [Карасик, 2009, с. 222], и не только индивидуумов, но различных групп: «Купечество было не однородно. Выделялись: просто купцы, купечество, торговцы, зажиточные купцы и лучшие представители купечества» [Веселова, 2005, с. 79]. Само слово «купец» можно понимать по-разному: «Чухломской купец Юдин, выходец из крестьян, был одним из богатейших купцов России уже в середине прошлого века (*то есть XIX. – примечание мое А. С.*). Слово «купец» тогда обозначало не торговцев, а предпринимателей, предшественников капиталистов в европейском смысле» [Зиновьев, 1999, с. 25].

Поэтому общий портрет – это всегда нечто условное, при обобщении разнообразие живых характеров огрубляется и схематизируется. Есть и ещё одно объяснение причины, которая мешает составить «объективный портрет» героя, – это художественная реальность. Авторы, запечатлевшие те или иные характерные черты социального типажа, во главу угла ставят *свои* художественные задачи и решают их *своими* художественными методами. Говорить о документальной объективности созданных художественных образов не приходится. Но возмож-

ность говорить о типичности и/или о представленности той или иной характеристики позволяет создавать достоверные описания с опорой на языковой материал.

В своей статье мы ставим задачу описать речевой жанр *купеческое слово* (*слово купца*) как существующий в русской лингвокультуре тип высказываний, отраженный при этом в письменных текстах. Отметим, что данная задача является частью более общего исследования, которое осуществляет автор, по изучению жанра *слова* в русском языке.

Методы исследования

В ходе работы использовались традиционные методы лингвистического исследования и операциональные процедуры. Они включают наблюдение, описание, компонентный и контекстуальный анализ, элементы компонентного анализа и лингвокультурологической интерпретации. Также использовались, хоть и не в полном объеме модель описания речевого жанра (Т. В. Шмелева) и методика описания лингвокультурного типажа (В. И. Карасик).

Результаты исследования

Присутствие в русской культуре рече-поведенческой модели *купеческое слово* можно заметить, обратившись как к текстам русской литературы, так и описаниям «быта и нравов». Пожалуй, наиболее отчетливую художественную образность этому перформативу придал

Н. А. Островский в драме «Бесприданница»:

Кнуров: Вы купец, вы должны понимать, что значит слово.

Вожеватов: Вы меня обижаете. Я сам знаю, что такое купеческое слово. Ведь я с вами дело имею, а не с Робинзоном.

И несколько позже:

Вожеватов: Не могу, ничего не могу.

Лариса: И у тебя тоже цепи?

Вожеватов: Кандалы, Лариса Дмитриевна.

Лариса: Какие?

Вожеватов; Честное купеческое слово.

В создании положительной коннотации *купеческого слова* в этом произведении важно и его синтагматическая связь с адъективной оценкой «честное», и его сравнение с кандалами, которые выступают как надежный и прочный гарант сказанного, как нерушимые обязательства, которые добровольно наложил на себя говорящий и которые ограничивают его волю и свободу действий. Похожие образные сравнения содержатся в ряде паремийных текстов, например: *Крепка окова, а еще крепче слово* [Сборник народной мудрости ...]. В сборнике «Пословицы русского народа» В.И. Даля в тематической группе «Условие – обман» находим: *Слово – олово* (то есть тяжело, веско. – Прим. В. И. Даля); *Слово лучше (крепче) печати; Слово сказал, так на нем хоть терем клади* [Даль].

Образ *купеческого слова* был использован в рекламном дискурсе: производители одной марки пива выпустили свой товар со слоганом «Добротное. Слово купца!».

Что же касается описаний «быта и нравов», то здесь можно привести такие свидетельства:

«Правила хорошего тона, дуэльный кодекс, правила поведения на балу, танцевальные правила, *купеческое слово*, кодекс ремесленников – у всех сословий и слоев были свои законы, и ты всегда знал, как себя вести» [Семенов, 1998, с. 2];

«Честное слово купеческое. Существовало на Руси такое понятие. Скрепление сделки рукопожатием было крепче письменных договоров, а репутация ценилась дороже не только денег, но и жизни... Честное купеческое слово было столь же значимым, как в буржуазной среде – дворянская честь или благородное происхождение» [Филатова, 2014];

В документе «Семь принципов ведения дел в России», принятом российскими предпринимателями в 1912 году, пятый принцип «Будь верен своему слову» провозглашает нижеследующие: «Деловой человек должен быть верен своему слову. Единожды солгавши кто тебе поверит? Успех в деле во многом зависит от того, в какой степени окружающие доверяют тебе» [Скупов, 2021];

«Министр финансов Сергей Витте в одном из официальных документов писал, что в обороте государства находятся 50 миллионов

купеческих денег. И отданы они под честное слово» [Артонкина, 2020].

Даже такой одиозный свидетель, как маркиз де Кюстин, писал в своих путевых заметках (глава 25, посвященная Нижегородской ярмарке): «Главные торговые деятели ярмарки – крепостные крестьяне. Однако закон запрещает предоставлять кредит крепостному в сумме свыше пяти рублей. И вот с ними заключаются сделки на слово на огромные суммы» [Кюстин].

Таким образом, не вызывает сомнений существование в русской культуре такого речевого жанра как *купеческое слово (слово купца)*, описание которого, в соответствии со списком жанрообразующих признаков, сформулированных в работах Т. В. Шмелевой [Шмелева, 1990], будет предложено далее.

1. Первой характеристикой жанра является коммуникативная цель. При этом важно отметить, что «называя цель первым жанрообразующим признаком, следует подчеркнуть принципиальность этого шага. Дело в том, что именно цель лежит в основе типологии РЖ, противопоставляя 4 их типа и сводя к ним всё на первый взгляд необозримое множество жанров» [Шмелева, 1990, с. 24]. *Купеческое слово* относится к перформативной группе жанров, при детализации которой Дж. Л. Остин выделил комиссивы, семантику которых далее уточнил Дж. Серль [Остин, 1986; Серль, 1986]. Комиссивы связыва-

ют говорящего с совершением некоторого будущего действия или поведения, являясь директивами по отношению к самому себе.

Большая группа комиссивных жанров была названа Н. Ш. Галлямовой интенциональным семантико-прагматическим полем «обещание, клятва» с общим интенциональным смыслом «взять на себя обязательство сделать что-либо», в которую вошли обязательство, посул, гарантия, порука, зарок, сговор, договор и пр. [Галлямова, 2010, с. 18]. Н. И. Формановская назвала такие группы коммуникативно-семантическими [Формановская, 1986]. Распределение внутри большой общей группы речевых жанров, их своеобразное взаимодействие, «перетекание» из одного в другой – это отдельный вопрос, связанный с полевой организацией речевого жанра: «В качестве доминанты поля выступает цель коммуникативного действия или его иллокутивная сила. Такая постановка вопроса дает возможность объединить все вероятные в данном языке формы выражения речевых актов с данной иллокутивной силой в поле. Такое поле мы могли бы обозначить как коммуникативно-прагматическое поле» [Кторова, 2013, с. 59] (см. также: [Смолина, 2009]).

Для комиссивных речевых актов такая постановка вопроса наиболее актуальна. Во-первых, лингвопрагматики видят неоднородность данной группы и выделяют разные типы комиссивов. Так, «В. Богданов,

А. А. Козлова, Г. Г. Почепцов, Н. П. Семенюк в своих классификациях речевых актов среди комиссивов – речевых актов принятия обязательства – выделяют и класс комиссивов – речевых актов обещания. Промиссив рассматривается как синоним понятия “речевой акт обещания”» [Колоколова, 2008, с. 87]. Во-вторых, комиссивы связаны особым «направлением приспособления между словами и миром и пропозициональным содержанием, в котором выражаются психологические состояния. Дискурс для этих иллокутивных актов играет значительную роль» [Колоколова, 2008, с. 87]. Какое именно «психологическое состояние» является обязательным при реализации комиссива? Обычно называют две характеристики – ответственность и обязательность: «Основными семантическими критериями отнесения иллокутивного типа к классу комиссивов являются: а) сема направленности действия на будущее время; б) сема говорящего как единственного агента будущего действия; в) сема взятия говорящим на себя обязательства» [Филимонова, 2003, с. 21]; «распределение семантики глагола: в пресуппозиции – способность говорящего выполнить акт и желание слушающего, чтобы говорящий действительно выполнил его, а в утверждении – “обязательство”» [Восканян, 1987, с. 45-47]. В. В. Оглезнев подверг сомнению тезис, что ложные, неискренние обещания, то есть обещания, кото-

рые говорящий не выполнил, можно назвать обещанием. Исследователь считает, что «условие искренности «S намерен совершить A» является необходимым условием совершения речевого акта обещания, а правило искренности «P_t должно произноситься, только если S намерен совершить A». Конституирующее обещание как речевой акт является достаточным условием понимания (распознавания) того, что дается обещание» [Оглезнев, 2014, с. 345].

Представляется очевидным, что ответственность при соблюдении правила искренности – то «психологическое состояние» говорящего, которое распределяет комиссивы *обещание, слово, честное слово, купеческое слово, клятва* по своеобразной шкале, в которой «наивысшую степень ответственности за высказанное обещание выражает глагол *клясться*» [Кторова, 2017, с. 414]). Об этом же пишет Н. Ш. Галлямова: «Интенции же *обещать, давать обещание, давать слово, сулить, заверять* предполагают только морально-этическую ответственность говорящего. Однако нельзя сказать, что последние интенции абсолютно равнозначны с точки зрения данного параметра [степень ответственности]» [Галлямова, 2010, с. 23]. В «Новом объяснительно словаре синонимов русского языка» авторы детально рассматривают семантику глаголов *обещать, давать (честное) слово, сулить, клясться, обязываться* по

критериям: «1. По содержанию и трудности его выполнения; 2. По важности обещанных действий; 3. По обязательности выполнения; 4. По характеристике залога; 5. По возможным следствиям невыполнения обещания; 6. По ожиданиям адресата относительно действий субъекта; 7. По цели или мотивировке речевого акта; по форме осуществления; 9. По наличию возможных свидетелей; 10. По оценке обещания говорящим» [Новый объяснительный словарь ... , 2004, с. 687-688] и отмечают, что разница между комиссивами *давать (честное) слово* и *обещать* в трудности выполнения и в разных возможностях нарушения: «Если не выполняется обещание, то субъект рискует потерять доверие адресата. В случае нарушения слова, он рискует потерять право на самоуважение, репутацию человека чести и т. п.» [Новый объяснительный словарь ... , 2004, с. 688]. Отметим, что *обещание, (честное) слово* и *клятва* сочетаются с наречиями, выражающими степень обязательности, то при *купеческом слове* они отсутствуют, так как высокая степень обязательности присутствует в нем имплицитно и ее не надо подтверждать.

Приведем иллюстративные примеры, взятые из НКРЯ: *Твердость нерушимого купеческого слова прозвучала в голосе синдика (Ю. М. Нагибин. Перед твоим престолом); О высоком православном духе этого предпринимательства говорят и удивительные примеры*

твердости честного купеческого слова, и письма, и завещания детям (Марина Улыбышева, Сергей Шарпов. Православие и предпринимательство // «Эксперт», 2013)).

Таким образом, коммуникативная цель *купеческого слова* – обязательное исполнение налагаемых на себя обязательств. Говорящий имеет твердое намерение выполнить обещание, так как залогом является честь. Наличие данного гаранта сближает *купеческое слово* с жанром клятвы. Особенностью *купеческого слова* является невербализованность гаранта, он подразумевается, тогда как в клятве залог всегда называется.

2. Образ автора. Казалось бы, образ автора в жанре *купеческого слова* не вызывает особых затруднений, так как он задан самим определением. Однако кто такой «купец» и как реконструировать его образ? Как показано выше, отбор текстов существенно влияет на создание портрета героя. Поэтому не станем ограничиваться художественной литературой и расширим базу опорных текстов. Однако, работая с таким подвижным в диалектике плане понятием как «купец», отметим, что русский национальный «образцовый тип этического поведения – “честное слово купеческое”» начал формироваться примерно с XVI века [Веселова, 2005, с. 83] и существовал до начала XX века. При всей условности процедуры социокультурной типизации можно включить

в портрет автора *купеческого слова* следующие понятия: честь, порядочность, репутация,

Тот, кто давал *купеческое слово*, отвечал за его выполнение своей честью:

«В дореволюционные времена *купеческое слово* было высшей формой гарантии, потому что за ним стояло самое главное в его личной и деловой жизни – честь. Не сдержав данное обещание, купец утратил бы ее. В результате не смог бы не только вести свои дела, но и потерял бы малейшее уважение в глазах окружающих – большой позор даже сложно вообразить. Отсюда и пришла к нам поговорка “Уговор дороже денег”» [Ревунова] (ср. с контекстом: *А как же честь?.. Купеческое слово?.. (Александр Волков. Ликвидаторы // «Звезда», 2001))*;

«Русские купцы были уверены, что богатство приходит вслед за репутацией. “Доброе имя лучше богатства”, – говаривали они. И поэтому *купеческое слово* было наивысшей гарантией. Не банковская гарантия, не документ на бумаге, а именно слово, устное обещание. Ничего удивительного. Ведь за словом купца стояла его честь и возможность вести бизнес» [Артонкина];

«Основная часть русского купечества вышла из работающих крестьян, а их капиталы создавались упорным многолетним трудом, которому способствовала не только деловая хватка, сметливость, но и... порядочность. Ведь в те времена

договоры в основном заключались в устной форме, а гарантией было как раз то самое честное купеческое слово» [Ревунова].

Интересно, что устная форма договора, которая во многом объяснялась тем, что среди купцов были неграмотные, может быть помещена в другой культурный контекст, имеющий гораздо более древние корни. Ф.Б. Успенский, говорит о ситуации, когда в начале XII века исландский великий политик и ученый Снорри Стурлусон, получив записку, в которой его предупредили об убийстве, не придавал ей значения, потому что письменная культура существовала как бы в тени устной. Статус сообщаемого повысился бы от устного высказывания, и Снорри Стурлусон, возможно, принял бы меры [Успенский]. Культура устного обещания (клятва) опиралась на систему ритуалов, которые, как считают исследователи, имеет древнее, дописьменное, происхождение [Рабенко, 2010, с. 125; Чесноков, 2013, с. 5]. Отражение такого отношения находим в примере: *Знаете ли, сударь, что слово купца должно быть вернее всякого письменного обязательства (П.А. Плавильщиков. Сговор Кутейкина (1789))*. И в следующем свидетельстве: *«Честное купеческое слово» стоило в России больше, чем нотариально заверенные договоры (Г.В. Андреевский. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920-1930-е годы (2008))*.

В 1881 году литератор Николай Зегимель опубликовал в книге «Необходимые правила для купцов, банкиров, комиссионеров и вообще для каждого человека, занимающегося каким-либо делом» правила, своеобразный кодекс поведения предпринимателей. В нем содержатся рекомендации по поведению в общении с покупателем, подчиненными и коллегами по ремеслу. Есть в нем и постулат исполнения обещанного: «7. Держите всегда данное слово. Лучше не обещайте, если не уверены в том, что вы в состоянии исполнить обещанное, но раз давши слово, вы должны его помнить и свято исполнять» [Батырев]. Нетрудно заметить, перефразировку с паремией *До слова крепись, а дав слово (а за слово) держись!* Причем ряд может быть проложен: *Слово – закон: держись за него, как за кол (как за кон); Честь чести на слово верит; Слово держать, не по ветерью бежать (арханг.)* [Даль] (см. более подробный анализ пословиц о торговле и образе купца-предпринимателя на двух языковых уровнях: повседневно-обыденном и религиозно-нравственном в: [Тимченко, 2013]).

Можно сказать, что к середине XIX века сформировался образ автора, дающего *купеческое слово*: *У прежних русских купцов было купеческое слово (сделки заключались без письменных контрактов), христианские представления, исторически известная размашистая благотворительность (А.И. Солжени-*

цын. *Как нам обустроить Россию* (1990)).

Таким образом, дающий *купеческое слово* – это человек, принадлежащий к купеческому сословию или ведущий торговлю, добровольно взявший на себя полномочия выполнить обещанное. В системе взглядов такого человека обещание является этической ценностью, которое не отменяет при этом личную прагматическую пользу.

3. Образ адресата, то есть «некоторые обязательные условия (презумпции) его коммуникативного облика» [Шмелева, 1990, с. 27].

Если основной презумпцией, делающей возможным реализацию жанра *купеческое слово*, со стороны адресанта является искренность, то со стороны адресата – это доверие. До вступления в коммуникацию, в которой прозвучит *купеческое слово*, оба участника имеют или должны иметь примерно одинаковые представления (договоренности, конвенции) о том, при каких условиях осуществляется данный речевой жанр. Эти установки для комиссиров описаны достаточно подробно (выделим классическую работу о семантических правилах, индексирующих иллокутивную силу обещаний [Серль, 1986], и их детальный анализ в [Оглезнев, 2014, с. 339 и далее]; а также обстоятельный разбор прагматических правил функционирования интенций «обещание, клятва» в [Галлямова, 2010, с. 19]).

Особенность жанра *купеческое слово* в том, что оно создавалось и приобретало семантику и прагматику внутри профессионального сообщества и поддерживалось его конвенциями. Когда жанр начинает функционировать за пределами купеческого круга, то его реализация начинает зависеть от личной ответственности говорящего: *Какой же ты бизнесмен? Где твое купеческое слово? Он только смеется и с него «как с гуся вода».* (В. И. Максимов. *Дневник научного сотрудника* (1996)).

И так как любой жанр включает перлокуцию, то есть реакцию слушающего, то в отношении *купеческого слова* можно сказать, что оно связано с двумя перлокутивными эффектами: краткосрочным – собеседник здесь и сейчас верит сказанному и доверяет говорящему, и долгосрочным – автор создает себе репутацию «человека слова», которая положительно влияет на собеседников в дальнейших коммуникациях (ср.: «Сдержанность свое слово – это не только вопрос чистой совести. Это репутация» [Артонкина]). О прагматике присяги и клятвы, которая, как уже было сказано выше, наиболее близка жанру *купеческого слова*, С.В. Санников пишет, что она «связана формализацией социальных связей, что дает основания рассматривать их [присягу и клятву] в качестве возможного средства накопления социального либо политического капитала» [Санников, 2017, с. 4]. Замечание

кажется справедливым в отношении *купеческого слова*: именно социальный, и в первую очередь, репутационный капитал создавал себе представитель купечества.

4. Диктум. Так как *купеческое слово* связано с конкретной социальной группой, то оно будет проявляться в двух типах дискурсов: либо события, которые способствуют появлению данного жанра, связаны с коммерческими ситуациями, либо говорящий, использующий *купеческое слово*, принадлежит к данному сообществу, и тогда *купеческое слово* реализуется в бытовых, житейских ситуациях. В обоих случаях жанр сохраняет свои признаки.

Пример использования жанра «между своими» в коммерческой ситуации: *Только уж ты купцу-то спусти. С кого другого там что хошь бери, а своего брата купца зачем обижать? Возьми повчерашнему да так, чтоб уже и впредь... – Купеческое слово – нельзя. Зачем покупателя баловать? Ты сам купец, и должен это очень чудесно чувствовать. На все товары через курс поднятие. (Н. А. Лейкин. Говядина вздорожала (1880)).*

Второй пример – когда муж-купец высказывает свою волю жене: – *Что тогда, Матрена? – сказал купец, вставая. – Тогда вот тебе мое честное купеческое слово и вот свидетель Спас Нерукотворенный, что я прогоню тебя и на дороге больно побью – в первый раз в жизни побью и, разумеется, в последний, потому что во всю*

остальную жизнь нашу мы уже никогда с тобою не сойдемся (Н. А. Дурова. Угол (1840)).

Знаменательно, что герой в этом отрывке обращается к свидетельству высших сил – Спасу Нерукотворенному, что скорее характерно для клятвы. Но, как было сказано выше, *купеческое слово* в своем ядерном значении содержит семантику нерушимости сказанного (обещанного), которая подразумевает единство «мысли, слова (знака) и дела, или истинности (то есть искренности) высказываемого» [Чесноков, 2013, с. 6].

Формированию этой семантики способствовали некоторые ритуалы, или, что, очевидно, точнее, ритуализованные действия, которые совершали купцы, когда давали обещание: «Любили купцы расписные церковные галереи и гульбища, где после службы вели неспешные беседы о новостях, обсуждали ярмарочные цены и под строгими взглядами ликов святых заключали сделки под честное купеческое слово» [Грачёва, 2009, с. 25]. См. также: «Будущие купцы с малолетства воспитывались в миропонимании “под Богом ходим”. Купцы считали успех в бизнесе Божьим благословением. После завершения успешной сделки многие шли в первую очередь в церковь поблагодарить Создателя» [Артонкина] и «Торговую сделку в купеческой России часто скрепляли не подписью и печатью, а крестным знаменем. Можно скептически относиться к заключению сделок под

честное слово, но в то же время необходимо понимать, что для купцов – в прошлом крестьян, православная этика – суть внутренняя мораль. Для них несоблюдение добродетелей – безбожность, а угроза невозвратного долга – бесчестие и грех» [Филатова].

В русском речевом паремиконе (о понятии см.: [Сперанская, 2011]) о ритуальных действиях в ситуации, когда человек произносит некоторое обязательство или обещание (представляется возможным, что и *купеческое слово* входит в этот перечень), сохранилось несколько свидетельств: *Где рука, там и голова (т.е. дал слово – и отвечай)*, *Заложить правую руку (дать слово, обещать)*, *Мы и помолились вместе (кончили, дали слово)*, *Ударить по рукам (дать слово)* [Даль].

На формирование образа купца во многом повлиял коммерческий дискурс. И так как главным процессом для купца является торговля, а цель взаимодействия – купля-продажа (см. подробнее о репрезентации концепта «торговля» в [Лесинская, 2021]), то главными речевыми действиями торговой ситуации становятся речевые жанры, обслуживающие эту ситуацию. Тогда как *купеческое слово* функционирует, как правило, за рамками этого дискурса, в профессиональной среде, в которой, следуя принципу соответствия норме (см. о нем в работе: [Башкова, 2005, с. 192]), жанр присутствует, но не называется, по-

тому что это соответствует одному из проявлений нормы: «О том, что не отходит от нормы, обычно не делается сообщений» [Арутюнова, 1999а, с. 65]; «Было бы неэкономно доводить до сведения других обо всем том, что соответствует норме» [Арутюнова, 1999б, с. 76)].

О том, что *купеческое слово* не становилось предметом публицистического или художественного произведения свидетельствует и выборка текстов из НКРЯ: поиск по слову «купеческий» дает 5291 пример, а по сочетанию «купеческое слово» всего 17 примеров, из которых два приходятся не на указание жанра, а на указание признака принадлежности: *Про него можно было сказать купеческими словами: «на кривой не объедешь» (Николай Варенцов. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое (1930-1935))*; *Купеческія слова, навѣяныя тебѣ купцами. А ты повторяешь ихъ, какъ попугай (Н.А. Лейкин. Купецъ пришел! (1903))*.

5. Коммуникативное прошлое и будущее жанра. *Купеческое слово* – жанр с обязательным прошлым, так как представляет собой реакцию на создавшуюся коммуникативную ситуацию. Главным в осуществлении жанра будет желание самого говорящего, так как в отличие от жанров *обещания* и *слова купеческое слово* не может вынуждаться собеседником: говорящий может промолчать или заменить жанр другим.

Однако гораздо более важным параметром для *купеческого слова*, как и для всех комиссивов является фактор будущего, то есть перлокутивный эффект: что произошло после взятых на себя обязательств. Нормой является выполнение обещанного: *Что слово, то и дело; Условье – не присловье, а слово – ряд делу* [Даль], *Лучше богатство потерять, чем слово нарушить* [Сборник народной мудрости ...].

Как мы уже говорили, невыполнение грозит репутационными потерями и морально-этическими страданиями: *Прости! Я был дурак, что наговорил тебе дерзких слов, и еще более дурак, что смел давать честное купеческое слово в таком деле, к которому никогда бы не имел сил приступить. Забудь, пожалуйста, все это, я виноват, очень виноват и прошу у тебя прощенье от чистого сердца...* (Н. А. Дурова. *Угол* (1840)).

Н. Артонкина, приводя исторические факты, упоминает и такой обычай: «Бывали случаи, когда начинающий купец разорился, но честь свою не потерял. Был также обычай рвать пополам открытку. Одна часть оставалась у кредитора, вторая – у заемщика. И если через год по каким-либо серьезным причинам заемщик не смог приехать на ярмарку, то посылал вместо себя человека со своей половинкой открытки. Это означало, что приехать кредитумый не смог, но свое слово сдержит» [Артонкина].

6. Языковые средства реализации жанра. Для репрезентации намерения говорящего при исполнении *купеческого слова* использовалось, по всей видимости, прямое конвенциональное языковое средство – перформативное высказывание, например, *вот тебе мое купеческое слово*, как в примере выше. У нас нет достаточно убедительного материала, который бы протокольно отражал устную договоренность между участниками. Представляется возможным, что жанр *купеческого слова* реализовался не в одной реплике, а на уровне текста, так как «в большинстве случаев интенциональная часть высказывания связывается с остальной частью дискурса, которая направлена на собственно пропозициональное событийное содержание, как правило, отражающее широкую ситуацию реализации речевого акта» [Галлямова, 2010, с. 29]. Коммерческий дискурс предполагает как устную, так и письменную часть. Место *купеческого слова* – в устной части договоров: – *Отлично, мы договорились, купеческое слово сказано, готовьте все необходимые бумаги на подпись моему коммерческому директору!* (Георгий Елин. *Из дневников и записных книжек* (1997)).

Предположение о том, что перформатив *купеческое слово* либо сопровождающий его перформативный глагол никак не эксплицируются, можно проиллюстрировать художественным текстом – авторской сказкой С.Т. Аксакова «Алень-

кий цветочек». В ней одной из ключевых ситуацией является обязательство купца (*богатый купец, именитый человек; честной купец*, как именуется он в тексте) вернуться или прислать вместо себя дочь: «Я отпущу тебя домой невредимого, награжу казной несчетною, подарю цветочек аленький, коли дашь ты мне слово честное купецкое и запись своей руки, что пришлешь заместо себя одну из дочерей своих». И далее в тексте нет ситуации обещания, а разворачивается следующее: «Думал, думал купец думу крепкую и придумал так: “Лучше мне с дочерью повидаться, дать им своё родительское благословение, и коли они избавить меня от смерти не захотят, то приготовиться к смерти по долгу христианскому и воротиться к лесному зверю, чуду морскому”. Фальши у него на уме не было, а потому он рассказал, что у него было на мыслях. Зверь лесной, чудо морское, и без того их знал; видя его правду, он и записи с него заручной не взял» [Аксаков]. И этого оказалось достаточно, чтобы обе стороны поняли, что акт заключения «сделки» состоялся, причём о том, что купец взял на себя обязательство выполнить условие, ясно из контекста. Такое неназывание важного было отмечено И. В. Башковой: «Принцип неназывания, или сокровенности кажется самым парадоксальным. Суть его в том, что самые важные, самые дорогие для автора

смыслы прямо в тексте не называются» [Башкова, 2005, с. 190].

Поэтому содержание пропозиции и внутренней интенциональной установки говорящего декларируют, что совершившееся речевое действие – это обязательство, которое говорящий понимает как данное *купеческое слово*. Вполне возможно, что в определенный исторический период данная интенция выражалась без вербального сопровождения при условии, что говорящий совершал некоторое ритуализованное действие: протягивал для рукопожатия руку, осенял себя крестным знаменем и пр.

Заключение

В речевом интенциональном семантическом поле ‘обещание (принятие на себя обязательства)’ жанры могут быть сгруппированы по разным признакам. Одним из главных для осуществления жанра *купеческое слово* является признак ‘обязательность’, который сближает жанр с клятвой. *Купеческое слово* как речевой жанр функционировало в определенный исторический период времени. Его употребление было прервано социальными причинами, так как возникло оно в профессиональной среде русского купечества. Описание *купеческого слова* опирается на разные типы текстов, и поэтому возможны некоторые содержательные небольшие лакуны, однако материал достаточно репрезентативен, чтобы гово-

речь о продуктивности реконструкции данного речевого жанра.

Семантика купеческого слова связана с тем, что говорящий причисляет себя к значимой для него социальной группе, сформировавшей корпоративное понимание чести, нарушение которой связано с репутационными и коммерческими потерями для говорящего. Пресуппозиция говорящего способствует появлению общих семантических смыслов, делающих возможным

реализацию жанра: обязательность и безусловность выполнения.

Прагматика жанра заключается в том, что она обеспечивает формирование профессиональных и других социальных связей между участниками коммуникативной ситуации. Прагматика *купеческого слова* подразумевает исполнение установленных конвенций, главной из которых является истинность высказывания и искренняя вера говорящего в исполнение обещанного.

Библиографический список

1. Аксаков С. Аленький цветочек // Ну-ка дети. URL: https://nukadeti.ru/skazki/aksakov_alenkij_cvetochek. (Дата обращения: 07.03.2023).
2. Артонкина Н. Купеческое слово // Делопроизводство и документооборот на предприятии. 2020. № 12. URL: <https://delo-press.ru/journals/documents/prava-i-obyazannosti/57088-kupecheskoe-slovo/?printAuth=Y>. (Дата обращения: 07.03.2023).
3. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык // Язык и мир человека. Москва : Языки русской культуры, 1999б. С. 74–91.
4. Арутюнова Н.Д. Понятие нормы // Язык и мир человека. Москва : Языки русской культуры, 1999а. С. 65–73.
5. Батырев М. Кодекс чести русского купечества. URL: <https://batyrev.online/kodeks-kupca>. (Дата обращения: 05.03.2023).
6. Башкова И. В. Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика : сб. материалов Международной научной конференции на факультете филологии и журналистики / отв. ред. А. П. Сковородников. Красноярск : Изд-во КГУ, 2005. С. 189–194.
7. Бессолицын А. Торговля в Российской империи // Arzamas:сайт. URL: <https://arzamas.academy/courses/108/3>. (Дата обращения: 06.03.2023).
8. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 1998. 1534 с.
9. Веселова О. А. Честное слово купеческое (московские купцы в международных экономических отношениях XVI в.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2005. №4. С. 79–83.
10. Веская Г. Р. Опыт анализа предложений, содержащих перформативы-обязательства (на материале современного английского языка) // Проблемы синтаксиса словосочетания и предложения в современном английском языке : межвуз. сб. науч. тр. Пятигорск : ПГПИИЯ, 1987. С. 45–52.

11. Галлямова Н. Ш. Речевой акт «обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты // Язык и культура. №3 (11). 2010. С. 16–32.
12. Грачёва И. Поставленный во славу Солнца... Накануне 1000-летия Ярославля // «Наука и жизнь», 2009. №11. С. 20–28.
13. Даль В.И. Пословицы русского народа. URL: <https://vdahl.ru/>. (Дата обращения: 06.03.2023).
14. Зиновьев А. А. Русская судьба, исповедь отщепенца. Москва : Центрполиграф, 1999. 505 с.
15. Карасик В. И. Языковые ключи. Москва : Гнозис. 2009. 406 с.
16. Колоколова Н. М. Речевой акт обещания как промиссив: структурно-семантическая модель // Альманах современной науки и образования: в 3-х ч. Ч. II. Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9) С. 86–88.
17. Которова Е. Г. «Обещание» как модель речевого поведения: методика контрастивного анализа (на материале русского и немецкого языков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 2. С. 405–423. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-405-423
18. Которова Е. Г. Коммуникативно-прагматическое поле как метод комплексного описания способов реализации речевых актов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2013. Вып. 1 (1). С. 58–67.
19. Кюстин А. де. Николаевская Россия: русские в 1839 году // URL: http://az.lib.ru/k/kjustin_a_d/text_1843_la_russie_en_1839.shtml. (Дата обращения: 06.03.2023).
20. Лесинская А. К. Репрезентация концепта «торговля» в русской и китайской лингвокультурах / А.К Лесинская, Лю В. // «Один пояс – один путь»: Российско-китайский культурный диалог: коллективная монография / под науч. ред. Е.М. Болдыревой; Се Чжоу. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. С. 408–422.
21. Никишин В. М. Историческая эволюция и традиции российского купечества // Проблемы современной экономики. 2017. №4 (64). С. 216–218.
22. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. руков. акад. Ю. Д. Апресяна. Москва-Вена : Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. 1488 с.
23. Оглезнев В. В. Обещание, условие искренности и речевые акты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. №4 (28). С. 338–347.
24. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Москва : Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 118–128.
25. Рабенко Т. Г. Клятва как фидеистический речевой жанр // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 13 (194). Филология. Искусствоведение. Вып. 43. С. 122–126.
26. Ревунова Т. Уговор дороже денег: зачем купцы рвали открытки и как долго могли искать кредиторов. URL: <https://travelask.ru/blog/posts/24728-kupcheskoe-slovo-ugovor-dorozhe-deneg>. (Дата обращения: 05.03.2023).

27. Санников С. В. Клятва и присяга как перформативные акты «микрофизики» власти // *Univsum: филология и искусствоведение*. 2017. №10 (44). С. 4–9.
28. Сборник народной мудрости. URL: <https://sbornik-mudrosti.ru/posloviy-i-pogovorki-luchshe/>. (Дата обращения: 06.03.2023).
29. Семенов А. «Без правил» // «Знание – сила». 1998. №3 (849). С. 1-2.
30. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // *Новое в зарубежной лингвистике*. Москва : Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 170–194.
31. Скупов Б. Купеческое слово превыше договора // *Строительный эксперт*. 29 апреля 2021. URL: <https://ardexpert.ru/article/20639>. (Дата обращения: 07.03.2023).
32. Смолина М. Б. Полевая организация речевых жанров «приветствие» и «прощание» (на материале драматургических произведений А. А. Потехина) // *Вестник ЗабГУ*. 2009. №4. С. 150–153.
33. Сперанская А. Н. Далевский паремикон о речи // *Язык и социальная действительность*. 2011. Вып. 7. С. 31–42.
34. Тимченко А. С. Образ купца-предпринимателя в китайских и русских пословицах и поговорках // *Известия АлтГУ*. 2013. №2 (78). С. 249–251.
35. Успенский Ф. Б. Письменность, средневековая Исландия и одно убийство, которого легко было избежать // *Arzamas*. Подкаст «Гуттенберг позвонит»: сайт. URL: <https://arzamas.academy/podcasts/317>. (Дата обращения: 06.03.2023).
36. Филатова В. Честное слово купеческое // *Видновские вести*. 2014. № 65. 12 сентября. С. 9.
37. Формановская Н. И. О коммуникативно-семантических группах и функционально-семантических полях // *Русский язык за рубежом*. 1986. № 3. С.71–76.
38. Чесноков И. И. Речевой акт «клятва»: истоки и первичные формы объективации // *Известия Волгоградского ГПУ*. 2013. №9 (84). С. 4–7.
39. Шмелева Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // *Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка*. Berlin, 1990. № 2. С. 20–32.

Reference list

1. Aksakov S. Alen'kij cvetochek = The Scarlet Flower // *Nu-ka deti*. URL: https://nukadeti.ru/skazki/aksakov_alenkij_cvetohek. (Data obrashhenija: 07.03.2023).
2. Artonkina N. Kupecheskoe slovo = Merchant's word // *Deloproizvodstvo i dokumentooborot na predpriyatii*. 2020. № 12. URL: <https://delopress.ru/journals/documents/prava-i-obyazannosti/57088-kupecheskoe-slovo/?printAuth=Y>. (Data obrashhenija: 07.03.2023).
3. Arutjunova N.D. Anomalii i jazyk = Anomalies and language // *Jazyk i mir cheloveka*. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1999b. S. 74–91.
4. Arutjunova N.D. Ponjatie normy = The notion of norm // *Jazyk i mir cheloveka*. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1999a. S. 65–73.
5. Batyrev M. Kodeks chesti russkogo kupechestva. = Russian merchants' code of honor. URL: <https://batyrev.online/kodeks-kupca>. (Data obrashhenija: 05.03.2023).

6. Bashkova I. V. *Sovremennaja filologija: aktual'nye problemy, teorija i praktika = Modern philology: current problems, theory and practice* : sb. materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii na fakul'tete filologii i zhurnalistiki / Otv. red. A.P. Skovorodnikov. Krasnojarsk : Izd-vo KGU, 2005. S. 189–194.
7. Bessolicyn A. *Torgovlja v Rossijskoj imperii = Trade in the Russian empire* // Arzamas:sajt. URL: <https://arzamas.academy/courses/108/3>. (Data obrashhenija: 06.03.2023).
8. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Large explanatory dictionary of the Russian language* / Gl. red. S.A. Kuznecov. Sankt-Peterburg : Norint, 1998. 1534 s.
9. Veselova O. A. *Chestnoe slovo kupecheskoe (moskovskie kupcy v mezhdunarodnyh jekonomicheskikh otnoshenijah XVI v.) = Merchant's honest word (Moscow merchants in international economic relations of XVI century)* // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2005. №4. S. 79–83.
10. Voskanjan G. R. *Opyt analiza predlozhenij, sodержashhij performativny-objazatel'stva (na materiale sovremenno go anglijskogo jazyka) = Experience in analyzing sentences containing performative commitments in Modern English* // Problemy sintaksisa slovosochetaniya i predlozhenija v sovremenno m anglijskom jazyke : mezhvuz. sb. nauch. tr. Pjatigorsk : PGPIIJa, 1987. S. 45–52.
11. Galljamova N. Sh. *Rechevoj akt «obeshhanie, kljatva» v russkoj jazykovo j kartine mira: lingvokul'turologičeskij, funkcional'no-pragmatičeskij aspekty = Speech act “promise, oath” in the Russian linguistic world picture: linguistic-cultural and functional-pragmatic aspects* // Jazyk i kul'tura. №3 (11). 2010. S. 16–32.
12. Grachjova I. *Postavlenyj vo slavu Solnca... Nakanune 1000-letija Jaroslavlja = Placed to the glory of the Sun... For the 1000th anniversary of Yaroslavl* // «Nauka i zhizn'», 2009. №11. S. 20–28.
13. Dal' V.I. *Poslovcy russkogo naroda. = Proverbs of the Russian people*. URL: <https://vdahl.ru/>. (Data obrashhenija: 06.03.2023).
14. Zinov'ev A.A. *Russkaja sud'ba, ispoved' otshhepenca. = Russian destiny, the confession of a renegade*. Moskva : Centrpoligraf, 1999. 505 s.
15. Karasik V.I. *Jazykovye kljuchi = Linguistic clues*. Moskva : Gnozis. 2009. 406 s.
16. Kolokolova N.M. *Rechevoj akt obeshhanija kak promissiv: strukturno-semantičeskaja model' = The speech act of promise as a promissive: a structural-semantic model* // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija: v 3-h ch. Ch. II. Tambov: Gramota, 2008. № 2 (9) C. 86–88.
17. Kotorova E.G. *«Obeshhanie» kak model' rechevogo povedenija: metodika kontrastivno go analiza (na materiale russkogo i nemeckogo jazykov) = “Promise” as a model of speech behavior: a method of contrastive analysis in Russian and German* // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Lingvistika. 2017. T. 21. № 2. S. 405–423. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-405-423
18. Kotorova E. G. *Kommunikativno-pragmatičeskoe pole kak metod kompleksno go opisanija sposobov realizacii rechevyh aktov = Communicative pragmatic field as a method of complex description of ways to realize speech acts* // Tomskij zhurnal lingvističeskij i antropologičeskij issledovanij. 2013. Vyp. 1 (1). S. 58–67.

19. Kjustin A. de. Nikolaevskaja Rossija: russkie v 1839 godu = Russia under Nicholas: Russians in 1839 // URL: http://az.lib.ru/k/kjustin_a_d/text_1843_la_russie_en_1839.shtml. (Data obrashhenija: 06.03.2023).

20. Lesinskaja A.K. Reprezentacija koncepta «torgovlja» v russskoj i kitajskoj lingvokul'turah = Representing the concept “trade” in Russian and Chinese linguistic cultures / A.K. Lesinskaja, Lju V. // «Odin pojas – odin put'»: Rossijsko-kitajskij kul'turnyj dialog: kollektivnaja monografija / pod nauch. red. E.M. Boldyrevoj; Se Chzhou. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2021. S. 408–422.

21. Nikishin V.M. Istoricheskaja jevoljucija i tradicii rossijskogo kupechestva = Historical evolution and traditions of the Russian merchants // Problemy sovremennoj jekonomiki. 2017. №4 (64). S. 216–218.

22. Novyj ob#jasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka.= New explanatory dictionary of Russian synonyms. 2-e izd., ispr. i dop. / pod obshh. rukov. akad. Ju. D. Apresjana. Moskva-Vena : Jazyki slavjanskoj kul'tury: Venskij slavisticheskij al'manah, 2004. 1488 s.

23. Ogleznev V. V. Obeshhanie, uslovie iskrennosti i rechevye akty = Promise, the condition of sincerity, and speech acts // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija. 2014. №4 (28). S. 338–347.

24. Ostin Dzh. L. Slovo kak dejstvie = Word as action // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Moskva : Progress, 1986. Vyp. 17. S. 118–128.

25. Rabenko T. G. Kljatva kak fideisticheskij rechevoj zhanr = Oaths as a fideistic speech genre // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 13 (194). Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp. 43. S. 122–126.

26. Revunova T. Ugovor dorozhe deneg: zachem kupcy rvali otkrytki i kak dolgo mogli iskat' kreditorov. = Agreement is more valuable than money: why merchants tore up postcards and how long they could look for creditors. URL: <https://travelask.ru/blog/posts/24728-kupecheskoe-slovo-ugovor-dorozhe-deneg>. (Data obrashhenija: 05.03.2023).

27. Sannikov S. V. Kljatva i prisjaga kak performativnye akty «mikrofiziki» vlasti = Vows and oaths as performative acts of power “microphysics” // Universum: filologija i iskusstvovedenie. 2017. №10 (44). S. 4–9.

28. Sbornik narodnoj mudrosti. = Collection of folk wisdom. URL: <https://sbornik-mudrosti.ru/poslovicy-i-pogovorki-luchshe/>. (Data obrashhenija: 06.03.2023).

29. Semenov A. «Bez pravil» = “No rules” // «Znanie – sila». 1998. №3 (849). S. 1-2.

30. Serl' Dzh. R. Klassifikacija illokutivnyh aktov = Classification of illocutionary acts // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Moskva : Progress, 1986. Vyp. 17. S. 170–194.

31. Skupov B. Kupecheskoe slovo prevyshe dogovora = A merchant's word is above the contract // Stroitel'nyj jekspert. 29 aprelja 2021. URL: <https://ardexpert.ru/article/20639>. (Data obrashhenija: 07.03.2023).

32. Smolina M. B. Polevaja organizacija rechevyh zhanrov «privetstvie» i «proshhanie» (na materiale dramaturgicheskikh proizvedenij A. A. Potehina) = Field organization of the speech genres “greeting” and “farewell” (on the material of A.A. Potekhin's dramaturgy) // Vestnik ZabGU. 2009. №4. S. 150–153.

33. Speranskaja A. N. Dalevskij paremikon o rechi = Dal's paremicon on speech // Jazyk i social'naja dejstvitel'nost'. 2011. Vyp. 7. S. 31–42.
34. Timchenko A. S. Obraz kupca-predprinimatelja v kitajskih i russkih poslovicah i pogovorkah = The image of the merchant-entrepreneur in Chinese and Russian proverbs and sayings // Izvestija AltGU. 2013. №2 (78). S. 249–251.
35. Uspenskij F. B. Pis'mennost', srednevekovaja Islandija i odno ubijstvo, kotorogo legko bylo izbezhat' = Writing, medieval Iceland, and one murder that could easily have been avoided // Arzamas. Podkast «Guttenberg pozvonit»: sajt. URL: <https://arzamas.academy/podcasts/317>. (Data obrashhenija: 06.03.2023).
36. Filatova V. Chestnoe slovo kupecheskoe = A merchant's word of honor // Vidnovskie vesti. 2014. № 65. 12 sentjabrja. S. 9.
37. Formanovskaja N. I. O kommunikativno-semanticheskikh gruppah i funkcional'no-semanticheskikh poljah = On communicative-semantic groups and functional-semantic fields // Russkij jazyk za rubezhom. 1986. № 3. S.71–76.
38. Chesnokov I. I. Rechevoj akt “kljatva”: istoki i pervichnye formy ob#ektivacii = The speech act “oath”: origins and primary forms of objectification // Izvestija Volgogradskogo GPU. 2013. №9 (84). S. 4–7.
39. Shmeleva T. V. Rechevoj zhanr. Vozmozhnosti opisanija i ispol'zovanija v prepodavanii jazyka = Speech genre. Possibilities of description and usage in language teaching // Russistik. Rusistika. Nauchnyj zhurnal aktual'nyh problem prepodavaniya russkogo jazyka. Berlin, 1990. № 2. S. 20–32.

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 16.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted on 25.01.2023; approved after reviewing 16.02.2023; accepted for publication on 28.02.2023

Научная статья
УДК 811.581
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_1_15_56
EDN IUIMAG

**Симплификация в переводе русской литературы на китайский язык
(на материале китайско-русского параллельного корпуса и
китайского сопоставительного корпуса текстов)**

Ван Ляньцэнь^{1✉}, Се Су²

¹Кандидат педагогических наук, доцент, Юго-Западный университет, КНР,
г. Чунцин.

²Аспирантка, Юго-Западный университет, КНР, г. Чунцин

¹wangliancen@126.com[✉], <https://orcid.org/0000-0002-4831-4469>

²sheasue@163.com, <https://orcid.org/0000-0002-6308-5342>

Аннотация. В статье рассматривается эмпирическое исследование переводного дискурса, переводов с русского на китайский язык с позиций дескриптивного подхода в переводоведении с акцентом на корпусную методологию, приводится характеристика понятия «переводческие универсалии», дается краткий обзор основных этапов исследования в рамках корпусного переводоведения. На примере пользовательского сравнительного корпуса переводных и непереводных текстов иллюстрируется квантитативный подход к определению свойств переводного дискурса в сравнении с дискурсом непереводным, то есть изначально порожденным на рассматриваемом языке перевода. В качестве лингвистического индикатора используются частотные характеристики лексики, а именно осуществляется сравнение частотных списков подкорпусов с применением инструментов статистики. Поскольку в исследовании реализуется принцип управления исследования корпусом, перечисляются перспективы дальнейшего рассмотрения полученных данных. Цель исследования заключается в том, чтобы проверить гипотезу о проявлении тенденции симплификации на лексическом уровне при переводе русской литературы на китайский язык. С помощью количественного, качественного и сопоставительного анализа рассматривается тенденция симплификации переводного текста в четырёх аспектах: лексическое разнообразие, лексическая плотность, средняя длина предложений и наиболее частотные слова. Авторы приходят к выводу, что в китайских переводах художественных произведений проявляются тенденции межъязыковой и сопоставимой симплификации, в процессе перевода наиболее употребляемыми методами для осу-

ществления симплификации являются сокращение повторной информации, интерпретация культурной информации и замена длинных предложений короткими. Результаты исследования вносят вклад в повышение качества перевода за счёт применения корпусного подхода к решению традиционных переводческих задач.

Ключевые слова: параллельный корпус; универсалии перевода; симплификация; перевод; переводоведение; русский язык; китайский язык

Для цитирования: Ван Ляньцэнь Се Су Симплификация в переводе русской литературы на китайский язык (на материале китайско-русского параллельного корпуса и китайского сопоставительного корпуса текстов) // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 1 (15). С. 56-68. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_56. <https://elibrary.ru/IUIMAG>.

Original article

**Simplification in translating russian literature into chinese
(based on chinese-russian parallel corpus and chinese comparative corpus)**

Wang Liancen^{1✉}, Xie Su²

¹Candidate of pedagogical sciences, associate professor, Southwest University, PRC, Chongqing

²Postgraduate student, Southwest University, PRC, Chongqing

¹wangliancen@126.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-4831-4469>

²sheasue@163.com, <https://orcid.org/0000-0002-6308-5342>

Abstract. The article examines the empirical study of the translation discourse and translations from Russian into Chinese from the standpoint of descriptive approach in translation studies with an emphasis on corpus methodology. The authors characterize the concept of “translation universals” and give a brief outline of the main research stages within the framework of corpus translation studies. The example of a user comparative corpus of translated and non-translated texts illustrates the quantitative approach to determining the properties of the translated discourse in comparison with the non-translated discourse, that is, originally generated in the target translation language. The frequency characteristics of the vocabulary are used as a linguistic indicator, namely, frequency lists of subcorpora are compared using statistical tools. As the study implements the principle of corpus research management, prospects for further data analysis are enumerated. The aim of the study is to test the hypothesis about the tendency toward simplification at the lexical level in the translation of Russian literature into Chinese. Using quantitative, qualitative, and comparative analyses, the authors examine the tendency to simplify the translated text in four aspects: lexical diversity, lexical

density, average sentence length, and the most frequently used words. The authors conclude that Chinese translations of literary works show tendencies toward inter-linguistic and comparable simplification. The most common translation techniques for simplification are reducing repetitive information, interpreting cultural information, and replacing long sentences with shorter ones. The results of the study contribute to improving the quality of translation by applying the corpus approach to solving traditional translation problems.

Key words: parallel corpus; translation universals; simplification; translation; translation studies; the Russian language; the Chinese language

For citation: Wang Liancen, Xie Su Simplification in translating Russian literature into Chinese (based on Chinese-Russian parallel corpus and Chinese comparative corpus). *World of Russian-speaking countries*. 2023; 1(15):56-68. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_56. <https://elibrary.ru/IUIMAG>.

Введение

Переводческие универсалии в зарубежном переводоведении определяются как особенности переводных текстов, которые не существуют в непереуведенных текстах. Однако эти особенности не являются результатом взаимодействия языковых систем [Mauranen, 2004]. Для М. Бейкера, автора этой концепции, универсальность также является описательной конструкцией, рабочей гипотезой, требующей постоянной эмпирической проверки [Baker, 1993]. Если целью универсальной лингвистики является выявление характеристик большинства языковых систем, то, на наш взгляд, переводной дискурс является объектом изучения переводческих универсалий [Гарбовский, 2011, 2012].

Э. Честерман предлагает собственную классификацию универсальности перевода. Он делит характеристики всех исследований на две большие категории : S-

универсалии (из исходного текста, то есть свойства, отражающие отношение перевода к исходному тексту и онтологию самого перевода), Т-универсалии (из целевого текста, то есть свойства, различающие перевод как факт культуры принимающей страны и текст, изначально написанный на языке принимающей культуры) [Chesterman, 2010].

Первоначальный набор универсалий Бейкера был следующим: упрощение (simplification), экспликация (explicitation); нормализация (normalization/conservatism); выравнивание (levelling out) [Baker, 1993]. Упрощение, по мнению М. Бейкера, – это процесс, с помощью которого переводчики намеренно представляют сложную информацию в исходном тексте более простым способом в своей переводной работе [Baker, 1996]. Согласно классификации Честермана, упрощение или simplification, является Т-универсалий. Это означает, что сравнение переводного текста с

оригинальным текстом, написанным на языке перевода, выявляет проявления этой тенденции. Существует три типа упрощения: лексическое, синтаксическое и стилистическое [Kajzer-Wietrzny, 2012]. Авторы подчеркивают, что упрощение проявляется в том, что переводчик использует меньше слов для выражения определенной идеи, чем коммуникатор использовал бы для выражения той же идеи вне процесса перевода.

Наиболее известные исследования по упрощению были проведены на английском, голландском и иврите [Laviosa, 2001]. Авторы этих работ смогли выявить ряд признаков упрощений на разных языковых уровнях, в том числе следующие: если соответствующая гипонима отсутствует в языке перевода, используется гипероним; использование в переводе понятий, которые очень похожи на те, что используются в оригинале; использование «знакомых», часто употребляемых синонимов; перенос всех функций слов исходного языка на их аналоги в целевом языке; использование описательных переводов, а не концептуально близких терминов и выражений (особенно наблюдается в переводах религиозных, культурно-специфических и технических текстов); восполнение пробелов с помощью описательных переводов; предпочтение современной лексике и выражениям, а не устаревшим, редко используемым словам; деление сложных предложений на про-

стые; пропуск повторов и т. д. [Laviosa, 2001, с. 78-81].

С. Лавиоса представляет гипотезу упрощения как переводческую универсалию, или, скорее, серию гипотез. Автор утверждает, что упрощение переводных текстов может происходить как на лексическом, так и на синтаксическом уровне: «Переводная часть сравнительного корпуса художественной литературы будет иметь меньшую лексическую плотность, чем непереводная часть. При сравнении переведенных частей корпуса художественной литературы доля более частотных слов будет выше по сравнению с менее частотными; наиболее частотные слова, составляющие не менее 0,1 % корпуса в переведенном тексте (заголовки списка), будут доминировать, а фраз в этом списке будет меньше» [Laviosa, 1998, с. 4]. Позже авторы уточнили представленную гипотезу. При сравнении корпуса переводов с разных языков на английский с корпусом текстов, изначально написанных на английском языке, независимо от языка оригинала, переводы: а) имеют более бедный словарный запас; б) имеют более низкое соотношение использования существительных и сленга; в) имеют более короткую среднюю длину предложения» [Olohan 2004, с. 9].

Исследование симплификации теперь является одной из Т-универсалий. Это означает, что сравнение переводного текста с оригинальным текстом, написан-

ным на языке перевода, выявляет проявления этой тенденции. Его ограничение заключается в том, что он исключает оригинальный текст и рассматривает перевод изолированно, не учитывая влияние оригинального текста на язык перевода, что вызывает критику со стороны многих ученых, таких как S. Bernardini, Хуан Либо, Ван Кэфэй. Исследования таких ученых, как Ван Кэфэй, Цин Хуну, А. Mauranen, Т. Puurtinen дало отрицательный результат симплификации. Авторы данной статьи предлагают использовать два метода при сравнении переводных текстов с текстами, изначально написанными на языке перевода, и с текстами, изначально написанными на языке источника, чтобы преодолеть разрыв между языком перевода и текстом источника и повысить надежность исследования.

В данной статье поднимаются два вопроса для обсуждения: 1) существует ли тенденция к упрощению китайских переводов русской прозы по сравнению с оригиналом и китайскими произведениями; 2) если да, то каковы причины этого явления.

Результаты исследования и их обсуждение

Автор использует два корпуса для изучения проблемы упрощения в китайских переводах русских литературных произведений: китайско-русский параллельный корпус (КРКоПарт) и Китайский сравнительный корпус. Параллельный

корпус (КРКоПарт) включает оригинальный текст (ПНТ-непереводный текст на русском языке, в который входит: «Война и мир», «Воскресение», «Доктор Живаго», «Дворянское Гнездо», «Прощание с Матёрой» «Стечение обстоятельств», «Кладбище джиннов» «Чума на ваше поле», «Весенние воды», «Первая любовь», «Ася», «После бала», «Метель», «Русские народные сказки» и соответствующего текста его перевода на китайском языке (ППНК-переводные тексты на китайском языке, полученные в языковой паре русский-китайский), а в сопоставительном корпусе был использован Ланкастерский корпус современного китайского языка (LCMC-The Lancaster Corpus of Mandarin Chinese, LCMC) и подкорпус стиля художественной литературы (LCMC-L).

Сначала на этапе обработки текста были удалены заголовки, вступления, заключения и комментарии для получения чистого текста, затем было произведено автоматическое выравнивание предложений исходного и целевого текстов с использованием конкорданса ParaConc, и на последнем этапе была произведена ручная коррекция ошибок. После обработки весь текст форматируется и сохраняется в нужном формате. При изучении характеристик текста использовались инструменты Wordsmith8.0 и AntConc для получения более точных вычислений. В этой статье

изучается тенденция к упрощению переведенных текстов с четырех точек зрения: разнообразие словарного запаса, плотность словарного запаса, средняя длина предложения и наиболее часто используемые слова.

TTR (английское соотношение $\text{type} / \text{token}$) – это самый простой способ подсчета лексического разнообразия. Types – это все словоформы слова (леммы), а токены – общее количество словоформ. Чем выше уровень TTR, тем сложнее словарный запас. Однако, поскольку

ку длина текста часто влияет на коэффициент лексического разнообразия, исследователи также учитывают стандартизированную норму на 1 000 слов (STTR) различных слов в анализируемых текстах, чтобы обеспечить сопоставимость текстов разной длины [凌征华, 林泽欣, 2019]. Для вычисления TTR и STTR было использовано специализированное программное обеспечение WordSmith8.0. Полученные данные приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Лексическое разнообразие [STTR]/Lexical diversity [STTR]

	ПНТ	ППНК	LCMC	ССТФС
Число лексем(token)	219379	290,231	844,792	978968
Общее количество словоформ(type)	41453	19126	41081	24400
коэффициент лексического разнообразия (TTR)	18.90	6.59	4.86	2.49
Коэффициент стандартного лексического разнообразия (STTR)	58.52	47.31	46.48	42.11

Согласно данным табл.1, TTR (6,59) китайского перевода ниже, чем TTR (18,90) исходного текста; STTR (47,31) китайского перевода ниже, чем STTR (58,52) исходного текста, TTR (6,59) китайского перевода выше, чем TTR (4,86) оригинала на китайский язык; STTR (47,31) китайского перевода выше, чем STTR (46,48) в корпусе текстов, изначально написанных на китайском языке. Переводной дискурс на китайский с русского более лексически и содержательно богатый. Основываясь на данных, приведенных в таблице, мы можем

сделать вывод, что китайский дискурс, переведенный с русского языка, меньше по словарному запасу и содержанию, что доказывает тенденцию межъязыкового упрощения перевода.

Другой компонент гипотезы Лавиосы касается показателя «лексической плотности», под которым авторы понимают отношение лексической встречаемости, выраженной существительными дискурса, к объему корпуса. Существительные и глаголы считаются значимыми (для русского языка к этой категории необходимо добавить прича-

ствия и деепричастия, прилагательные и наречия).

Чем выше плотность словарного запаса, тем больше информации в тексте и тем труднее его понять. М. Стаббс предлагает метод расчета плотности словарного запаса: лексическая плотность = количество знаменательных слов / общее количество слов $\times 100\%$ [Stubbs, 1986]. «Знаменательные слова – это лексически независимые части речи, характеризующие-

ся денотативным значением, то есть называющие предметы, признаки, атрибуты, действия и т. д., и могут функционировать как члены предложения» [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 578].

Используя функцию списка слов в программном обеспечении WordSmith, мы подсчитали частоту встречаемости знаменательных слов, включая существительное, глагол, прилагательное, наречие (см. табл. 2).

Таблица 2.

Плотность лексик /Lexical density

	ПНТ	ПШНК	LCMC	LCMC-L
Имя существительное	52,518	44,792	193,356	47,974
Глагол	40,361	68,252	185,643	52,473
Имя прилагательное	15,300	11,257	37,129	11,388
Наречие	11,676	24,377	58,646	19,416
Общий итог	119,855	148,678	474,774	131,251
Доля	54,64 %	51,22%	56,20%	61,62%

Источник по данным автора

Результаты показывают, что лексическая плотность дискурса, переведенного с русского на китайский, составляет 51,22 %, что ниже, чем у оригинального китайского текста (56,20 % и 61,62 %) и ниже, чем у исходного текста (54,64 %). Анализ статистической значимости результатов показывает, что в переводах используется меньше вышеупомянутых важных частей речи по сравнению с оригинальным китайским текстом и исходным текстом, и поэтому полученные результаты соот-

ветствуют тенденции к межъязыковому и сопоставимому упрощению.

Средняя длина предложения считается важным показателем для проверки синтаксической сложности текста. Как правило, чем длиннее предложение, тем сложнее текст, что затрудняет его понимание читателем. В данном исследовании в качестве знаков окончания предложений используются точки, вопросительные, восклицательные знаки и многоточия. Результаты исследования (см. табл. 3) показывают, что средняя длина предложе-

ния в русском прозаическом дискурсе, переведенном на китайский язык, короче, чем в других, поэтому при переводе дискурса с русского

на китайский наблюдается тенденция к межъязыковой и сопоставительной симплификации.

Таблица 3.

Средняя длина предложений /Average stentence length

	ПНТ	ППНК	LCMC	LCMC(L)
Общее количество слов	219379	290,231	844,792	212989
Общее количество предложений	16249	19423	45851	13278
Средняя длина предложений	15,57	14,94	18,42	16,04

Источник по данным автора

Структура предложений в переводных текстах показывает тенденцию к повторению в тексте, то есть высокочастотные слова используются в корпусе чаще, чем все остальные слова. При изучении переводного дискурса это соотношение помогает выявить потенциальные тенденции упрощения на лексическом уровне.

Высокочастотные слова – это слова, в которых лексическая единица встречается не менее чем в 0,1 % корпуса [Laviosa, 1998].

С помощью функции списка слов в программном обеспечении WordSmith, мы составили первые 10 наиболее частотных слов (см. табл. 4).

Таблица 4.

Топ 10 наиболее частотных слов

Серийный номер	ПНТ		ППНК		LCMC-L	
	слово	Частота%	слово	частота	слово	частота
1.	И	4,47	的	5,45	的	4,70 %
2.	В	2,39	了	2,18	了	2,31 %
3.	НЕ	2,07	他	2,05	是	1,69 %
4.	НА	1,63	我	1,74	一	1,52 %
5.	ЧТО	1,46	是	1,52	不	1,32 %
6.	С	1,29	在	1,36	我	1,29 %
7.	ОН	1,25	不	1,36	他	1,28 %
8.	Я	1,07	一	1,30	在	1,18 %
9.	КАК	0,84	她	1,23	说	0,86 %
10.	А	0,80	说	0,90	你	0,83 %
Доля	17,28 %		19,10 %		16,99 %	

Источник по данным автора

Результаты исследования (см. таблицу 4) показывают, что соотношение часто встречающихся и нечасто встречающихся слов выше

в переводном корпусе художественной литературы. В отличие от корпуса художественной прозы, в переводном дискурсе наблюдается

явная тенденция к межъязыковой и сопоставимой симплификации.

Для дальнейшего изучения характеристик использования наибо-

лее частотных слов, мы расширили рамки сравнения, подсчитав высокочастотные слова с топ-10, 20, 30 и 50 частотами соответственно.

Таблица 5.

Топ 10 высокочастотных слов в корпусах

	ПНТ	ПШНК	LCMC(N)
Топ-10	17,28 %	19,10 %	16,99 %
Топ-20	23,09 %	25,70 %	23,69 %
Топ-30	26,85 %	30,46 %	27,69 %
Топ-50	31,28 %	36,89 %	33,03 %

Источник по данным автора

Результаты показывают, что первые 50 частотных слов в сравнительном корпусе романов, переведенных с русского на китайский, выше, чем в оригинальном корпусе текстов, написанных на китайском и русском языках, и в этом случае наблюдается скрытая тенденция к упрощению на лексическом уровне.

Причины упрощения в китайском корпусе русской художественной литературы

Перевод – это способ межъязыковой и межкультурной коммуникации, и поэтому языковые и культурные различия между Россией и Китаем являются основными причинами упрощения перевода. Исследования показали, что русские тексты стараются избегать редупликации существительных и склонны использовать вместо них другие родственные существительные или местоимения, расположенные ниже, что приводит к более высокому STTR в оригинальном русском тексте [刘淼, 2015]. В пе-

реводном дискурсе с русского на китайский, проявляется потенциальная тенденция к симплификации, по сравнению с оригинальным непереуведенным текстом, написанным на китайском языке, это более лексически содержательно. Переводный дискурс, переведенный с русского на китайский, более труден для понимания читателя – носителя китайского языка. Так, например, в своем исследовании Ху Сяньяо отметил, что русский перевод «Лолиты» имеет значение STTR 48,39 %, что является самым высоким значением STTR в корпусе CCTFC [胡显耀, 2006].

Хорошо известно, что для русского языка характерны вариации формы слов и грамматической структуры; логические связи между словами или предложениями выражаются с помощью союзов, местоимений, предлогов и т. д. Китайский язык, с другой стороны, характеризуется сочетанием значений слов и предложений, где внутренние логические отношения между

словами или предложениями передаются через значения слов. Эти языковые различия заставляют переводчика выявлять неясную информацию в исходном тексте, связывая слова, местоимения, разбивая сложные предложения на более простые, опуская повторы, используя «знакомые» общие синонимы, передавая все функции слов исходного языка их аналогам в языке перевода и используя более простые лексические выражения.

В переводном дискурсе художественной литературы, переведенной с русского на китайский, проявляются потенциальная тенденция к симплификации. Практика перевода показывает, что перевод, также известный как межъязыковое посредничество, создает речевое произведение, которое по своему коммуникативному эффекту отличается от исходного текста, сохраняя лишь информационную функцию, обусловленную переводом в другую культуру, другое языковое сообщество. В большинстве случаев эти тексты семантически и синтаксически эквивалентны оригинальным текстам. Однако их «инострannость» и незнакомая структура накладывают соответствующие ожидания на получателей переведенной информации, которых в первую очередь интересуют семантические аспекты сообщения, частично или полностью изменяя их прагматику.

Вывод

Корпусный подход характеризуется научным и объективным характером. Использование как качественного, так и количественного анализа позволяет избежать субъективности при оценке качества перевода. С использованием русско-китайского параллельного корпуса были проанализированы четыре показателя, чтобы проверить тенденцию упрощения в переводном дискурсе романов, переведенных с русского на китайский, включая разнообразие лексики, плотность словарного запаса, среднюю длину предложения и наиболее часто встречающиеся слова.

Полученные данные исследования показывают, что переводной дискурс романов, переведенных с русского на китайский, демонстрирует потенциальную тенденцию к упрощению на лексическом и грамматическом уровне. По сравнению с неперевожденным дискурсом, переводной дискурс корпуса художественной литературы имеет меньшее лексическое разнообразие и лексическую плотность, большую долю часто встречающихся слов и меньшую среднюю длину предложения. Переводчик старается сделать текст менее сложным и более удобным для читательского восприятия, используя меньшее количество слов, менее важные слова и более распространенные слова, тем самым делая перевод более соответствующим традиционным ожиданиям китайских читателей.

Библиографический список

1. Гарбовский Н. К. Перевод и «переводной дискурс» // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. 2011. №4. С. 3–19.
2. Гарбовский Н. К. Русский переводной дискурс: миф или реальность // Русский язык и культура в зеркале перевода : материалы III Международной научно-практической конференции «Язык и культура в зеркале перевода» 25–29 апреля. 2012 г. Москва : Изд. Высшая школа перевода МГУ. 2012. С. 130–136.
3. Добровольский Д. О. Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. Москва : Индрик, 2005. С. 263-296.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / [Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.», Ин-т языкознания АН СССР] ; Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва : Сов. энцикл., 1990. 682 с.
5. Baker M. Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications // Text and Technology: In honour of John Sinclair. Not in series, 64. Amsterdam : J. Benjamins, 1993. P. 232–250.
6. Baker M. Corpus-based translation studies: The challenges that lie ahead // Terminology, LSP and Translation: Studies in Language Engineering, in Honor of Juan C Sager / ed H. Somers Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins Pub Co, 1996. P. 175–186.
7. Chesterman, A. Why study translation universals? // Acta Translatologica Helsingiensia (ATH) ; ed. R. Hartama-Heinonen, P. Kukkonen. 2010. Vol 1. P. 38-48.
8. Kajzer-Wietrzny, M. Interpreting universals and interpreting style [Electronic resource] : Rozprawa doktorska / M. Kajzer-Wietrzny. Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 2012.
9. Laviosa, S. Core Patterns of Lexical Use in a Comparable Corpus of English Narrative Prose // Meta : journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal. 1998. Vol. 43. P. 557-570.
10. Laviosa, S. Corpus and Simplification in Translation // Athanor. Vol. 4. – Roma: Meltemi, 2001. P. 78-86.
11. Mauranen, A. Corpora, universals and interference // Translation universals : Do they exist? – Amsterdam : J. Benjamins, 2004. P. 15–33.
12. Olohan, M. Introducing Corpora in Translation Studies. New York : Routledge, 2004.
13. Stubbs M. Language development, lexical competence and nuclear vocabulary // Language Development in the School Years/ ed. K. Durkin. London: Croom Helm, 1986. P. 57-76.
14. The Lancaster Corpus of Mandarin Chinese. Mode of access : <http://www.lancaster.ac.uk/fass/projects/corpus/LCMC>. (Date of access: 30.10.2022).
15. 戴光荣. 译文原语透过效应研究. 上海: 上海交通大学出版社, 2013.
16. 胡显耀. 现代汉语语料库翻译研究. 北京: 外交出版社 2008.
17. 胡显耀. 当代汉语翻译小说规范的语料库研究. 上海: 华东师范大学 2006.
18. 黄立波, 王克非. 翻译普遍性研究反思 // 中国翻译, 2006, №5.
19. 凌征华, 林泽欣. 《“第三码”再解析——基于自建语料库 CONTEC 的汉译英

简化共性量化研究》// 成都大学学报(社会科学版), 2019, №4.

20. 刘淼. 基于多译本平行语料库的翻译语言特征研究*—对契诃夫小说三译本的对比分析 // 解放军外国语学院学报, 2015, №5.

Reference list

1. Garbovskij N. K. Perevod i «perevodnoj diskurs» = Translation and “translation discourse” // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22: Teorija perevoda. 2011. №4. S. 3–19.

2. Garbovskij N. K. Russkij perevodnoj diskurs: mif ili real'nost' = Russian translation discourse: myth or reality // Russkij jazyk i kul'tura v zerkale perevoda : materialy III Mezhduнародnoj nauchno-praktičeskoj konferencii «Jazyk i kul'tura v zerkale perevoda» 25–29 aprelja. 2012 g. Moskva : Izd. Vysshaja shkola perevoda MGU. 2012. S. 130–136.

3. Dobrovol'skij D. O. Korpus parallel'nyh tekstov: arhitektura i vozmožnosti ispol'zovanija = Parallel texts corpus: architecture and possibilities of use // Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: 2003-2005. Moskva : Indrik, 2005. S. 263-296.

4. Lingvističeskij jenciklopedičeskij slovar' = Linguistic encyclopedic dictionary / [Nauch.-red. sovet izd-va "Sov. jencikl.", In-t jazykoznanija AN SSSR] ; Gl. red. V. N. Jarceva. Moskva : Sov. jencikl., 1990. 682 s.

5. Baker M. Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications // Text and Technology: In honour of John Sinclair. Not in series, 64. Amsterdam : J. Benjamins, 1993. P. 232–250.

6. Baker M. Corpus-based translation studies: The challenges that lie ahead // Terminology, LSP and Translation: Studies in Language Engineering, in Honor of Juan C Sager / ed H. Somers Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins Pub Co, 1996. P. 175–186.

7. Chesterman, A. Why study translation universals? // Acta Translatologica Helsingiensia (ATH) ; ed. R. Hartama-Heinonen, P. Kukkonen. 2010. Vol 1. P. 38-48.

8. Kajzer-Wietrzny, M. Interpreting universals and interpreting style [Electronic resource] : Rozprawa doktorska / M. Kajzer-Wietrzny. Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 2012.

9. Laviosa, S. Core Patterns of Lexical Use in a Comparable Corpus of English Narrative Prose // Meta : journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal. 1998. Vol. 43. P. 557-570.

10. Laviosa, S. Corpus and Simplification in Translation // Athanor. Vol. 4. Roma: Meltemi, 2001. P. 78-86.

11. Mauranen, A. Corpora, universals and interference // Translation universals : Do they exist? – Amsterdam : J. Benjamins, 2004. P. 15–33.

12. Olohan, M. Introducing Corpora in Translation Studies. New York : Routledge, 2004.

13. Stubbs M. Language development, lexical competence and nuclear vocabulary // Language Development in the School Years/ ed. K. Durkin. London: Croom Helm, 1986. P. 57-76.

14. The Lancaster Corpus of Mandarin Chinese. Mode of access : <http://www.lancaster.ac.uk/fass/projects/corpus/LCMC>. (Date of access: 30.10.2022).

15. 戴光荣. 译文原语透过效应研究. 上海: 上海交通大学出版社, 2013.
16. 胡显耀. 现代汉语语料库翻译研究. 北京: 外交出版社 2008.
17. 胡显耀. 当代汉语翻译小说规范的语料库研究. 上海: 华东师范大学 2006.
18. 黄立波, 王克非. 翻译普遍性研究反思 // 中国翻译, 2006, №5.
19. 凌征华, 林泽欣. 《“第三码”再解析——基于自建语料库 CONTEC 的汉译英简化共性量化研究》 // 成都大学学报(社会科学版), 2019, №4.
20. 刘淼. 基于多译本平行语料库的翻译语言特征研究*——对契诃夫小说三译本的对比分析 // 解放军外国语学院学报, 2015, №5.

Статья поступила в редакцию 24.01.2023; одобрена после рецензирования 19.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted on 24.01.2023; approved after reviewing 19.02.2023; accepted for publication on 28.02.2023

Научная статья
УДК 81'37
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_1_15_69
EDN CNNIRX

Оценочные производные гнезда *литература* в современной речи

Екатерина Михайловна Мельникова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
em09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9795-0971>

Аннотация. В статье рассмотрены особенности функционирования в современной речи оценочных производных гнезда *литература*. Отмечается, что они проявляют свой оценочный потенциал разными путями. С одной стороны, среди них есть неоценочные по своей природе единицы, которые начинают развивать оценочные семы, отражая актуальную тенденцию экспрессивизации высказывания и повышения роли эмоционально-оценочного компонента. Существительное *литература* в позиции предиката отражает широкий оценочный спектр, и экспликации оценочного смысла способствует контекст, содержащий стилистически маркированные единицы, поддерживающие вектор оценки. Оценочным в определённых контекстах становится производное *литературный*, развивающее качественные семы. Существительное *литературность* реализует в современной речи, как правило, отрицательные оценочные семы «неправдоподобность», «излишнее украшательство речи» и приобретает способность сочетаться с градуальными лексическими единицами, указывающими на чрезмерность проявления признака. Производные *литераторство*, *литераторствовать*, изменившие, по данным толковых словарей, свой стилистический статус с книжных на разговорные, приобретают отрицательные оценочные коннотации в контекстах разговорной речи.

С другой стороны, в гнездо слова *литература* входят и производные с оценочными аффиксами. Среди них активно суффиксальное образование *литературка*, употребление которого отражает разные проявления негативной оценки – иронии автора, его пренебрежительного отношения к предмету речи. Негативную оценку выражают и стилистически маркированное суффиксальное производное *литературица*, префиксальное производное *окололитературный*. Сопровождаемые в словарях указанием на оттенки неодобрения, пренебрежения, и в ряде случаев – пометой *разговорное*, рассмотренные единицы реализуют данные смыслы в современных текстах

© Мельникова Е. М., 2023

различной стилистической направленности – в книжной речи (художественной, публицистической) и разговорных контекстах интернет-общения.

Ключевые слова: оценка; оценочные производные; оценочные коннотации; экспрессивное словообразование; стилистическая маркированность; контекст; активные процессы в лексике

Для цитирования: Мельникова Е. М. Оценочные производные гнезда *литература* в современной речи // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 1 (15). С. 69-80. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_69. <https://elibrary.ru/CNNIRX>.

Original article

Evaluation derivatives of the lexical group “*literature*” in modern speech

Ekaterina M. Melnikova

Candidate of philological sciences, associate professor at the Russian language department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl em09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9795-0971>

Abstract. The article examines how evaluative derivatives of the lexical group “*literature*” function in modern speech. It is noted that they manifest their evaluative potential in different ways. On the one hand, there are non-evaluative units among them that are beginning to develop evaluative semes, reflecting the current trend of making statements more expressive and increasing the role of the emotional evaluative component. The noun *literature* in the predicate position reflects a wide evaluative spectrum, and the explication of the evaluative sense is facilitated by the context containing stylistically marked units that support the evaluation vector. In certain contexts, the derivative *literary* becomes evaluative, developing qualitative semes. The noun *literariness* in modern speech implements, as a rule, negative evaluation semes “implausibility”, “excessive ornamentalism” and acquires the ability to combine with gradable lexical units, indicating the excessive expression of the feature. According to the explanatory dictionaries, the derivatives *literary activities*, *writing* and *be engaged in literature*, which have changed their stylistic status from bookish to colloquial, acquire negative evaluative connotations in colloquial contexts.

On the other hand, the lexical group “*literature*” also includes derivatives with evaluative affixes. Among them is the active suffix formation *trashy literature*, the use of which reflects various manifestations of negative evaluation – the author's irony and contemptuous attitude toward the speech subject. The stylistically marked suffixal derivative *striving for literary effect* and the prefixal derivative *circum-literary* also express a negative evaluation. The units under consideration, marked in the dictionaries by indications “disapproval”, “disdain”, and in some cases “colloquial”, implement these

meanings in contemporary texts of different styles – in books (fiction, journalism) and in colloquial contexts of Internet communication.

Keywords: evaluation; evaluative derivatives; evaluative connotations; expressive word formation; stylistic marking; context; active lexical processes

For citation: Melnikova E. M. Evaluation derivatives of the lexical group “*literature*” in modern speech. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 1(15):69-80. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_69. <https://elibrary.ru/CNNIRX>.

Введение

Оценочные коннотации, сопровождающие употребление слова в тексте, распространяются в современной речи на единицы, не предполагающие по своей семантической природе наличия оценочного компонента. На данный факт, привлекая исследования А. Вежбицкой, обращает внимание Т. Б. Радбиль: «А. Вежбицкая <...> отмечает такую специфичную для русской языковой картины мира черту, как установка на эмоциональное и нравственно или оценочно окрашенное отношение к миру и людям, причём это проявляется даже в ситуациях, которые, по логике, требуют вполне нейтральной номинации. Сегодня эта тенденция проявляется в активизации использования стилистически маркированных, экспрессивно насыщенных лексем в позициях, в общем не требующих включения оценки говорящего <...>» [Радбиль, 2013, с. 319–320]. Формирование оценочных значений у безоценочных слов как проявление изменений в лексической семантике отмечает и М. Я. Гловинская [Гловинская, 2010]. Ср. также замечания об оценочном компонен-

те семантики некоторых безоценочных иноязычных слов в [Крысин, 2008].

Производные слова гнезда “*литература*”, неоценочные по своей природе, приобретают в современной речи оценочную коннотацию.

Оценочные коннотации производных гнезда “*литература*”

Само существительное *литература* способно выразить оценку при употреблении в позиции предиката. При этом оценочный спектр его чрезвычайно широк – от положительного полюса:

(1) ... *Все самые крупные успехи русского и мирового кинематографа связаны с литературой, исключения в виде Феллини и отдельных фильмов Висконти, как и некоторых лент Эйзенштейна и Довженко лишь подтверждают правило. «Талантливый мистер Рипли», «Однажды в Америке», «Крестный отец», герасимовский «Тихий Дон» – это литература, и литература большая. А вот «мыльные оперы», «Менты» и проч. и проч. – это всё работа сценаристов (С. Н. Есин. Дневник (2005)) –*

до полюса отрицательного:

(2) *Письмо – это последовательность, линейность, слово идёт за словом; это абстрактно-знаковое изображение бесплотного, в общем-то, само бесплотное; это «литература» как противовес живому событию: обращаемся к письму – удаляемся от здесь и сейчас, от текущего момента, от жизни* (М. Ионова. Чайка, которая была буквой // «Октябрь», 2013).

Позиция оценочного предиката выявляет «размытость» смыслов. С одной стороны, в семантической структуре слова может актуализироваться сема «настоящее, значимое произведение искусства» (как в примере (1)), с другой стороны – «ненастоящее, выдуманное» (как в примере (2)). Поэтому роль конкретизатора оценки начинает выполнять контекст: прилагательное *большая* (1), наименования «*мыльные оперы*» (1), *бесплотное, противовес живому* (2). Показательны и кавычки при употреблении слова в ироническом ключе. При этом понимание *настоящей литературы* противоречиво и многоаспектно: за предикатом *литература* могут стоять абсолютно противоположные характеристики литературного творчества – как процесса, либо призванного отразить «правду жизни», либо предполагающего уход от реальности, выражающего «чистые смыслы». Ср. строки известного стихотворения Поля Верлена «Искусство поэзии»:

(3) *Пусть в час, когда всё небо хмуро,*

Твой стих несётся вдоль полян,

И мятою и тмином пьян...

Всё прочее – литература!

Характерно, что общеоценочные прилагательные *хороший, плохой* в сочетании с существительным *литература*, обозначая полюс оценки, не указывают на её «основание» – не определяют критерии отнесения того или иного явления к *хорошей* или *плохой литературе*:

(4) *Единственное хорошо известное противоядие ему – хорошая литература, которую теперь читают все меньше и меньше* (И. Прусс. Сделайте мне красивше // «Знание-сила», 2013),

(5) *В итоге ему всё равно, что является предметом его мысли (скажем, хорошая или плохая литература – «плохая» может давать даже больший импульс, чем «хорошая»), ибо в пределе бытия всё равнозначно и всё едино* (П. Кузнецов. Русский Феникс, или Что такое философия в России // «Звезда», 2001).

Особое значение поэтому приобретает контекст, разъясняющий позицию автора:

(6) *Роман этот, конечно, – «красный», а не «белый», но он, как всякая хорошая литература, – о жизни в её сложности, а не о том, кто хороший, а кто плохой* (В. Авченко. Фадеев (2017)),

(7) *Одно издательство выпускает даже серию книг «Коллекция трэш». Я решил уточнить набор синонимов по словарю: trash – отбросы, хлам, мусор, макулатура, плохая литература, ерунда, вздор, халтура* (М. Харитонов. Стенография конца века. Из дневниковых записей (2005)).

«Выражение оценки, – отмечает Ю. П. Князев, – опирается на соответствие с нормой, которая <...> отражает соответствие определённым требованиям и пожеланиям, которым должен удовлетворять «хороший» объект оценки. <...> Конкретные проявления «хорошего» чрезвычайно многообразны» [Князев, 2007, с. 189]. Ср. также замечание Н. Д. Арутюновой об употреблении общеоценочных слов: «Не будучи дескриптивными, оценочные предикаты стирают индивидуальность объекта. Последняя варьируется в широких пределах. И за положительной, и за отрицательной оценкой могут стоять различные наборы аксиологически релевантных признаков. Поэтому оценочные предикаты нуждаются в экспликации. Это понимают и носители языка. Употребляя прилагательные общей оценки, они нередко дают им содержательный комментарий: “Познание жизни – это труд, для которого нужны силы. Источником этих сил и служит хорошая литература. Под словом *хорошая* я понимаю ту литературу, что наполнена жизненной правдой, связана с действительностью, а не отвлечённа, не умозрительна” (Ю. Коконов, ЛГ 2-Х-1985 г.)» [Арутюнова, 1988, с. 81].

Среди слов, способных иметь в современной речи оценочное значение, можно назвать производные *литературный, литературность*.

Описание значения относительных прилагательных в русском языке имеет, по мнению

Ю. Д. Апресяна, свою специфику: «Регулярная полисемия прилагательных представлена главным образом относительными прилагательными, значения которых, в обычной лексикографической интерпретации, часто настолько многообразны, что на первый взгляд с трудом поддаются учёту» [Апресян, 1995, с. 211].

Относительное прилагательное *литературный*, развивая переносное значение, может приобретать качественность и развивать дополнительные смысловые оттенки. Как отмечают авторы «Русской грамматики», «семантическая граница между качественными и относительными прилагательными условна и непостоянна: относительные прилагательные могут развивать качественные значения» [РГ, с. 542]. «Характерный для прилагательных процесс – приобретение относительными прилагательными качественных признаков, – отмечает Е. М. Вольф, – означает сдвиг по шкале соотношения объективного и субъективного, дескриптивного и оценочного. Оценочные смыслы особенно часто возникают тогда, когда объект оценки как-то связан со сферой человека ...» [Вольф, 2002, с. 29].

Литературным произведением можно назвать такое, которое соответствует нормам литературного языка, пронизано связями с мировой литературой, написано блестящим языком, – вероятно, такие смыслы имеет в виду автор следующего отрывка:

(8) – Довлатовский автобиографизм при этом очень **литературен**. Не случайно его проза вызывает такое множество ассоциаций. Так, Илья Серман, подчёркивая, что «главный герой довлатовской прозы – он сам», тут же сравнивает этого героя с таким литературным персонажем, как Остап Бендер; Вик. Топоров находит сходство довлатовского автобиографизма с нью-йоркской школой (Сэлинджер, Андайк, Рот, Белоу), А. Генис и П. Вайль встраивают автобиографического героя Довлатова в ряд «лишних людей» русской классической литературы (Е. Янг. Нарративная структура «Зоны»).

Сочетание краткого прилагательного с наречием степени очень подчёркивает «качественность» характеристики прозы С. Довлатова, а контекст свидетельствует о положительной авторской оценке: связь произведения с великими русскими и зарубежными текстами делает его поистине **литературным**.

Качественные семы в значении прилагательного **литературный** развиваются на базе одного из его значений, которое фиксируется в толковых словарях и – единственное из всех – допускает краткую форму: «соответствующий нормам, закреплённым в письменности, литературе (о языке, стиле речи)» ([БАС-1, т.6, с. 263]; [БАС-2, т.9, с. 228]; [БТС, с.499]). Иллюстративный материал словарных статей подтверждает возможность употребления данного прилагательного в оценочном значении уже в текстах XIX в.:

(9) «Язык его правилен, слог чист, **литературен** и читается с удовольствием» (В. Г. Белинский).

Положительные оценочные семы могут замещаться отрицательными, если качество, названное словом **литературный**, представлено в избытке и уводит от «правды жизни»:

(10) – При всей «положительности» образа Пети Трофимова он вызывает сомнение именно как положительный, «авторский» герой: он **слишком литературен**, слишком красивы его фразы о будущем, слишком общи его призывы «работать» и т. д. (В. Крючков. Рассказы и пьесы А.П. Чехова: ситуации и персонажи).

(11) От него я узнал, что в юности ему довелось работать репортёром в парижской газете «Матэн», и шеф постоянно его упрекал за то, что в своих репортажах он был **слишком «литературен»**, а от него требовалось излагать только факты (Читая Бориса Акунина (2003) // «Вестник США», 23.07.2003).

Существительное **литературность** («свойство по значению прил. **литературный**; литературные достоинства чего-либо» [БАС-2, т. 9, с. 227]) развивает в современной речи чаще отрицательные оценочные семы «неправдоподобность», «излишнее украшательство речи» – может сочетаться с градуальными прилагательными со значением избыточной степени проявления признака, братья автором в кавычки:

(12) Это же – плюс **чрезмерная «литературность»** таганрогского финала – и мешает нам отвергнуть

её без обсуждения, как очередной «царский след» на слишком хорошо пересечённой местности легендарного пласта русской истории (А. Архангельский. Александр I (2000)),

(13) Раздражает **избыточная литературность**, обилие ненужных метафор и сравнений: «сияющее пространство туалетной зоны, посреди которой царил он, итальянский розовый унитаз, похожий на хищный цветок», – брр, какая мерзость (Л. Данилкин. Нумерация с хвоста. Путеводитель по русской литературе (2009)),

(14) Он с таким восхищением описывал их позднее в «Трёх столицах», у него столько нашлось для них благодарных деталей и чёрточек, что **литературность** их образа на некоторых страницах его книги становится временами **нестерпимой** (И. Толстой. Барин из Парижа // «Русская жизнь», 2012),

(15) Похоже, для Прилепина борьба с «гладкописью» – момент, существенный сам по себе; для него важно всё время насиловать язык, держать градус, вышибать из текста **«литературность»**, которая, не исключено, воспринимается им как своего рода стилистический аналог социальной чуждости, буржуазности (Л. Данилкин. Круговые объезды по кишкам нищего (2016)).

Интересно, что разговорная речь интернет-общения демонстрирует понимание существительного **литературность** как синонима «красивости», что не всегда сопровождается отрицательной оценкой:

(16) – *Имейте в виду: количе-*

ство плюсов рядом с отзывом ни о чём не свидетельствует, кроме того, что плюсанувшим понравилась его красавица и литературность. Если к отзыву стоит пятьдесят плюсов, это не означает даже того, что все пятьдесят человек прочитали книгу (Блог Надежды Поповой. Кто как отзывается обо мне).

(17) – (Евгений Ленский): *Успехов Вам в Вашем прекрасном Деле! Я очарован.*

– (Ольга из Орла): **Литературность** Вашего комментария в сочетании с поэтичностью Вашего ника очаровали меня! (Из комментариев на форуме).

При употреблении в речи производных **литературность** и **литераторство** не всегда выявляется их оценочный компонент. Национальный корпус русского языка фиксирует немногочисленные примеры нейтрального словоупотребления, представленные в основном в текстах XIX века. Ср. самый «свежий» пример для слова **литераторство**:

(18) В отличие от Гарина-Михайловского, для которого **литераторство** так и не стало всепоглощающей профессией, Чехов, хоть порой и занимался медицинской практикой, ощущал себя прежде всего и главным образом писателем (Л. Левицкий. Дневник (1997)).

Современные толковые словари сопровождают данные слова пометой **разговорное** [БАС-2, т.9, с. 226]. Характерно, что в «Толковом словаре русского языка»

Д. Н. Ушакова эти же слова были представлены с пометой *книжное* [ТСУ, т.2, с. 71]: понижение стилистического статуса языковых единиц обусловлено, вероятно, снижением частотности их употребления.

В современных контекстах, представляющих живую разговорную речь интернет-общения, у данных единиц могут появляться отрицательные оценочные коннотации:

(19) – *А на другой чаше весов у нас литература массовая. В большинстве своём, глупая, пустая, «хромая» ... Зато развлекательная, как забористый боевичок ... Данная дихотомия, массовость-элитарность, очень причудливо в нашей современной литературе пересекается с той, что я обозначил в заглавном посте: «хромая» искренность и пустое **литераторство** (О книгах, литературе и литераторстве (мысли вслух)),*

(20) – *Если цель заработать денюжку, то надо подсутиться ... Если **литераторство** просто «прёт», то однозначно надо его выпускать, во избежание абсцесса мозга (Выношу на суд сокровенно).*

Использование в контексте оценочного прилагательного *пустой* (19), стилистически сниженных единиц *подсутиться*, *переть* (20) создаёт своеобразный оценочный ореол слова *литераторство*, как бы «снижая» сам статус этого рода занятия. То же наблюдаем при употреблении глагола *литераторствовать*:

(21) – *Я вообще думал, куда можно приспособить продукт моего подсознания, ... кино, ... – снять не*

*могу. Не режиссёр, не оператор, только и остаётся сценарии писать, то бишь **литераторствовать**, а это опять таки может вылиться в банальный и в общем-то не имеющий особой ценности для кого-то ещё кроме тебя дневник сновидений (Дневник Tina_Velaske).*

Оттенок пренебрежения к занятию *литераторством* выявляется ближайшим контекстом: *только и остаётся, банальный, не имеющий особой ценности.*

В гнездо слова *литература* входят и производные с оценочными суффиксами, отражающими авторское отношение к предмету речи. Как отмечала А. Вежицкая, «во многих языках, например во многих славянских и романских, экспрессивное словообразование играет роль, которую трудно переоценить» [Вежицкая, 1996, с. 89].

Наиболее активным в выражении оценочных смыслов выступает в современной речи слово *литературка*. Его нет в «старом» БАСе, а в «новом» БАСе оно представлено с пометой *разговорное* и замечанием «обычно с оттенком пренебрежения» [БАС-2, т.9, с. 227]. Употребляясь в собирательном значении, в окружении слов с разговорной стилистической окраской, существительное *литературка* отражает разные проявления негативной оценки – иронии автора, его пренебрежительного отношения к предмету речи:

(22) *Керуак – вообще фуфел, это такая **литературка** для подростков (Л. Ланч: Делайте свою*

музыку, или Все мужики – сво... (2004) // «Хулиган», 15.07.2004),

(23) [Боб (nick)] На самом деле романы Сувестера и Аллена – слабенькая бульварная **литературка**, вроде Донцовой и экранизировать там, в общем-то, нечего (Форум: Обсуждение фильма «Фантомас» (2007-2011)),

(24) – А знаете, я влюбилась. В турка. Нет, он не аниматор. ... Его зовут Орхан. Орхан Памук. В 2006 году он получил Нобелевскую премию по литературе. И всё это уже принимает пугающие размеры.

– А что за **литературка**? А то его так много хвалят, что мне даже стрёмно читать – как бы не оказался очередной козлей.

В значении «отсутствие литературного вкуса, которое проявляется в вычурности слога, в пристрастии к шаблону в образах и в речи при тривиальном содержании» [БТС, с. 499] употребляется в современной речи и оценочное производное **литературищина**. Сопровожаемое пометами *неодобрит.* [СУ, т.2, с. 72], *пренебр.* [БТС, с. 499], а в БАСе и пометой *разговорное* [БАС-2, т.9, с. 229], оно представлено в художественных и публицистических текстах:

(25) *Начало истории было более-менее правдоподобным, а вот в её деталях многие сомневались. – Явная **литературищина!** Вот смотрите!* (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004)),

(26) *Мысль такая: если сравнить фабулы повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие», «Трёх сестер» Чехова и даже*

*«Униженных и оскорблённых» Достоевского, то окажется, что везде неестественность, везде **литературищина**, везде жизненная неправда* (С. Есин. Дневник (2007)),

(27) *Начинается дешёвая **литературищина**, обычная выпендрёжная болтовня о сложности человеческих личностей и тонкостях человеческих взаимоотношений* (И. Калабухова. Приключение длиною в сорок пять лет // «Ковчег», 2013),

(28) *«Хочешь мое личное мнение? Ну так слушай, дружище. Все эти ваши разговоры с чертями, с недотыкомками всякими, с черными там человеками, двойниками, посланцами, вестниками – ... все эти мозговые игры – ... такая **литературищина!**..»* (С. Носов. Фигурные скобки (2015)).

Ср. замечание об активизации суффикса *-щин-* как «яркого социально-оценочного средства» в современном словотворчестве в [Новые тенденции ... , 2014, с. 169 – 170].

Ещё одно оценочное производное гнезда **литература** – префиксальное образование **окололитературный**. Приставка *около-* в значении «имеющий лишь косвенное отношение к какой-либо сфере» (ср. *околонаучный, околотеатральный* [БАС-2, т. 13, с. 643–644]) привносит в содержание данного прилагательного оттенок пренебрежения [БАС-2, т.13, с. 643], неодобрения [БТС, 2000, с. 709]. В качестве определения данное прилагательное присоединяется к слову, употреб-

лённому в переносном значении, и создаёт метафорический образ:

(29) *Я не проверял этих рассказов: если они не достоверны, пусть останутся как **окололитературный фольклор*** (М. Гаспаров. Записки и выписки (2001)).

Интересна в связи с таким метафорическим переосмыслением реализация темы насекомых. «Окололитературный трутень» – так называлась статья в газете «Вечерний Ленинград» (29 ноября 1963 года) об Иосифе Бродском. Этот образ вспоминает публицист Ю. Лепский:

(30) *И почему ни в библиотеке его имени, ни в доме-музее, ни в Норенской, ни в Коноше нет поразительных по степени хамства и невежества протоколов его допросов в Ленинградском суде? Думаю, ответ на этот вопрос – в замечательной мемориальной доске, прикреплённой к стене Коношского вокзала: «Сюда осенью 1964 года прибыл в ссылку поэт, лауреат Нобелевской премии Иосиф Бродский». В этой «памятной» надписи почти всё неправда. И главная ложь в том, что «осенью 1964 года» сюда прибыл не поэт, а осуждённый тунец, и не лауреат Нобелевской премии (он получит нобелевку только через двадцать три года), а **«окололитературный трутень»** (Ю. Лепский. В поисках Бродского // «Дальний Восток», 2019).*

Метафора насекомого находит развитие в следующем образе:

(12) *Всему свое место. А то так все гадить начнут где ни попадя, только успевай хорошенькие места*

*прятать да перепрятывать. Не напасёшься мест никаких. **Окололитературный таракан** – он, конечно, всюду расползается. Везде поспекает. Несмотря на то что премного один. Вернее, до неразличимости один и тот же* (В. Володин. Повесть временных лет // «Волга», 2009).

Заключение

Таким образом, производные гнезда *литература* в современной речи способны проявлять свой оценочный потенциал. Среди данных единиц есть те, которые не оценочны по своей природе, но, в русле экспрессивизации высказывания и установки на выражение эмоционального отношения к предмету речи, начинают «прирастать» оценочными семами. Само существительное *литература* в позиции предиката отражает широкий оценочный спектр – и положительную, и отрицательную оценку. Экспликации оценочного смысла способствует контекст – авторский комментарий, содержащий стилистически маркированные единицы, подерживающие вектор оценки.

Оценочными в определённых контекстах становятся такие производные, как прилагательное *литературный*, развивающее качественные семы; существительные *литературность*, *литераторство*, приобретающие способность сочетаться с градуальными лексическими единицами; глагол *литераторствовать*.

В гнездо слова *литература* входят и производные с оценочными аффиксами: суффиксальные образо-

вания *литературка*, *литературици-на*, префиксальное производное *окололитературный*. Фиксируемые в словарях оттенки неодобрения, пренебрежения подтверждаются современными контекстами различной стилистической направленности – книжной речью (художественной, публицистической) и разговорными фактами интернет-общения.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика. Москва : Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 472 с.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. Москва : Наука, 1988. 341 с.
3. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Москва – Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1950 – 1965. (БАС-1)
4. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 1 – 26. Москва – Санкт-Петербург : Наука, 2004 – 2019. (БАС-2).
5. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : «Норинт», 2000. 1536 с. (БТС).
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва : Русские словари, 1996. 416 с.
7. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва : Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
8. Гловинская М. Я. Формирование оценочных значений у безоценочных слов // Современный русский язык: Система – норма – узус. Москва : Языки славянских культур, 2010. С. 140–150.
9. Князев Ю. П. Грамматическая семантика: русский язык в типологической перспективе. Москва : Языки славянских культур, 2007. 704 с.
10. Крысин Л. П. Оценочный компонент семантики иноязычного слова // Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. Москва : Знак, 2008. С. 52–62.
11. Новые тенденции в русском языке начала XXI века / под ред. Л. В. Рацибурской. Москва : Флинта : Наука, 2014. 304 с.
12. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. Москва : ФЛИНТА Наука, 2013. 328 с.
13. Русская грамматика: научные труды. В 2 т. Т. 1 / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Репринтное издание 1980 г. Москва, 2005. 784 с. (РГ)
14. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935 – 1940. (ТСУ)

Reference list

1. Apresjan Ju. D. Izbrannye trudy. Tom I. Leksicheskaia semantika = Selected Works. Volume I. Lexical semantics. Moskva : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 1995. 472 s.
2. Arutjunova N. D. Tipy jazykovykh znachenij. Ocenka, sobytie, fakt = Types of linguistic meanings. Evaluation, event, fact. Moskva : Nauka, 1988. 341 s.
3. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: v 17 t. = Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols. Moskva – Leningrad : Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950 – 1965. (BAS-1)
4. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka = Large academic dictionary of the Russian language / Gl. red. K. S. Gorbachevich. T. 1 – 26. Moskva – Sankt-Peterburg : Nauka, 2004 – 2019. (BAS-2).
5. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Large explanatory dictionary of the Russian language / Sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. Sankt-Peterburg : «Norint», 2000. 1536 s. (BTS).
6. Vezhbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie = Language. Culture. Cognition. Moskva : Russkie slovari, 1996. 416 s.
7. Vol'f E. M. Funkcional'naja semantika ocenki = Functional evaluation semantics. Moskva : Editorial URSS, 2002. 280 s.
8. Glovinskaja M. Ja. Formirovanie ocenocnykh znachenij u bezocenocnykh slov = Forming evaluative meanings in non-evaluative words // Sovremennyj russkij jazyk: Sistema – norma – uzus. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2010. S. 140–150.
9. Knjazev Ju. P. Grammaticheskaia semantika: russkij jazyk v tipologiceskoj perspektive = Grammatical semantics: the Russian language in typological terms. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. 704 s.
10. Krysin L. P. Ocenocnyj komponent semantiki inozazychnogo slova = Evaluative semantic component of foreign words // Krysin L. P. Slovo v sovremennykh tekstah i slovarjah: Očerki o russkoj leksike i leksikografii. Moskva : Znak, 2008. S. 52–62.
11. Novye tendencii v russkom jazyke nachala XXI veka = New Trends in the Russian Language of the early XXI century / Pod red. L. V. Raciburskoj. Moskva : Flinta : Nauka, 2014. 304 s.
12. Radbil' T. B. Osnovy izuchenija jazykovogo mentaliteta = The basics of studying linguistic mentality. Moskva : FLINTA Nauka, 2013. 328 s.
13. Russkaja grammatika: nauchnye trudy = Russian grammar: scientific works. V 2 t. T. 1 / Rossijskaja akademija nauk. Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova. Reprintnoe izdanie 1980 g. Moskva, 2005. 784 s. (RG)
14. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 4 t. = Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vols. / Pod red. D. N. Ushakova. Moskva : Gos. in-t «Sov. jencikl.»; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov., 1935 – 1940. (TSU)

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 12.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.
The article was submitted on 10.01.2023; approved after reviewing 12.02.2023; accepted for publication on 28.02.2023

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_1_15_81
EDN XZVBHFP

**Культурный и литературный дискурс сборника статей
Д. С. Мережковского «Акрополь»**

Екатерина Абдулмеджидовна Муртузалиева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы филологического факультета, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
fiona70@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8983-4309>

Аннотация. Объектом исследования в статье стал сборник избранных литературно-критических работ Д. С. Мережковского «Акрополь». В статье рассмотрена структура сборника, логика представления материала. Предметом исследования являются особенности дискурсивных отношений, а именно литературный (в широком смысле слова) и культурный дискурс, порождаемый сборником. Все работы, вошедшие в сборник, классифицированы по разным основаниям и принципам: тематическому (работы, посвященные писателям и их произведениям), географическому (работы о русских писателях и деятелях культуры и о европейских авторах). Особое внимание уделено классификации с точки зрения дифференциации работ по их видам, что дает возможность объективного аналитического подхода и выбора методологической стратегии. В разные дискурсивные группы выделены очерки критической прозы (например, «Майков», «Брат человеческий», «Чаадаев», «Суворин и Чехов», «Иваныч и Глеб», «Зимние радуги», «Зеленая палочка», «Памяти Тургенева» и другие); работы исследовательского типа, «ученые этюды» («Достоевский», «Гончаров», «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы»); литературно-критический дискурс и работы разных жанров литературной критики («Старый вопрос по поводу нового таланта», «Рассказы Вл. Короленко», «В обезьяньих лапах (О Леониде Андрееве)» и другие). Все работы сборника «Акрополь» рассмотрены как факты дискурса, который удваивается и даже утраивается, так как на дискурс Мережковского накладывает-

© Муртузалиева Е. А., 2023

ся дискурс и рецепция составителя сборника, С. Н. Поварцова, а затем – дискурс читателя и исследователя сборника. В сборнике «Акрополь» нашли отражение культурный и литературный дискурсы в работах Мережковского разного типа и различных жанров, отразившие сложный комплекс его культурологической и литературной, религиозной и онтологической концепций.

Ключевые слова: дискурс; дискурсивный подход; культурология; литературоведение; критическая проза; исследование; литературная критика; жанры; сборник; символизм; литературно-критическое наследие; рецепция

Для цитирования: Муртузалиева Е. А. Культурный и литературный дискурс сборника статей Д.С. Мережковского «Акрополь» // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 1 (15). С. 81-90. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_81. <https://elibrary.ru/XZBHFP>.

CULTURAL SCIENCE

Original article

Cultural and literary discourse in D. S. Merezhkovsky's collection of articles “Acropolis”

Ekaterina A. Murtuzalievа

Candidate of philological sciences, associate professor at the Russian literature department, faculty of philology, Dagestan state university, Makhachkala
fiona70@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-8983-4309>

Abstract. The object of the study in this article is a collection of D. S. Merezhkovsky's selected literary and critical works “Acropolis”. The article examines the structure of the collection and the logic of presenting the material. The focus of the study is on the specifics of discursive relations, namely, literary (in the broad sense) and cultural discourse generated by the collection. All the works included in the collection are classified on various grounds and principles: thematic (works devoted to writers and their works), geographical (works about Russian writers and cultural figures as well as works about European authors). Particular attention is paid to the classification in terms of differentiating the works by their types, which enables an objective analytical approach and the choice of methodological strategy. Different discursive groups include essays on critical prose (e.g., Maykov, The Human Brother, Chaadaev, Suvorin and Chekhov, Ivanych and Gleb, Winter Rainbows, The Green Stick, Memories of Turgenev, and others); research-type works, “scientific sketches” (Dostoevsky, Goncharov, On the Reasons for Decline and on New Trends in Modern Russian Literature); literary-critical discourse and works of various genres of literary criticism (An Old Issue Regarding a New

Talent, The Stories by V. Korolenko, In the Monkey's Paws (About Leonid Andreev), and others). All the works of the Acropolis collection are considered as facts of a discourse that doubles and even triples as Merezhkovsky's discourse is being superimposed by the discourse and reception of the collection's compiler, S. N. Povartsov, and then by the discourse of the collection's reader and researcher. The Acropolis collection reflects the cultural and literary discourses in Merezhkovsky's works of various types and genres, reflecting the complexity of his cultural and literary, religious and ontological concepts.

Keywords: discourse, discursive approach, cultural studies, literary studies, critical prose, research, literary criticism, genres, collection, symbolism, literary-critical heritage, reception

For citation: Murtuzalieva E.A. Cultural and literary discourse in D. S. Merezhkovsky's collection of articles "Acropolis". *World of Russian-speaking countries*. 2023; 1(15):81-90. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_81. <https://elibrary.ru/XZBHFP>.

Введение

Д. С. Мережковский – одна из ключевых фигур Серебряного века русской литературы, эпохи символизма. Его литературное наследие обширно и представляет огромный интерес для исследователей самых разных областей научного знания, что позволяет говорить о многовекторном дискурсивном потенциале философского, литературно-критического, литературоведческого, культурологического, теологического характера.

Отметим сразу, что мы будем пользоваться определением дискурса в широком его понимании, принятом в сфере гуманитарного знания, приведенном в академическом издании «Теории литературы», где «термином «дискурс» именуют коммуникативное событие, т. е. неслиянное и нераздельное со-бытие субъекта, объекта и адре-

сата некоторого единого (хотя порой и весьма сложного по своей структуре) высказывания» [Бройтман, 2004, с. 80].

Литературно-критическое наследие Д. С. Мережковского осмысливалось литературоведами, историками и теоретиками литературы и критики В. В. Агеносовым [Агеносов, 2012], Е. А. Андрущенко, Л. Г. Фризманом [Андрущенко, 1994], А. А. Журавлевой [Журавлева, 2005], В. Н. Крыловым [Крылов, 2007], Е. А. Осьминой [Осьмина, 2009], А. Н. Николюкиным [Николюкин, 2001] и многими другими. На материале трудов Д. С. Мережковского защищались кандидатские и докторские диссертации, в частности, диссертационные исследования и выходили статьи, монографии по их темам, в частности, Н. Г. Коптеловой [Коптелова, 2010], А. А. Холикова [Хо-

ликов, 2014], О. В. Пчелиной [Пчелина, 2008], А. М. Ваховской [Ваховская, 1996].

Объектом исследования в нашей статье стал сборник избранных литературно-критических работ Д. С. Мережковского «Акрополь», изданный в 1991 году в Москве [Мережковский, 1991], а предметом исследования – его литературоведческий и культурный дискурс. Культурологические, исторические аспекты литературно-критической прозы Д. С. Мережковского привлекали внимание таких исследователей, как О. П. Бодык [Бодык, 2006], А. В. Дехтяренко [Дехтяренко, 2009], А. Дудек [Дудек, 2010], И. С. Приходько [Приходько, 1999], Т. И. Дроновой [Дронова, 2006] и др.

Каждое из упомянутых исследований коллег, будь то научная статья, диссертация или работа иного жанра, представляет собой особый дискурс, возникший в результате рецепции и научного анализа трудов Д. С. Мережковского новый акт текстопорождения.

Результаты исследования

Д. С. Мережковский интересен во всех своих ипостасях: писателя, поэта, драматурга, переводчика, культуролога, религиозного философа, а его нехудожественное наследие являет нам образцы работ разного рода: литературной критики, литературоведческих исследований, критической прозы, публицистики в разных жанрах, присущих этим родам деятельности.

Все эти работы могут и должны быть рассмотрены, по нашему мне-

нию, как факт дискурса, в котором есть объект (культурный, литературный: текст и/или автор текста) и исследователь (Д. С. Мережковский), порождающий в результате коммуникативного события творчества новый объект уже для нашего исследования. Таким образом, дискурс удваивается, выводится на новые планы исследования.

Целью нашей статьи является выявление дискурсивных особенностей сборника «Акрополь», в частности, литературного (литературно-критического, литературоведческого) и культурного дискурсов.

Сборник «Акрополь», его композиция и публикация – это не детище самого Д. С. Мережковского, составителем сборника, автором предисловия, послесловия и комментариев является С. Н. Поварцов, давший послесловию очень символическое название «Возвращение Мережковского» [Поварцов, 1991], ведь «возвращенная литература» – это не только художественные тексты, но и «возвращенная критика», «возвращенная религиозно-философская мысль», публицистика и мн. др. «Акрополь» как сборник стал и результатом дискурса С. Н. Поварцова, поставившего перед собой сложную задачу, собрать в одном издании довольно ограниченного печатного объема работы, представляющие в большей или меньшей степени историко-литературную и культурологическую концепции Д. С. Мережковского и, думается, выбор статей для сборника был очень прост.

В «Акрополь» вошли работы Д. С. Мережковского, написанные в период с 1888 по 1926 годы. Основу сборника составили очерки, включенные Мережковским в сборник «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы»: «Акрополь», «Сервантес», «Флобер», «Достоевский», «Гончаров», «Майков». Составитель добавил в сборник еще ряд статей и очерков, в частности, «Старый вопрос по поводу нового таланта» (и еще ряд работ о Чехове), «Рассказы Вл. Короленко», «В обезьяньих лапах» (о Леониде Андрееве), «Мистическое движение нашего века», фрагменты из работы «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», «Розанов», «Иваныч и Глеб», «Горький и Достоевский», «Памяти Тургенева», «Не святая Русь (религия Горького)», «О мудром жале», «Брат человеческий», «Балаган и трагедия», «Лев Толстой и революция», «Две России» и др.

Организующим камертоном сборника является очерк «Акрополь», давший ему название. Это своего рода эпиграф к литературно-критической составляющей сборника. Именно этот небольшой «путевой» очерк выстраивает историко-культурную перспективу, восходящую к культурологической концепции Д. С. Мережковского, нашедшей отражение и в «Вечных спутниках», и с этой точки зрения можно говорить об античном дискурсе в «Акрополе».

Остановимся на вопросе отбора материала для сборника, на логике

формирования сборника «Акрополь». В сборник не вошли очерки из «Вечных спутников», посвященные мыслителям античности, Монтеню, Кальдерону, Ибсену, Гете. Но, и первый очерк сборника, «Акрополь», и очерки, посвященные Сервантесу и Флоберу, задают историко-культурную и литературную парадигму, вписывая русскую литературу и ее представителей в общеевропейский, мировой литературный и культурный контекст. Устанавливается дискурсивное общекультурное поле, которое, с одной стороны, демонстрирует дискурсивные отношения «автор и его рецепция античности, европейской литературы и культуры» (дискурс Мережковского), а с другой – «С. Н. Поварцов как составитель сборника и материалы сборника (дискурс Мережковского)».

В сборник не вошли крупные литературоведческие исследования Д. С. Мережковского («Гоголь», «Л. Толстой и Достоевский»), полный текст символистского трактата «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы», а также очерк «Пушкин». И если логика невключения трактата и исследований находится на виду, так как невозможно в небольшом по объему сборнике опубликовать многостраничные работы, то отсутствие очерка «Пушкин» заставляет задуматься.

Думается, здесь и непосредственная отсылка читателя и исследователя к «Вечным спутникам», и особое отношение к очерку самого

Д. С. Мережковского. Пушкин и работа о нем так же важны для автора, как и очерк критической прозы «Пушкин» для Ф. М. Достоевского, который посвятил этому очерку и полемике вокруг него отдельный выпуск своего «Дневника писателя». Связь же между очерками Ф. М. Достоевского и Д. С. Мережковского несомненна: и внутренняя, содержательная, и структурная, композиционная. «Пушкин» есть в «Вечных спутниках», и это монолит, который не очень вписывается в структуру сборника «Акрополь» по своим масштабам. Представленные же в сборнике фрагменты из трактата иллюстрируют литературную обстановку эпохи, нежели демонстрируют концептуальные оценочные моменты символистов по отношению к истории русской литературы.

Такой отбор материала в сборник «Акрополь» свидетельствует о желании показать литературно-критическую деятельность Д. С. Мережковского во всей ее полноте и многообразии видовых и жанровых форм. Так, литературоведческий дискурс сборника проявляется в ряде статей, представляющих собой жанровую форму «ученый этюд». Это своего рода «малый жанр» литературоведения, но тем не менее, автономное литературоведческое исследование в миниатюре. Таковы в составе сборника этюды «Гончаров» и «Достоевский», причем последний на время создания позиционировался как литературно-критическая статья «Роман Ф. М. Достоевского “Преступление

и наказание”», что было неверно с хронологической и теоретической литературоведческой точки зрения.

Литературно-критический дискурс в «Акрополе» представлен работами, посвященными современникам: А. П. Чехову, М. Горькому, Л. Андрееву, В. Короленко, Л. Толстому: «Старый вопрос по поводу нового таланта», «Рассказы Вл. Короленко», «В обезьяньих лапах (О Леониде Андрееве)», а также частью трактата. Эти работы позволяют увидеть и оценить Д. С. Мережковского-критика в разные периоды его критической деятельности: досимволистский, символистский, позволяют составить представление об эволюции его критического метода.

Третий видовой дискурс вводит читателя и исследователя в сферу критической прозы Д. С. Мережковского. Критическая проза составляет значительную часть нехудожественного наследия Д. С. Мережковского и представляет собой не научное и не традиционное критическое осмысление художественных текстов, а некий сплав литературной критики, субъективной у Мережковского в своей основе, и литературоведческой составляющей, сплав, представленный глазами писателя, художника слова.

Отсюда особая почти художественная образность очерков критической прозы, их стилистика, образы главных героев очерков, в которых реальные прототипы героев были художественно субъективно представлены как художественные

образы. Это такие очерки в составе «Акрополя» как «Майков», «Брат человеческий», «Чаадаев», «Суворин и Чехов», «Иваныч и Глеб», «Зимние радуги», «Зеленая палочка», «Памяти Тургенева» и другие. В сборнике присутствуют разные жанровые модификации очерка критической прозы: биографический очерк, очерк-некролог, философское эссе.

Культурологический дискурс в «Акрополе» дополняют такие работы, как «Чаадаев», «Розанов», «Горький и Достоевский», «Лев Толстой и революция», которые также могут быть рассмотрены параллельно и в разрезе литературного дискурса, и исторического дискурса.

Привлекают к себе внимание и работы, в которых нашло отражение непростое отношение Д. С. Мережковского к реалиям времени «Две России», «О свободе слова», «Асфodelи и ромашка».

Заключение

Сборник «Акрополь» дает возможность религиозного, теологического дискурса, так как работы в его составе показывают христианское, евангельское осмысление художественных произведений и их авторов. Ярким примером такого подхода являются очерки «Иваныч

и Глеб», «В обезьяньих лапах (О Леониде Андрееве)».

Как справедливо отмечает С. Н. Поварцов, «В какие бы споры с классиками ни вступал автор «Вечных спутников», он всегда оставлял за читателем право не соглашаться с его выводами (часто весьма тенденциозными), порой прямо провоцировал на интеллектуальный поединок. <...> Вопросы, волновавшие Мережковского, имели преимущественно культурологический характер и ставились, как правило, на материале русской литературы, декларативно отрицаемой» [Поварцов, 1991, с. 344]. Вместе с тем, несмотря на такую позицию, работы Д. С. Мережковского показывают эволюцию его взглядов критика-символиста, и при всей тенденциозности доказывают разносторонность его дарования и то, что он был шире тех символистских рамок и схем, которых старался придерживаться в своем творчестве и жизни.

Сборник «Акрополь» стал прекрасным образцом, являющим читателю Мережковского-читателя, Мережковского-писателя, Мережковского-критика и исследователя, размышляющего о литературе, культуре, религии, общественной жизни, вечности и, надеюсь, станет объектом научного исследования в различных дискурсах.

Библиографический список

1. Агеносов В. В. «При всей огромности дарования нигде не довоплощен...» – Д. С. Мережковский в критике и литературоведении // В. В. Агеносов Избранные труды и воспоминания. Москва : АИРО-XXI, 2012. С. 274-300.

2. Андрущенко Е. А. Критик, эстетик, художник / Е. А. Андрущенко, Л. Г. Фризман // Мережковский Д. С. Эстетика и критика: в 2 т. Т.1. Москва : Искусство, 1994. С. 7–58. (История эстетики в памятниках и документах).
3. Бодык О. П. Историзм Д. С. Мережковского в аспекте символистской мифологии истории // Художественный текст и текст в массовых коммуникациях: Вып. 3: в 2 ч. Ч. 2. Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2006. С. 27–37.
4. Бройтман С. Н. Теория литературы: в 2 т. Т. 1. Теория художественного дискурса: Теоретическая поэтика / С. Н. Бройтман, Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа. Москва : Академия, 2004. 512 с.
5. Ваховская А. М. Проза Д. С. Мережковского 1890-х середины 1900-х гг.: Становление и художественное воплощение концепции культуры / Москва : Изд-во МПГУ, 1996. 302 с.
6. Дехтяренко А. В. Античные образы в цикле очерков Д. С. Мережковского «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы» // Experimenta Lucifera. 2009. Вып. 5. С. 267–273.
7. Дронова Т. И. Принципы художественно-исторического познания Д. С. Мережковского в современном изучении // Вестник Саратовского государственного социально-экономического ун-та. 2006. № 14. С. 138–142.
8. Дудек А. Между Акрополем и Пантеоном: Античный мир в творчестве Д. С. Мережковского // Античность и культура Серебряного века. Москва : Наука, 2010. С. 224–230.
9. Журавлева А. А. «Вечные спутники» Мережковского как образец субъективной критики // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. 11: Журналистика. 2005. № 1. С. 99–108.
10. Коптелова Н. Г. Проблема рецепции русской литературы XIX века в критике Д. С. Мережковского (1880–1917 гг.). Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. 343 с.
11. Крылов В. Н. Синтез литературы, эссеистики и критики в русском символизме // Синтез документального и художественного в литературе и искусстве : сб. ст. и материалов Междунар. науч. конф. (3–6 мая 2006 г.). Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2007. С. 418–423.
12. Мережковский Д. С. Акрополь: избранные литературно-критические статьи. Москва : Кн. Палата, 1991. 352 с.
13. Мережковский Д. С. Вечные спутники: портреты из всемирной литературы / под ред. Е. А. Андрущенко. Санкт-Петербург : Наука, 2007. 903 с.
14. Мережковский Д. С.: pro et contra: Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников: антология. Санкт-Петербург : РХГИ, 2001. 568 с.
15. Николюкин А. Н. Феномен Мережковского // Мережковский Д. С.: Pro et contra. Санкт-Петербург : РХГИ, 2001. С. 7–28.
16. Осьминина Е. А. Образы мировой культуры в прозе Д. С. Мережковского. Москва : Поли-экспресс, 2009. 304 с.
17. Поварцов С. Н. Возвращение Мережковского // Мережковский Д. С. Акрополь: Избранные литературно-критические статьи. Москва : Кн. Палата, 1991. С. 332–350.

18. Приходько И. С. «Вечные спутники» Мережковского: К проблеме мифологизации культуры // Мережковский Д. С. Мысль и слово. Москва : Наследие, 1999. С. 198–207.
19. Пчелина О. В. Философские идеи в русской литературе: Д. Мережковский // Вестник МГОУ. Сер.: Философские науки. 2008. № 1. С. 135–141.
20. Холиков А. А. Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: текстология, история литературы, поэтика. Москва-Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. 344 с.

Reference list

1. Agenosov V. V. «Pri vsej ogromnosti darovaniya nigde ne dovoploshhen...» – D.S. Merezhkovskij v kritike i literaturovedenii = “For all the enormity of his talent, he is nowhere fully actualized...” - D. S. Merezhkovsky in criticism and literary studies // V.V. Agenosov Izbrannye trudy i vospominaniya. Moskva : AIRO-XXI, 2012. S. 274–300.
2. Andrushhenko E.A. Kritik, jestetik, hudozhnik = Critic, aesthetician, artist / E. A. Andrushhenko, L. G. Frizman // Merezhkovskij D.S. Jestetika i kritika: v 2 t. T.1. Moskva : Iskusstvo, 1994. S. 7–58. (Istorija jestetiki v pamjatnikah i dokumentah).
3. Bodyk O.P. Istorizm D. S. Merezhkovskogo v aspekte simvolistskoj mifologii istorii // D.S. Merezhkovsky's historicism in terms of the symbolist mythology of history // Hudozhestvennyj tekst i tekst v massovyh kommunikacijah: Vyp. 3: v 2 ch. Ch. 2. Smolensk : Izd-vo SmolGU, 2006. S. 27–37.
4. Brojtman S.N. Teorija literatury: v 2 t. T. 1. Teorija hudozhestvennogo diskursa: Teoreticheskaja pojetika = Theory of literature: in 2 vols. V. 1. Theory of literary discourse: Theoretical poetics / S. N. Brojtman, N. D. Tamarchenko, V. I. Tjupa. Moskva : Akademija, 2004. 512 s.
5. Vahovskaja A. M. Proza D. S. Merezhkovskogo 1890-h serediny 1900-h gg.: Stanovlenie i hudozhestvennoe voploshhenie koncepcii kul'tury = D. S. Merezhkovsky's prose of the 1890s and mid-1900s: Formation and artistic expression of the concept culture / Moskva : Izd-vo MPGU, 1996. 302 s.
6. Dehtjarenok A. V. Antichnye obrazy v cikle ocherkov D.S. Merezhkovskogo «Vechnye sputniki. Portrety iz vseмирnoj literatury» = Antique images in D. S. Merezhkovsky's cycle of essays “Eternal companions. Portraits from world literature” // Experimenta Lucifera. 2009. Vyp. 5. S. 267–273.
7. Dronova T. I. Principy hudozhestvenno-istoricheskogo poznanija D.S. Merezhkovskogo v sovremennom izuchenii = D. S. Merezhkovsky's principles of artistic and historical insight in modern studies / Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-jekonomicheskogo un-ta. 2006. № 14. S. 138–142.
8. Dudek A. Mezhdru Akropolem i Panteonom: Antichnyj mir v tvorčestve D.S. Merezhkovskogo = Between the Acropolis and the Pantheon: The Ancient world in D.S. Merezhkovsky's work // Antichnost' i kul'tura Serebrjanogo veka. Moskva : Nauka, 2010. S. 224–230.
9. Zhuravleva A. A. «Vechnye sputniki» Merezhkovskogo kak obrazec sub#ektivnoj kritiki = Merzezhkovsky's “Eternal Companions” as a model of subjective criticism//

Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 11: Zhurnalistika. 2005. № 1. С. 99–108.

10. Koptelova N. G. Problema recepcii russoj literatury XIX veka v kritike D.S. Merezhkovskogo (1880–1917 gg.) = The reception of XIX century Russian literature in D. S. Merezhkovsky's criticism (1880-1917). Kostroma : KGU im. N.A. Nekrasova, 2010. 343 s.

11. Krylov V. N. Sintez literatury, jesseistiki i kritiki v russkom simvolizme = Synthesis of literature, essay writing and criticism in Russian symbolism // Sintez dokumental'nogo i hudozhestvennogo v literature i iskusstve: sb. st. i materialov Mezhdunar. nauch. konf. (3–6 maja 2006 g.). Kazan' : Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2007. S. 418–423.

12. Merezhkovskij D. S. Akropol': Izbrannye literaturno-kriticheskie stat'i. = Acropolis: Selected literary-critical articles. Moskva : Kn. Palata, 1991. 352 s.

13. Merezhkovskij D. S. Vechnye sputniki: Portrety iz vsemirnoj literatury = Eternal companions: Portraits from world literature / pod red. E. A. Andrushhenko. Sankt-Peterburg : Nauka, 2007. 903 s.

14. Merezhkovskij D. S.: pro et contra: Lichnost' i tvorcestvo Dmitrija Merezhkovskogo v ocenke sovremennikov: antologija = Merezhkovsky D. S.: pro et contra: Dmitry Merezhkovsky's personality and work according to his contemporaries: an anthology. Sankt-Peterburg : RHGI, 2001. 568 s.

15. Nikoljukin A. N. Fenomen Merezhkovskogo = The Merezhkovsky phenomenon // Merezhkovskij D.S.: Pro et contra. Sankt-Peterburg : RHGI, 2001. S. 7–28.

16. Os'minina E. A. Obrazy mirovoj kul'tury v proze D. S. Merezhkovskogo = World culture images in D. S. Merezhkovsky's prose. Moskva : Poli-jekspress, 2009. 304 s.

17. Povarcov S. N. Vozvrashhenie Merezhkovskogo = Merezhkovsky returns // Merezhkovskij D.S. Akropol': Izbrannye literaturno-kriticheskie stat'i. Moskva : Kn. Palata, 1991. S. 332–350.

18. Prihod'ko I. S. «Vechnye sputniki» Merezhkovskogo: K probleme mifologizacii kul'tury = Meretzkovsky's "Eternal Companions": Toward mythologization of culture // Merezhkovskij D. S. Mysl' i slovo. Moskva : Nasledie, 1999. S. 198–207.

19. Pchelina O. V. Filosofskie idei v russoj literaturе: D. Merezhkovskij = Philosophical ideas in Russian literature: D. Merezhkovsky // Vestnik MGOU. Ser.: Filosofskie nauki. 2008. № 1. S. 135–141.

20. Holikov A. A. Prizhiznennoe polnoe sobranie sochinenij Dmitrija Merezhkovskogo: tekstologija, istorija literatury, pojetika = Dmitry Merezhkovsky's lifetime complete works: textology, history of literature and poetics. Moskva-Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2014. 344 s.

Статья поступила в редакцию 16.01.2023; одобрена после рецензирования 07.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted on 16.01.2023; approved after reviewing 07.02.2023; accepted for publication on 28.02.2023

Научная статья
УДК 82-312.1
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_1_15_91
EDN YUJRIY

Рецепция буддизма и буддийский дискурс творческой проблематики в книгах А. А. Макушинского «У пирамиды» и «Предместья мысли. Философическая прогулка»

Леонид Викторович Дубаков

Кандидат филологических наук, доцент филологического факультета
Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай
dubakov_leonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Аннотация. В статье анализируется специфика рецепции буддизма и особенности рассмотрения проблемы творчества в книгах А. А. Макушинского «У пирамиды» и «Предместья мысли. Философическая прогулка». В этих произведениях, которые рассматриваются в качестве литературно-философского non-fiction или литературно-философской эссеистики, и в собственно художественном творчестве писателя выявляется противопоставление пути искусства и религиозного (буддийского) пути, а также выбор пути искусства как основного. А. А. Макушинский делает выбор в пользу литературы, сознавая относительность её ценности перед абсолютной ценностью окончательного буддийского освобождения из сансарической реальности. Однако и эта относительная ценность литературы позволяет ему видеть и открывать читателю отдельные буддийские истины, дающие возможность постигать мир как он есть. Выбор пути искусства для писателя – это также выбор широкого пути, по его мнению, приводящего человека в финале духовного пути к абсолютному постижению реальности. Анализируя книги А. Макушинского и его интервью, можно зафиксировать, что он воспринимает буддизм избирательно. Писатель заимствует из буддизма методы работы с сознанием (медитации, чтение «мантр») и применяет их в творчестве, но при этом он не соглашается с отдельными положениями его философии и космологии: он отвергает концепцию буддийского имперсонализма и, с его точки зрения, как архаику – inferнальную и парадизную метафизику буддизма. А. Макушинский более эмоционально, чем аргументированно противится базовому буддийскому имперсонализму как концепции, нивелирующей индивидуальность и сложность человеческой личности, обладающей потенциалом творче-

© Дубаков Л. В., 2023

ства, равно как и остаётся писателем, отставляя в сторону узкий религиозный путь.

Ключевые слова: А. А. Макушинский; буддизм; эссе; проблематика; творчество; рецепция

Для цитирования: Дубаков Л. В. Рецепция буддизма и буддийский дискурс творческой проблематики в книгах А. А. Макушинского «У пирамиды» и «Предместья мысли. Философическая прогулка» // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 1 (15). С. 91-104. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_91. <https://elibrary.ru/YUJRIY>.

Original article

**Reception of buddhism and the buddhist creative discourse in
A.A. Makushinsky's books “At the Pyramid” and “Suburbs of Thought.
Philosophical Walk”**

Leonid V. Dubakov

Candidate of philological sciences, associate professor at the faculty of philology, Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, PRC
dubakov_leonid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

Abstract. The article analyzes the specific reception of Buddhism and the peculiarities of creativity issues in A. A. Makushinsky's books “At the Pyramid” and “Suburbs of Thought. Philosophical walk”. These works, which are regarded as literary-philosophical non-fiction or literary-philosophical essayism, and the writer's own fiction reveal the opposition between artistic and religious (Buddhist) paths, as well as the choice of the artistic path as the main one. A. A. Makushinsky makes a choice in favor of literature, aware of its relative value compared to the absolute value of the ultimate Buddhist liberation from samsaric reality. Yet even this relative value of literature enables him to see and reveal certain Buddhist truths to the reader, which make it possible to comprehend the world as it is. In his view, the choice of the writer's artistic path is also the choice of a broad path, taking the individual at the end of his spiritual journey to the ultimate comprehension of reality. Analyzing A. Makushinsky's books and interviews, the author notes that his perception of Buddhism is selective. The writer borrows from Buddhism some methods of working with the mind (meditation, recitation of “mantras”) and applies them to his work, while disagreeing with certain aspects of its philosophy and cosmology: he rejects the concept of Buddhist impersonalism and the infernal and paradisaic metaphysics of Buddhism which, from his point of view, is archaic. A. Makushinsky is more emotional than argumentative in his opposition to basic Buddhist impersonalism as a concept that levels individuality and

complexity of the human personality with creative potential, just as he remains a writer, setting aside the narrow religious path.

Keywords: A. A. Makushinsky; Buddhism; essays; problematics; creativity; reception

For citation: Dubakov L. V. Reception of buddhism and the buddhist creative discourse in A. A. Makushinsky's books "At the Pyramid" and "Suburbs of Thought. Philosophical Walk". *World of Russian-speaking countries*. 2023; 1(15):91-104. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_91. <https://elibrary.ru/YUJRIY>.

Введение

Влияние буддизма на отечественную литературу длится более двух веков. Буддийские идеи и мотивы обнаруживаются в произведениях позапрошлого и прошлого веков. В современной отечественной литературе буддизм осваивается так же активно и плодотворно, как в эпоху Серебряного века. Литературоведение, вслед за исследованиями В. Н. Топорова [Топоров, 1995], Ю. М. Лотмана [Лотман, 1982; Лотман, 1998], Н. П. Анциферова [Анциферов, 2014], где рассматривается «петербургский текст» русской литературы, осуществило перенос структурно-семиотического подхода на широкое городское и географическое поле [Богумил, 2017; Люсый, 2016; Манн, 1998; Меднис, 1999; Тюпа, 2002] и в религиозную сферу [Алексеев, 2014]. Наконец, анализу подвергся и «буддийский текст» отечественной литературы [Бекметов, 2018].

А. А. Макушинский не раз в своих книгах и интервью прямо говорил о влиянии дзэн-буддизма на его жизнь и его творчество. Самым «буддийским романом» в этом

отношении является роман «Остановленный мир» (2018) [Дубаков, 2022a]. Однако осмысление буддийских идей, буддийские образы, различные отсылки к буддизму присутствуют почти во всех его произведениях, начиная с первого романа «Макс» (опубликован в 1998 году) и поэзии [Дубаков, 2022b] и заканчивая последним на сегодняшний день романом «Один человек» (2021). О буддизме Алексей Макушинский размышляет также в своей эссеистике.

Творчество и религия в книге Алексея Макушинского «У пирамиды»: проблема выбора, экзистенциальный отказ и заимствование методов

Книга «У пирамиды» (2011), находясь «на грани творческих фантазий и публицистики, художественности и документа» [Вергелис, 2014, с. 212], содержит эссе, статьи и фрагменты. По большей части разговор в них посвящён литературе. Одна из главных проблем, которую Макушинский рассматривает сквозь буддийскую оптику, это проблема совмещения или противоположения творческого и религи-

озного пути. Так, в эссе «Любовь к относительному», говоря о принципиальной разнице между религиозным путём и путём искусства, он отмечает, что человеку однажды приходится делать сложный, «роковой» выбор: «...чего же ты хочешь – спасенья или стихов, что тебе дороже – сатори или сонет? За одно хорошее стихотворенье пожертвуешь ли вечным блаженством?» [Макушинский, 2011, с. 72]. Макушинский здесь мыслит в буддийских категориях, в качестве полюса к совершенному искусству называя сатори, то есть «состояние интуитивного просветления» [Неаполитанский, 2007, с. 705] в дзэн-буддизме, а чуть ранее в качестве примера возможного сближения искусства и религии, утверждая, что поэзия «может быть о погоде или о пагоде, о ветре, о вербе, о Неве, о – неважно о чём» [Макушинский, 2011, с. 72]. То, что в «Любви к относительному» было проблемой, гипотетическим искушением творца неким волшебником-троллем-бесом, в «Остановленном мире» нашло своё решение: автор выбирает относительное, то есть искусство. Макушинский избирает в романе путь писателя: строки О. Э. Мандельштама из «Равноденствия» он воспринимает как мантру, и они для него оказываются «всякого буддизма важней, и всякого дацана нужней» [Макушинский, 2018а, с. 74]. Выбирая между пробуждением и удавшимся стихотворением, он выбирает по-

следнее [Макушинский, 2018а, с. 205-206]; говоря о буддизме фотографа Ф. Дртикола, который отошёл от фотографирования, Макушинский замечает, что сам «хотел бы писать до последнего дня своей жизни» [Макушинский, 2018а, с. 242]. Говоря о философии Н. А. Бердяева, Макушинский характеризует религиозный путь, путь созерцания, как ведущий к покою, а путь творчества как борьбу – борьбу «с материалом – металлом, мрамором, неподатливостью русской речи» [Макушинский, 2020, с. 143].

В эссе «“Дорогой Марк...”. О Маргерит Юрсенар» из книги «У пирамиды» А. Макушинский также говорит о проблеме выбора между религиозным и литературным путём. Героиня этого эссе, по словам писателя, обучалась дзэн-буддийским и тибетским методам «медитации, концентрации внимания, освобождения от случайных, пустых, чужих мыслей, сосредоточения на своей собственной» [Макушинский, 2011, с. 176]. Это обучение она поняла по-своему, восприняв их не как методы познания, но как методы осуществления – в литературе. Одновременно Макушинский обращает внимание, что эти методы Маргерит Юрсенар реализовала и по прямому их назначению: «Мы отступаем от жизни... <...> Мы чувствуем дыхание чего-то совсем иного, буддийского Ничто, Пустоты <...> Мы затем возвращаемся» [Макушинский, 2011,

с. 177]. И по возвращении «я», стоящее между нами и миром, какое-то время отсутствует.

Алексей Макушинский часто смотрит на литературу «глазами буддизма». В эссе «Обольщающий обман» (книга «У пирамиды») он предлагает свою интерпретацию известного пушкинского стихотворения «Если жизнь тебя обманет...». Согласно его мысли, из этого стихотворения звучит «голос самой жизни, понятой как обман и иллюзия, покрывало Майи, шопенгауэровская воля. Не “возвышающий”, но – “обольщающий”» [Макушинский, 2011, с. 77]. Это обольщение состоит в ложном успокаивании человека, который якобы в будущем будет счастлив. Макушинский, напротив, говорит, что счастье можно обрести только в настоящем времени. «Погрузиться в это вечное сейчас, в *nunc stans*, в эту единственную, и божественную, реальность» [Макушинский, 2011, с. 76] можно разными способами, один из них – дзэн-буддийская медитация, так называемое «сидение», что позволяет добиться ощущения присутствия в здесь-и-сейчас, которое в свою очередь даёт возможность внимательно рассмотреть «...подробности бытия. Верные чувствилища мысли» [Балла, 2020, с. 226].

В эссе «Земные сны и небесные отсветы. Владислав Ходасевич и Филип Ларкин» (книга «У пирамиды») А. Макушинский разбирает стихотворение Ларкина «Вот те

стихи» («This Be The Verse»). Выражение «get out» заставляет его вспомнить «буддистско-шопенгауэровский «круговорот-смертей-и-рождений», из которого можно выбраться с помощью аскезы и медитации, чтобы вновь не рождаться (и значит, не умирать), выйти из игры, разорвать покрывало Майи, погрузиться в Нирвану» [Макушинский, 2011, с. 137]. При всех возможных вариантах истолкования призыва этого инвективного по характеру стихотворения вариант Макушинского оказывается, вероятно, самым высоким.

В книге «Предместья мысли. Философическая прогулка» (2020), которую Н. И. Герасимов называет большим литературно-философским эссе [Герасимов, 2020, с. 190] и которая фактически выступает в качестве «формы художественного созерцания» [Сиземская, 2010, с. 79], эпизод своей биографии, своё дзэнское переживание (пережитое Макушинским в Ленинграде, а затем на буддийском хуторе в Баварии, о чём он говорит также в «Остановленном мире») писатель сопоставляет с прустовской прозой [Макушинский, 2020, с. 110].

В эссе «Идея книги» (сборник «У пирамиды») писатель говорит о двух вариантах создания идеальной книги, приближающей человека к абсолютному. Один из них предполагает инклюзивный путь: все книги «в последнем пределе и создают (создадут) тот абсолютный, “без-

условный” текст» [Макушинский, 2011, с. 91]. Другой путь – это «отрицание всех прочих книг», потому что они «случайны и субъективны» [Макушинский, 2011, с. 90]. За всеми словами такой книги – «мистическое Ничто, буддистская Пустота» [Макушинский, 2011, с. 90]. Характеризуя французскую литературу XIX века, Макушинский вспоминает О. Э. Мандельштама в связи с подмеченной им в ней «“чужой кровью”, уклоном в буддизм, стремлением к созерцательной статике, к литературной Нирване» [Макушинский, 2011, с. 91].

**Избирательная рецепция буддизма:
отвержение философии
и космологии, принятие духовной
практики**

В эссе «“Дорогой Марк...”. О Маргерит Юрсенар» писатель говорит про свою героиню, что она училась дзэн-буддизму, «изменяя смысл урока» [Макушинский, 2011, с. 176]. Представляется, что сам Макушинский также изменил смысл урока, полученный им от буддизма. В одном из интервью Макушинский формулирует своё понимание дзэна. Дзэн для него есть учение о видении идеального мира в имеющейся реальности: «Вот здесь и сейчас – это уже в каком-то смысле рай. Всё так в своей таковости, всё уже это в своей этости и нет никакого того – другого» [Макушинский, 2019]. О том же он говорит в книге «Предместья мысли. Философическая прогулка»: «В

буддизме (во всяком буддизме, не только в дзене) тоже есть, конечно, различие между тем миром и этим, между нирваной и сансарой. Переворот наступает в тот момент, когда (в строгом смысле, еще до дзена, но уже в буддизме Махаяны, одним из вариантов которого и является дзен) нирвана и сансара парадоксальным образом приравниваются друг к другу» [Макушинский, 2020, с. 67], «Этот мир уже совершенен в своей этости, такой, каков он есть, в своей таковости. <...> Я возвращаюсь к себе; я обретаю свое «у себя»; я вижу мир в его бытийственной полноте (или небытийственной пустоте <...>)» [Макушинский, 2020, с. 68]. Дзэн уводит человека от слов и мыслей, он даёт возможность преобразования. Вновь вспоминая о Маргерит Юрсенар, Макушинский цитирует её: важна «не философия свободы <...>, но техника свободы» [Макушинский, 2020, с. 68]. Действительно, писатель берёт у буддизма более методы, нежели философию.

Эти буддийские методы применяются им в том числе в творчестве. К примеру, в эссе «“Дорогой Марк...”. О Маргерит Юрсенар» А. Макушинский пишет о том, что существовал «медитативный момент в самих методах ее писательской работы» [Макушинский, 2011, с. 177], который она позаимствовала у «восточных философов» [Макушинский, 2011, с. 177]. Он прежде всего состоит в сосредоточении внимания «на любом, пускай со-

всем ненадолго появляющемся персонаже, жесте, зрительном образе» [Макушинский, 2011, с. 180]. Она умела «Быть здесь и сейчас», как «учит нас буддизм вообще и дзен-буддизм в особенности...» [Макушинский, 2011, с. 183]. Создавая роман «Философский камень», она повторяла имя героя, подобно мантре, и это уплотняло действительность [Макушинский, 2011, с. 184]. Главные героини её произведений обладают ощущением присутствия. В финале этого эссе автор применяет методы Маргерит Юрсенар к ней самой, «задерживая и считая дыханье, отбрасывая посторонние мысли, позволяя им пройти и погаснуть, сосредотачиваясь на одном, на одной» [Макушинский, 2011, с. 193]. Таким образом, говоря о медитативном восприятии реальности в художественном мире Алексея Макушинского, можно предположить, что «методы безумия», которые использовала французская писательница в своём творчестве, активно эксплуатирует и он сам, как минимум в трёх произведениях – в романах «Макс» и «Остановленный мир», в поэтических сборниках.

Макушинский, говоря о том, что писательство и религия – это разные пути, так как в первом, в отличие от второго, есть цели и достижения или недостижения, всё же оговаривается насчёт поэзии и сходства методов: «...в самом сочинении стихов есть, наверное, что-то, что сближает это занятие с ме-

дитацией, или, скажем, с повторением мантры» [Макушинский, 2018с]. И в целом, по его мысли, «Поэзия (в широком смысле немецкой Dichtung; не важно, стихи или проза) казалась мне такой же противоположностью словам, как и дзенское оглушительное молчание; скорее уж она казалась мне родственной этому молчанию, вырастающей из этого молчания» [Макушинский, 2020, с. 68]. Впрочем, это проявляется и в его прозе. Так, Е. В. Абулдуллаев пишет о книге «У пирамиды»: «Ровная, вполголоса, ненавязчивая интонация» [Абулдуллаев, 2012, с. 202].

Макушинский проводит параллели также между буддизмом и философией. Так, в «Предместьях мысли. Философической прогулке» он отмечает сходство между буддийскими идеями и идеями М. Экхарта: «О том же говорит мейстер, между прочим, Экхарт, сходства которого с дзеном так охотно ищут (и конечно, находят) современные (или уже не совсем современные) сочинители соответствующих трактатов (от Рудольфа Отто до Д. Т. Судзуки). <...> надо быть совершенно пустым, окончательно пустым, бесповоротно пустым; только в пустое помещение, пустой храм, может войти Господь» [Макушинский, 2011, с. 154]. Симона Вейль «пишет об “отрешенности” (détachement) в противоположность всякой привязанности (attachement). Привязываться ни к чему нельзя (вполне по-

буддистски); а надо от всего отрешиться, оторваться, покончить со всеми пристрастиями, привязанностями, да заодно и с собою» [Макушинский, 2011, с. 158]. То, что Альбер Камю «называет идеалом абсурдного человека (сам, впрочем, сомневаясь в этом патетическом слове), я, в моей собственной молодости, называл скорее идеалом дзенского человека. В конце концов, если дзен-буддизм чему-то и учит нас, то именно этому: последовательному пребыванию в настоящем, в здесь-и-сейчас» [Макушинский, 2020, с. 187], «И слово “пробуждение”, l'éveil, не раз употребляемое им в “Сизифе”, тоже, конечно, заставляет нас насторожиться. Ведь Будда значит «пробужденный»; более ничего» [Макушинский, 2020, с. 187]. Иронически отменяя эксклюзивность христианства (которое в «Предместьях мысли» он подвергает резкой критике) или как минимум проводя параллель и выявляя схожесть методов духовной работы, писатель сравнивает томистские семинары семьи Маритенов с буддийскими ретритами. Молитвенное хождение по лабиринту Шартрского собора напоминает ему кинхины в дзэне, когда каждый шаг «делается почти неподвижным, делается дза-дзеном; ты идешь, но, в сущности, ты не идешь» [Макушинский, 2020, с. 106]. Стремление супруги Н. А. Бердяева к уединению напоминает «дзэнскую болезнь» (как он это называет): «Это наркотик, но

это наркотик ясности, наркотик присутствия в настоящем, наркотик сознания, сознания себя, наркотик сознательности» [Макушинский, 2020, с. 143].

А. А. Макушинский говорит о влиянии буддизма на своё творчество, однако его собственные взгляды на буддизм сложно назвать традиционными. Буддийская метафизика им не принимается: «...я не верю ни в какое загробное странствование души, для меня это полная архаика, здесь я рационалист, позитивист» [Макушинский, 2019], «В буддизме никакой отдельной личности нет, есть лишь иллюзия личности (от которой надо избавиться), но и Страшного суда нет, кнута адских мук, пряника райских радостей, ничего нет» [Макушинский, 2020, с. 153]. Представление о сосуществовании относительной и абсолютной реальности, имеющееся в буддизме, он отвергает как мифологическую архаику. Однако в конце книги «Предместья мысли. Философическая прогулка», фиксируя противоречие в своей установке, согласно которой он отрицает метафизику (Т. Веретенова: «В авторской позиции чувствуется противоречия (и он их, кстати, признает на последних страницах): герой не хочет сходить с позиций позитивизма, но и “дзенская болезнь” не прошла без последствий – он неизбежно замечает символы и знаки (не в состоянии игнорировать их, а по сути, и мистический план мира) и многие свои действия наполняет

ритуальной осмысленностью» [Веретенова]), Макушинский тем не менее говорит: «...моя собственная основная интуиция <...> – эта пустота, это ничто, из которого возникают вещи мира, благодаря которому и на фоне которого они обретают свою бытийственность, свою подлинность, свою силу присутствия. <...> Я сделал эту ставку очень рано, еще в ту пору, когда читал с Тихоном и без Тихона первые философские книги, когда впервые услышал о дзен-буддизме» [Макушинский, 2020, с. 210].

Также А. Макушинский стоит на позиции персонализма (у него «Многовато “я”», как иронически высказался один критик [Кудрин, 2021, с. 192]: «Кажется, что персонализм не совместим с буддизмом. Но и у буддистских авторов бывает остро поставлен вопрос о личности, и бывает сознание ценности отдельного человека. <...> Во всяком случае, антиперсоналистическая направленность, похоже – доминирующая в буддизме, мне безусловно чужда» [Макушинский, 2018b]). О своём персонализме, который фактически противоречит одному из постулатов буддийской философии – анатману (отсутствию «я» [Неаполитанский, 2007, с. 65]), в книге «Предместья мысли. Философическая прогулка» писатель говорит в разных контекстах: «Мне противна идея безличного бессмертия, в котором исчезает все неповторимо и незаменимо индивидуальное. <...> безличного бессмер-

тия, родового и роевого, или какого-нибудь космического, растворения в какой-нибудь очередной Первожизни, очередном Всеединстве, в Бытии, или в Небытии, или в Пустоте, Полноте, Творце, Твороге» [Макушинский, 2020, с. 37]. В этой фразе, наполненной иронией (ироничен и сам факт перечисления, что как бы дискредитирует перечисляемые феномены, и фонетически рождаемое слово «Творог», созвучное «Творцу» и с прописной буквы вписываемое в этот ряд), появляется слово «Пустота», прямо отсылающее к буддизму. Размышляя о христианстве, он видит в его практике стремление к «страшной» нивелировке личности и то же замечает и в буддизме: «“Я” иллюзорно, и даже не просто оно иллюзорно, но это и есть главная иллюзия, препятствующая просветлению, стоящая на пути к нирване, к сатори, вообще к искомому, как бы мы его ни назвали» [Макушинский, 2020, с. 151]. Для писателя важна активная, обладающая полнотой неограниченной воли, свободы личность, которая способна через медитацию «перейти из этого мира в тот на каждом втором углу, каждом третьем шагу» [Макушинский, 2020, с. 64], ведь «Мир есть порождение моих мыслей, говорил Будда» [Макушинский, 2020, с. 64]. Макушинский в медитации на непродолжительное время совпадает сам с собой, как герои романа «Макс», и затем каждый раз выходит из этого состояния, и мысли снова «разбе-

гаются» [Макушинский, 2020, с. 65].

При этом Макушинский оставляет для себя то ли неосмысленную, то ли недоговорённую возможность не спорить с буддизмом: «в буддизме и нет никакой личности (говоря очень и очень упрощённо; буддизм ведь тоже разный, как и христианство, как и всё на белом свете)» [Макушинский, 2020, с. 151]; «Побороть её не получается даже у буддистов, со всем их отрицанием субстанции, прочности, твердости, всем их стремлением раздробить человеческое «я» на отдельные, преходящие, иллюзорные, почти не связанные друг с другом впечатления, ощущения» [Макушинский, 2020, с. 153]. Говоря о Мейстере Экхарте, он пишет: «Никто не полн Богом, не исполнен Бога (уж не знаю, как и перевести), как только тот, кто, в сущности, уже умер (*es ist niemand Gottes voll als wer im Grunde tot ist*). А дзен-буддисты тоже любят поговорить о Великой Смерти. Умри при жизни, умри прямо сейчас – и ничего тебе не будет страшно, все будет у тебя хорошо» [Макушинский, 2020, с. 154]. Критика буддизма или несогласие с ним у Макушинского часто остаются невысказанными.

Библиографический список

1. Абдуллаев Е. В. Книжная полка Евгения Абдуллаева // Новый мир. 2012. №11. С. 202-212.
2. Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Москва : Бертельсманн Медиа Москау (БММ), 2014. 400 с.
3. Балла О. А. Надорванные фантики, подробности бытия // Знамя. 2020. №5. С. 223–226.

Заключение

Итак, в книгах «У пирамиды» и «Предместья мысли. Философическая прогулка» А. А. Макушинский рассматривает путь искусства и религиозный путь, в частности в его буддийской версии, как пути противоположные. Проблему их несовместимости, к которой он возвращается в ряде своих книг на протяжении многих лет, он решает в пользу творчества. Зачастую на литературу и философию писатель смотрит через буддийскую оптику, проводя параллели между идеями, высказанными известными писателями или мыслителями, и буддийской философией. При этом в самом творчестве А. Макушинского можно найти применение в изменённом виде (иная цель, иной объект) некоторых буддийских методов, например, медитации или чтения «мантр». Буддизм Алексея Макушинского – буддизм избирательный: не касаясь нравственной проблематики буддизма, отвергая отдельные его метафизические конструкции и философские установки (антиперсонализм), писатель останавливается на его техниках работы с сознанием.

4. Бекметов Р. Ф. Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога). Казань : Школа, 2018. 328 с.
5. Богумил Т. А. «Алтайский текст» и литература Алтая: к определению понятий // Филология и человек. 2017. № 4. С. 155–164.
6. Вергелис А. П. Двадцатый век: портрет в прозе. О книге эссе Алексея Макушинского «У пирамиды» // Стороны света. 2014. №15. С. 171–175.
7. Веретеннова Т. Молчаливый мир. О романе Алексея Макушинского «Предместья мысли. Философическая прогулка» // Алексей Макушинский: прозаик, поэт, эссеист: официальный сайт писателя. URL: <http://makushinsky.com/reviewpage.php?n=49>. (Дата обращения: 20.02.2023).
8. Герасимов Н. И. Возможно ли литературное осмысление русской философии? Рецензия на книгу А. А. Макушинского «Предместья мысли. Философическая прогулка» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 3(95). С. 190–195.
9. Дубаков Л. В. Дзэн-буддийские мотивы в романе А. А. Макушинского «Остановленный мир» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022а. Т. 14, № 3. С. 78-86.
10. Дубаков Л. В. «Интуиция сияющей пустоты» в романе «Макс» и поэтических сборниках «Свет за деревьями» и «Море, сегодня» А. А. Макушинского // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022b. № 6-2. С. 245-257.
11. Кудрин О. В. Увидеть Париж и осмыслить, или «Вернёмся к Бердяеву» / Предместья текста. Литкритическая прогулка по списку «Большой книги»-2020 // Урал. 2021. № 4. С. 186–204.
12. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1998. С. 14–285.
13. Лотман Ю. М. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого (к вопросу средневековой традиции в культуре барокко) // Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Художественный язык средневековья / отв. ред. В. А. Карпушин. Москва : Наука, 1982. С. 236–249.
14. Любый А. П. Крымский текст русской литературы: история и современность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 11. С. 161–171.
15. Макушинский А. А. Остановленный мир / Алексей Макушинский. Москва : Издательство «Э», 2018а. 800 с.
16. Макушинский А. А. Предместья мысли. Философическая прогулка. Москва : Эксмо, 2020. 320 с.
17. Макушинский А. А. «Проблемы “самоидентификации” для меня не существует». Интервью для сайта Литературно-художественного журнала «ЭТАЖИ», 14.02.2018b // Алексей Макушинский: прозаик, поэт, эссеист: официальный сайт писателя. URL: <http://makushinsky.com/interviewpage.php?n=22>. (Дата обращения: 20.02.2023).
18. Макушинский А. А. «Путь дзена и путь писательства – совсем разные». Интервью для электронного литературного журнала «Литература». №112. Февраль 2018с // Алексей Макушинский: прозаик, поэт, эссеист: официальный сайт

писателя. URL: <http://makushinsky.com/interviewpage.php?n=24>. (Дата обращения: 20.02.2023).

19. Макушинский А. А. У пирамиды. Эссе. Статьи. Фрагменты. Москва : Новый хронограф, 2011. 384 с.

20. Макушинский А. А. «Чем больше я занимаюсь религиозными философами, тем более убежденным атеистом я делаюсь». Интервью для сайта «Book24.ru», 12 апреля 2019 года // Алексей Макушинский: прозаик, поэт, эссеист: официальный сайт писателя. URL: <http://makushinsky.com/interviewpage.php?n=31>. (Дата обращения: 20.02.2023).

21. Манн Ю. В. Москва в творческом сознании Гоголя: штрихи к теме // Манн Ю. В. Москва и «московский текст» русской культуры / отв. ред. Г. С. Кнабе. Москва : РГГУ, 1998. С. 63–81.

22. Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск : НГУ, 1999. 392 с.

23. Неаполитанский С. М. Энциклопедия буддизма / С. М. Неаполитанский, С. А. Матвеев. Санкт-Петербург : Институт метафизики, 2007. 928 с.

24. Сиземская И. Н. О внутреннем согласии русской философии и литературы // Философия и культура. 2010. № 5(29). С. 79–85.

25. Торчинов Е. А. Введение в буддологию. Курс лекций. Санкт-Петербург : Акад. проект, 2000. 334 с.

26. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.

Reference list

1. Abdullaev E. V. Knizhnaja polka Evgenija Abdullaeva = Yevgeny Abdullayev's bookshelf // Novyj mir. 2012. №11. S. 202-212.

2. Anciferov N. P. Dusha Peterburga. = The Soul of Petersburg. Moskva : Bertel'smann Media Moskau (BMM), 2014. 400 s.

3. Balla O. A. Nadorvannye fantiki, podrobnosti bytija = Torn wrappers, details of existence // Znamja. 2020. №5. S. 223–226.

4. Bekmetov R. F. Russkaja literatura i buddijsko-daosskij Vostok (problemy dialoga). = Russian literature and the Buddhist-Taoist East (problems of dialogue). Kazan' : Shkola, 2018. 328 s.

5. Bogumil T. A. «Altajskij tekst» i literatura Altaja: k opredeleniju ponjatij = “Altai text” and Altai literature: toward the definition of concepts // Filologija i chelovek. 2017. № 4. S. 155–164.

6. Vergelis A. P. Dvadcatyj vek: portret v proze. O knige jesse Alekseja Makushinskogo «U piramidy» = The twentieth century: a portrait in prose. On Alexei Makushinsky's book of essays “At the Pyramid” // Storony sveta. 2014. №15. S. 171–175.

7. Veretenova T. Molchalivij mir. O romane Alekseja Makushinskogo «Predmest'ja mysli. Filosoficheskaja progulka» = The silent world. On Alexei Makushinsky's novel “Suburbs of Thought. Philosophical Walk” // Aleksej Makushinskij: prozaik, pojet, jesseist: oficial'nyj sajt pisatelja. URL: <http://makushinsky.com/reviewpage.php?n=49>. (Data obrashhenija: 20.02.2023).

8. Gerasimov N. I. Vozmozhno li literaturnoe osmyslenie russkoj filosofii? Recenzija na knigu A. A. Makushinskogo «Predmest'ja mysli. Filosoficheskaja progulka» = Is

it possible to make literary sense of Russian philosophy? Review of A. A. Makushinsky's book "Suburbs of Thought. A Philosophical Walk" // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2020. № 3(95). S. 190–195.

9. Dubakov L. V. Dzen-buddijskie motivy v romane A. A. Makushinskogo «Ostanovlennyj mir» = Zen-Buddhist motifs in A. A. Makushinsky's novel "The Stopped World" // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija. 2022a. T. 14, № 3. S. 78-86.

10. Dubakov, L. V. «Intuicija sijajushhej pustoty» v romane «Maks» i pojeticheskikh sbornikah «Svet za derev'jami» i «More, segodnja» A. A. Makushinskogo = "The intuition of the radiant void" in A. A. Makushinsky's novel "Max" and the poetry collections "Light Behind the Trees" and "Sea, Today" // Vestnik RGGU. Serija: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija. 2022b. № 6-2. S. 245-257.

11. Kudrin O. V. Uvidet' Parizh i osmyslit', ili «Vernjomsja k Berdjaevu» / Predmest'ja teksta. Litkriticheskaja progulka po spisku «Bol'shoj knigi»-2020 = To see Paris and understand, or "Back to Berdyaev" / Suburbs of text. A literary-critical walk through the "Big Book"-2020 list // Ural. 2021. № 4. S. 186–204.

12. Lotman Ju. M. Struktura hudozhestvennogo teksta = The structure of a literary text // Lotman Ju. M. Ob iskusstve. Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPB, 1998. S. 14–285.

13. Lotman Ju. M. Otvuki koncepcii «Moskva – tretij Rim» v ideologii Petra Pervogo (k voprosu srednevekovoj tradicii v kul'ture barokko) = Echoes of the "Moscow is the third Rome" concept in the ideology of Peter the Great (on medieval tradition in Baroque culture) // Lotman Ju. M., Uspenskij B. A. Hudozhestvennyj jazyk srednevekov'ja / otv. red. V. A. Karpushin. Moskva : Nauka, 1982. S. 236–249.

14. Ljusyj A. P. Krymskij tekst ruskoj literatury: istorija i sovremennost' = Crimean text of Russian literature: history and modernity // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2016. № 11. S. 161–171.

15. Makushinskij A. A. Ostanovlennyj mir = The stopped world / Aleksej Makushinskij. Moskva : Izdatel'stvo «Je», 2018a. 800 s.

16. Makushinskij A. A. Predmest'ja mysli. Filosoficheskaja progulka. = Suburbs of Thought. A Philosophical Walk. Moskva : Jeksmo, 2020. 320 s.

17. Makushinskij A. A. «Problemy "samoidentifikacii" dlja menja ne sushhestvuet». Interv'ju dlja sajta Literaturno-hudozhestvennogo zhurnala «JeTAZH», 14.02.2018b = "A 'self-identity' problem doesn't exist for me". Interview for the website of the FLOORS literary magazine, 14.02.2018b // Aleksej Makushinskij: prozaik, pojet, jesseist: oficial'nyj sajt pisatelja. URL: <http://makushinsky.com/interviewpage.php?n=22>. (Data obrashhenija: 20.02.2023).

18. Makushinskij A. A. «Put' dzena i put' pisatel'stva – sovsem raznye». Interv'ju dlja jelektronnogo literaturnogo zhurnala «Literatura». №112. Fevral' 2018c = "The path of Zen and the path of writing are quite different". Interview for the electronic literary magazine Literatura. №112. February 2018c // Aleksej Makushinskij: prozaik, pojet, jesseist: oficial'nyj sajt pisatelja. URL: <http://makushinsky.com/interviewpage.php?n=24>. (Data obrashhenija: 20.02.2023).

19. Makushinskij A. A. U piramidy. Jesse. Stat'i. Fragmenty = At the Pyramid. Essays. Articles. Excerpts/ Makushinskij A. A. Moskva : Novyj hronograf, 2011. 384 s.

20. Makushinskij A. A. «Chem bol'she ja zanimajus' religioznymi filosofami, tem bolee ubezhdenym ateistom ja delajus'». Interv'ju dlja sajta «Book24.ru», 12 aprolja 2019 goda = "The more I study religious philosophers, the more convinced atheists I become." Interview for the Book24.ru website, April 12, 2019 // Aleksej Makushinskij: prozaik, pojet, jesseist: oficial'nyj sajt pisatelja. URL: <http://makushinsky.com/interviewpage.php?n=31>. (Data obrashhenija: 20.02.2023).

21. Mann Ju. V. Moskva v tvorcheskom soznanii Gogolja: shtrihi k teme // Mann Ju. V. Moskva i «moskovskij tekst» ruskoj kul'tury = Moscow in Gogol's creative mind: touches on the subject // Mann Yu. V. Moscow and the "Moscow text" of Russian culture / otv. red. G. S. Knabe. Moskva : RGGU, 1998. S. 63–81.

22. Mednis N. E. Venecija v ruskoj literature = Venice in Russian literature. Novosibirsk : NGU, 1999. 392 s.

23. Neapolitanskij S. M. Jenciklopedija buddizma = Encyclopedia of Buddhism / S. M. Neapolitanskij, S. A. Matveev. Sankt-Peterburg : Institut metafiziki, 2007. 928 s.

24. Sizemskaja I. N. O vnutrennem soglasii ruskoj filosofii i literatury = On the inner harmony of Russian philosophy and literature // Filosofija i kul'tura. 2010. № 5(29). S. 79–85.

25. Torchinov E. A. Vvedenie v buddologiju. Kurs lekcij = Introduction to Buddhology. A course of lectures. Sankt-Peterburg : Akad. proekt, 2000. 334 s.

26. Tjupa V. I. Mifologema Sibiri: k voprosu o «sibirskom tekste» ruskoj literatury = The mythologeme of Siberia: on the "Siberian text" of Russian literature // Sibirskij filologičeskij žurnal. 2002. № 1. S. 27–35.

Статья поступила в редакцию 14.01.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted on 14.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication on 28.02.2023

Научная статья
УДК 82.31
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_1_15_105
EDN ZCCMKXS

**Философия судьбы
в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»**

Валерия Анатольевна Андреева¹✉, Илья Александрович Андреев²

¹Кандидат филологических наук, ассистент кафедры словесности, Новая школа, г. Москва.

²Магистр образования по направлению подготовки «Гуманитарные знания» онлайн-школа «Фоксфорд», г. Москва

¹seversnegg@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-7599-3794>

²sir.uchitel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5410-9560>

Аннотация. В данной статье рассматривается философская категория судьбы и вопрос о том, как Г. А. Печорин в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», играя с судьбой, оказывается её игрушкой и орудием. Сюжет романа и характер главного героя анализируются в рамках идеи о самопознании – одной из ключевых в философии романтизма. В работе проводятся параллели между образной системой произведения и философскими построениями Шеллинга. Кроме этого, поступки героя рассматриваются в контексте драмы «Каин» Д. Г. Байрона и романа «Мельмота скитальца» Ч. Р. Метьюрина. Авторы приходят к выводу, что стремление противоречить приводит главного героя к вовлечению во внешнюю интригу, которую Печорин обнаруживает «подсматривая» за судьбой. Главная задача героя романа – бегство от скуки, которая, в свою очередь, оказывается связана со старинным предсказанием гибели «от жены». Развитие сюжета приводит к тому, что Печорин каждый раз исполняет по отношению к окружающим «роль топора в руках судьбы». При этом он отчасти исполняет желания других героев, но берёт высокую плату за это. Итогом игры с судьбой оказывается внутреннее опустошение героя. В Персию он едет отчасти специально для того, чтобы никогда оттуда не вернуться. Смерть героя, для которого в романтическом духе оказалась неразрешимой проблема выхода к «не-я», даёт возможность автору преодолеть собственную отчуждённость от читателя. В статье демонстрируется, что особую роль в решении этой сверхзадачи играют дневники Печорина. Они оказываются сопоставимы с образом таинственного списка, определяющего судьбу всех героев.

© Андреева В. А., Андреев И. А., 2023

Ключевые слова: философия судьбы; Шеллинг; Лермонтов; герой; противоречие; орудие судьбы; дневник; скука; романтизм; самопознание; игра

Для цитирования: Андреева В. А., Андреев И. А. Философия судьбы в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 1 (15). С. 105-119. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_105. <https://elibrary.ru/ZCCMKKS>.

Original article

Philosophy of fate in M. Yu. Lermontov's novel a hero of our time

Valeria Anatolievna Andreeva¹✉, Илья Александрович Андреев²

¹Candidate of philological sciences, lecturer at the department of literature, New School, Moscow.

²Master of education in the field of “Humanitarian Knowledge”, online school “Foxford”, Moscow

¹seversnegg@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0002-7599-3794>

²sir.uchitel@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5410-9560>

Abstract. This article examines the philosophical category of fate in M. Y. Lermontov's novel A Hero of Our Time and how G.A. Pechorin, playing with fate, ends up as its toy and tool. The plot of the novel and the protagonist's character are analyzed within the framework of the self-cognition idea, one of the key ideas in the philosophy of Romanticism. The authors draw parallels between the imagery of the novel and Schelling's philosophical constructions. In addition, the hero's actions are examined in terms of the drama Cain by G. G. Byron and the novel Melmoth the Wanderer by C. R. Maturin. The authors conclude that the desire to contradict leads the protagonist to the involvement in the external intrigue which Pechorin discovers by “spying” on his fate. The protagonist's main goal is to escape boredom, which, in turn, proves to be related to the ancient prediction of death “from his wife”. As the plot unfolds, Pechorin performs repeatedly “the role of the axe in the hands of fate” in relation to those around him. In doing so, he partially grants other characters' wishes, but charges a high fee for doing so. The result of such games with fate is the inner devastation of the hero. To some extent he goes to Persia with the intention of never coming back. The death of the hero, who was unable to solve the problem of reaching the “not-myself” in the spirit of Romanticism, enables the author to overcome his own detachment from the reader. The article demonstrates that Pechorin's diaries play a special role in solving this super-task. They can be compared to the mysterious list that determines the fate of all the characters.

Keywords: philosophy of fate; Schelling; Lermontov; hero; contradiction; instrument of fate; diary; boredom; romanticism; self-discovery; game

For citation: Andreeva V. A., Andreev I. A. Philosophy of fate in M. Yu. Lermontov's novel a hero of our time. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 1(15):105-119. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_1_15_105. <https://elibrary.ru/ZCCMK5>.

Введение

Утверждение о важности темы судьбы в романе «Герой нашего времени» давно уже стало общим местом. Так, Р. А. Гальцева ещё в «Лермонтовской энциклопедии» 1981 года прямо пишет: «Судьба – признанная сила в мире лермонтовских героев <...> Судьба у Лермонтова, фигурирующая также под именем “рока”, “жребия”, “фатума”, “закона”, по своей сути недоброжелательна к человеку. <...> По Лермонтову, существует нерасторжимая связь между незаурядной личностью и трагической участью. Герой принимает вызов судьбы или бросает ей вызов...» [Гальцева, 1981, с. 311].

При этом единства мнения учёных по вопросу о «фатализме» главного героя нет. Критики XIX века нередко видели в Печорине фаталиста с «его отчаянной, фаталистической смелостью при взятии взбесившегося казака». Современные исследователи более склонны к тому, что Печорин отвергает предопределение [Тойбин, 1959], потому что любит «сомневаться во всём» [Лермонтов, 2012, с. 162]. Ю. М. Лотман в значительной степени связывает вопрос о роли судьбы в романе с противопоставлением Восток-Запад, которое «нужно было Лермонтову не само

по себе – с помощью этого контраста он надеялся выявить сущность русской культуры» [Лотман, 1985, с. 10]. А. Б. Криницын проводит интересные параллели судьбы у Печорина и демонических героев европейской романтической литературы (Вампира, Мельмота, Жана Сбогара). Отметим, что очень важными для осмысления темы судьбы в «Герое нашего времени» оказываются работы, не сфокусированные исключительно на ней. Такую роль, например, играет статья Б. Эйхенбаума «Литературная позиция Лермонтова» [Эйхенбаум, 1941], которая раскрывает идейную подоплёку творческих поисков поэта в контексте, например, учения Шеллинга. Ряд исследователей представляют подчёркнуто религиозную оценку характера и поступков героя, который из-за гордыни «завершил свой путь духовной гибелью» [Дунаев, 2001]. Нередко действия героя рассматриваются в контексте идеи его «игры с судьбой». В. И. Тюпа связывает проблему судьбы Печорина с «драмой уединённого сознания» [Тюпа, 2001], для которого оказывается практически невозможен выход к «другому». В итоге мы не можем не согласиться с мыслью А. Б. Криницына о том, что в вопросе роли судьбы в романе Лермонтова «по-

ражает разнообразие и полярность интерпретаций, что само по себе красноречиво говорит о том, что проблема сложна, запутанна и далека от окончательного разрешения» [Креницын, 2015, с. 544].

В нашей статье мы рассмотрим вопрос о том, как герой, играя с судьбой, становится её орудием и приходит к внутреннему опустошению. Мы покажем также, что дневник Печорина связан с образом загадочного списка, о котором говорится в главе «Фаталист». Кроме этого, в настоящей статье развивается мысль о том, что судьба Печорина становится основанием для диалога писателя с читателем.

Результаты исследования

В предисловии к журналу Печорина М. Ю. Лермонтов писал: «История души человеческой едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа» [Лермонтов, 2012, с. 56]. Это утверждение, конечно, основано на романтической концепции личности, которая, в свою очередь, по-своему оживляла мысль Протагора «Человек есть мера всех вещей». Антропоцентризм романтизма связан во многом с интересом к человеку, замкнутому в себе. Так, по Фихте, личность «совершенно отвергает ... все существующие вне ее цели и последней целью считает себя ради себя же» [Фихте 1995, 2018, с. 30]. Житкова Л. Н. в идеях этого философа видит «рефлексивный тип печоринского мышления, замкнутого на самом себе, оберегающего себя от внеш-

них воздействий и зависимостей» [Житкова, 2018, с. 118]. Эта замкнутость отчасти идейно связана с демоническим началом, изображение которого мы видим во многих романтических произведениях, но с другой стороны – с потенциальной, но не реализуемой открытостью личности, её устремлением (нередко тайным) к Абсолюту. Наиболее последовательно из теоретиков романтизма учение о «Я» развивал Ф. В. И. Шеллинг. В книге «Система трансцендентальной философии» он рассматривает «Я» как собственный принцип новой науки, ставящей целью доказательство тождества «деятельности, которая порождает мир», то есть Божества и «волевого устремления» человека в «предустановленной гармонии» [Шеллинг, 1936, с. 23-24]. В этом смысле судьба Печорина интересна особой формой как раз тем, что по форме мы видим здесь движение героя по демоническому, замкнутому в себе и несущему всем страдания пути, но одновременно с этим, содержательно нам открывается человек страдающий, который прокладывает дорогу от автора к читателю и далее – к общей мечте об идеале.

Романтическая двойственность в характере Печорина показана автором сразу. Максим Максимыч, начиная рассказ о Бэле, называет Печорина «странным» и говорит о противоречиях в его поведении. Вспомним: «...в дождик, в холод целый день на охоте; все иззябнут,

устанут – а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнет, уверяет, что простудился» [Лермонтов 2012, с. 13]. Характер героя Максим Максимыч, конечно, объяснить не мог, сводил всё к чудачествам богатого человека, у которого много «дорогих вещиц». Свою странность осознавал и герой текста. Вот фрагмент из дневника: «У меня врожденная страсть противоречить; целая моя жизнь была только цепь грустных и неудачных противоречий сердцу или рассудку» [Лермонтов, 2012, с. 77]. Важно, что рассмотренные выше слова Печорина относятся к насмешкам над Грушницким после известной сцены у колодца. На этом примере, в частности, мы видим, что привычное желание противоречить (смешанное в данном случае и с некоторой завистью) даёт толчок развитию сюжета. «Страсть» показывает Печорина человеком активным, но одновременно и ведомым. Романтическая раздвоенность превращает героя в игрока. Последующие события разворачиваются с роковой предопределённостью. Характерно, что чуть ранее в дневнике о Грушницком было пророчески написано: «Я его также не люблю: я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнемся на узкой дороге, и одному из нас несдобровать» [Лермонтов, 2012, с. 73]. Закончилось всё, как известно, гибелью бывшего юнкера. В своей страсти к противоречиям Печорин следует за судьбой,

играет с ней, делая ставкой свою жизнь, и становится её орудием.

В философском смысле противоречивость Печорина сопоставима с парадоксальным поиском покоя в буре, о котором говорит стихотворение М. Ю. Лермонтова «Парус». Любопытно, что подобные идеи мы увидим и у Шеллинга; «Противоборство (...) деятельности берется (...) не в динамике своей, но в статическом виде. Происходит объединение противоположных направлений, но ведь такое объединение равносильно покою» [Шеллинг, 1936, с. 93]. Покой в буре противопоставляется беспокойству обыденности, а игра с судьбой в этом контексте – скуке, от которой герой бежит. Синтетическая статика противоборства, обозначенная Шеллингом, для Печорина оказывается одновременно и поиском фаустовского «прекрасного мгновения», и «упоеанием в бою», о котором заявляет Вальсингам в пушкинском «Пире во время чумы». Скука пугает Печорина как своего рода «картина бесконечного пространства, которое является бесконечным, не будучи «я», и которое являет как бы прекратившее свое бытие я – я без рефлексии» [Шеллинг, 1936, с. 70]. Чтобы уйти от этой опасности герой проявляет любопытство к развитию внешней событийной интриги живёт по принципу противоречия всему, что попадает в его поле зрения.

Важно, что для героя скука связана с женитьбой. В этом Печорин

следует, конечно, главному герою романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Если за последним хандра кралась «...как тень иль верная жена» [Пушкин 2012, с. 28], то для главного героя романа М. Ю. Лермонтова скука оказывается связана с образом «злой жены», смерть от которой была предсказана ему, когда он «был ещё ребёнком». Если Онегин отверг Татьяну и потом понял, как «наказан» за это, то Печорин проходит чередой столкновений с женскими образами, к которым притягивается судьбой и от которых отталкивается, защищая своё право быть вольным игроком. В итоге, конечно, он тоже принимает своё наказание, но речь об этом будет впереди.

Вовлечение в игру с судьбой начинается для героя (поддерживается и направляется потом) подсматриванием или подслушиванием. Вспомним, в «Тамани» Печорин следует за слепым, спускающимся к морю, в «Бэле» через Максима Максимыча он узнаёт о разговоре Казбича и Азамата, в «Княжне Мери» оказывается случайным свидетелем не только сцены у колодца, но потом и заговора, составляемого мстительным драгунским капитаном, в «Фаталисте» Печорин в разговоре с Вуличем вдруг видит «печать смерти на бледном лице его» [Лермонтов, 2012, с. 155]. Если же вернуться к началу, то уже предсказание старухи было своего рода заглядыванием за край, с той только разницей, что «другим» в этой си-

туации для героя становился он сам. Наблюдая за событиями чужой жизни, отвечая на них, герой становится их участником. В силу своего характера он не может не ответить на складывающуюся интригу. В этом смысле Печорин оказывается ведомым судьбой, которая, как сфинкс, задаёт ему загадки. В начале героя воодушевляет обозначающаяся игра. Так, в главе «Княжна Мери» мы читаем: «Завязка есть! – закричал я восхищению, – об развязке этой комедии мы похлопочем. Явно судьба заботится о том, чтобы мне не было скучно» [Лермонтов, 2012, с. 81]. Но уже история с Вуличем, напротив, заставляет задуматься над вопросом о значении человеческих дел и т.д.

В мифологии подсматривание за жизнью богов нередко ведёт человека к гибели. Вспомним хотя бы Актеона, наблюдавшего за Артемидой. В этом контексте внутреннее опустошение героя и последующая его гибель оказываются неудивительными.

При этом подсматривание Печориным за жизнью других людей можно толковать и в гносеологическом смысле – сквозь призму идей Шеллинга о развитии самосознания. В этом синтезе, по мнению философа, «...полагаются уже и другие интеллигенции, в силу которых я созерцаю себя ограниченным в своем свободном действовании...» [Шеллинг, 1936, с. 75]. Иными словами, ограниченность «другими» становится предпосыл-

кой для саморазвития «я». Так же и Печорин, откликаясь на вызовы судьбы, отражая их, находит пищу для осмысления себя.

Отдельного рассмотрения заслуживает и определённое сходство героя-вуайериста с Каином Байрона. В одноимённой пьесе великого английского романтика будущий братоубийца отправляется вслед за Люцифером, чтобы увидеть иные миры, познакомиться с тайнами познания. Уже после этого убийство Авеля становится неизбежным, так как видения отравили душу героя, «смогли разбудить тёмное начало и в нём самом» [Жилина, 2015, с. 81] и жертву его из-за этого не принял Бог. Важно, что Каин следует за духом противоречия, в том числе потому, что не знает, почему должен страдать за проступок, совершённый не им. Он вопрошает:

*Зачем же благодать эта наказует
Меня за грех родителей?
[Байрон, 1974, 389]*

Близкие мысли мы находим и у М. Ю. Лермонтова в стихотворении «Дума»:

*Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их
умом...*
[Лермонтов, 1978, с. 460]

Печорин как типичный представитель поколения является живой иллюстрацией к упомянутому стихотворению. Если Каин, жаловавшийся на несправедливость наказания за грехи Адама и Евы, совершает свой собственный страшный

грех, то Печорин убивает Грушницкого и становится причиной гибели Бэлы.

Одиозность сравнения Печорина с Каином может быть уравновешена противоположной параллелью. Мотив подсматривания мы обнаружим у М. Ю. Лермонтова, в том числе в повести «Штос». Художник Лугин, который смотрел «на женщин как на природных своих врагов» имел в то же время «фантастическую любовь к воздушному идеалу» [Лермонтов, 2017, с. 16]. На новой квартире он стал играть в карты с загадочным немцем. Художник на мгновение обернулся, чтобы посмотреть «банк» противника, «но этого минутного взгляда было бы довольно, чтоб заставить его проиграть душу. То было чудное и божественное виденье: склонясь над его плечом, сияла женская головка; (...) как утренняя звезда на туманном востоке» [Лермонтов, 2017, с. 20]. Здесь подсматривание и следующий за ним постоянный проигрыш оказываются связаны с мечтой героя об идеале. Но и Печорин, даже когда он цинично говорил о разочаровании в любви «дикарки», в действительности, может быть, даже в тайне от себя, мечтал о высоких чувствах. Любопытно, что и Ундину из «Тамани» Печорин сравнивал с «гётевой Миньонной», которую главный герой романа «Годы учения Вильгельма Мейстера» спас от злого хозяина (прямая аналогия со стремлением Лунгина

освободить прекрасное видение от власти хозяина-старика).

Печорин нужен судьбе как герой, который не распутывает, а разрушает узлы фальшивой обыденности, прикрытой возвышенным флёром. Вспомним, какие отношения складываются до перехвата инициативы Печориным. Княжне Мери Грушницкий, бывший романтический страдалец, уже готовится предъявлять свои права. Азамат с Казбичем ведут торг о коне и Бэле, таинственные контрабандисты из «Тамани» оказываются просто участниками перепродажи краденого.

Главный герой романа своими действиями взрывает пошлость изнутри, действуя внезапно, как «актёр из пятого акта». Печорин с сожалением называет себя «топором в руках судьбы» [Лермонтов, 2012, с. 134]. Важно, однако, что эта роль осуществляется героем вместе с частичной реализацией желаний окружающих: Азамат получает коня, потом становится абреком, как и хотел, видимо. Казбич получает Бэлу, хотя и ненадолго. Бэла, которая сама первая заявила о своих чувствах к Печорину на свадьбе сестры, смогла сблизиться с героем произведения. Даже одинокий Максим Максимыч на время как бы получает дочь, «и рад был, что нашел кого баловать» [Лермонтов, 2012, с. 33].

Конечно, осуществляются желания героев в трагической форме, сопрягаясь со смертями и своего рода насмешкой судьбы над страстями людей. За «исполнение же-

ланий» приходится дорого платить. В главе «Бэла» погибают героиня, её отец. Казбич и Азамат тоже сходят со сцены. В главе «Княжна Мери» разоблачённый Грушницкий заявляет Печорину: «...я себя презираю, а вас ненавижу!» [Лермонтов, 2012, с. 144]. Он становится наконец по-настоящему романтическим героем, но погибает страшной смертью. Как и Грушницкий, познала ненависть и княжна Мери – это была расплата за любовь «до безумия», о которой раньше она только читала. Драгунский капитан, желавший устроить дуэль и достигший своей цели, расплачивается потерей лица. Вера, добившаяся свидания с Печориным, его признаний в любви и даже победы над молодой соперницей, после дуэли оказалась вынуждена всё рассказать мужу и была опозорена.

В «Тамани» предложенная модель, на первый взгляд, не работает. Кажется, здесь нет какого-то исполнения желаний. Но отметим: Ундину Янко забирает с собой (вспомним, как слепой говорил о ней ранее: «Ни; была дочь, да утикла за море с татаринном» [Лермонтов, 2012, с. 58], а сам, видимо, перебирается в более спокойное место, освобождаясь от того, кому служил здесь. Разрушая привычный порядок жизни в «мирном кругу честных контрабандистов» [Лермонтов, 2012, с. 68], Печорин на самом деле помогает персонажам выбрать свой путь. Страдает за всех слепой мальчик. Он ничего не по-

лучает, кроме слёз и понимания того, что он никому не нужен. Это травестированное «прозрение» в каком-то смысле реализует пришедшую на память Печорину строку (примерная цитата из пророчеств Исаяи): «В тот день немые возопиют и слепые прозрят» [Лермонтов, 2012, с. 59]. Надо сказать, что данный персонаж весьма интересен. Он по-своему воплощает слепую судьбу, являясь отражением главного героя (игрока и обманщика). В образе слепца можно увидеть и зеркало для читателя, не способного рассмотреть в Печорине «портрет поколения».

Итак, мы видим, что Печорин не просто играл с судьбой, но и испытывал людей. В этом плане неудивительно, что В. Тюпа, рассматривая отношения Печорина и Вулича, видит в них «историю покупки души дьяволом» [Тюпа, 2001, с. 96]. А. Б. Креницын показал «символическое сходство» Печорина с Мельмотом Скитальцем. Герой Метьюрина заключил «некий договор с дьяволом, вследствие которого ощущает себя навеки проклятым» [Креницын, 2015, с. 554]. Печорин «тоже будто бы заключил некий договор с судьбой, вследствие чего и получает власть над людьми (но не моральную, а над их судьбой) и силу их испытывать, доводя до отчаяния и ставя на порог смерти» [Креницын, 2015, с. 554].

Среди ряда интересных наблюдений А. Б. Креницына о сходстве Печорина с Мельмотом. выделим одно

из самых, на наш взгляд, важных. Мельмот встретил на необитаемом острове индийскую принцессу Иммали – «дитя природы». Исследователь сравнивает её с Бэлой. Обе давали героям последний шанс вспомнить, что такое любовь, примирится с миром людей. В итоге героини гибнут, но до конца продолжают любить героя, благодаря которому они познали «сладость страдания» [Креницын, 2015, с. 556].

Печорин, к несчастью, не мог оценить любовь горской княжны. А ведь судьба в каком-то смысле давала ему шанс выйти за рамки игры. Герой же понял лишь, что «любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни». По сути, он просто фиксирует, что не понимает ценности любви как таковой. «Женщины любят только тех, которых не знают» [Лермонтов, 2012, с. 86], – говорит Печорин. При этом Вера ему дорога была тем, что понимала его. Но ждать её, строить какие-то планы на будущее, брать на себя ответственность – всё это было невозможно для главного героя романа. Печорин говорит, что ошибся, когда решил, что Бэла – ангел, посланный ему «сострадательной судьбою». Но ангела, конечно, не нужно было красть. Если бы он просто остался благодарен героине за комплимент, сделанный на свадьбе, отнёсся к ней как к идеальному образу, его внутренние раны постепенно исцелились бы.

Мы рассмотрели, как Печорин, становясь орудием судьбы, разру-

бая узлы сложных отношений, частично реализует желания других героев, но заставляет их платить за страсти. Чем же он расплачивается в итоге сам за временную возможность жить без скуки? Этому во многом посвящена глава «Максим Максимыч». Именно здесь он лично появляется перед рассказчиком. Вспомним некоторые детали портрета Печорина: «Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся, как будто у него в спине не было ни одной косточки» [Лермонтов, 2012, с. 50]. У Печорина здесь как бы нет позвоночника. Речь, конечно, в большей степени об утрате внутреннего стержня, понимания смысла и назначения жизни. Смещение детских, мужских и женских черт в портрете тоже говорит о внутреннем разладе человека, разделённого внутри себя. Эта раздробленность связана с отказом героя от настоящей встречи с другим человеком. Если в главе «Бэла» герой не принял от судьбы дар любви, то в «Максими Максимыче» он отказывается и от дружбы. Вспомним, в главе «Княжна Мери» герой размышлял о невозможности её: «из двух друзей всегда один раб другого, хотя часто ни один из них в этом себе не признается» [Лермонтов, 2012, с. 79]. И вот перед отправлением в Персию герой как бы получает от судьбы последний шанс всё изменить. Достаточно ему принять приглашение старого штабс-капитана на ужин и, кто знает, может быть, не было бы ни

дальней дороги, ни смерти героя в пути. Может быть, он смог бы по-новому взглянуть на себя и начать всё заново. Максим Максимыч – единственный из всех встреченных им людей, кто по-доброму, «без чинов» и даже по-отечески к нему отнёсся. Штабс-капитан бросил свои служебные дела ради встречи с героем, и от Печорина требовалось одно – принять готовность его к дружбе. Однако главный герой не смог, не захотел отказаться от своей замкнутости. Он был холоден со старым товарищем из-за того, что не хотел рассказывать о себе. Видимо, Печорин и предполагал уехать, чтобы где-то умереть. Совершенно по-разному для героев звучит вопрос Максима Максимыча: «А Бэла?». Штабс-капитан думает так оживить общие воспоминания, но Печорина этот вопрос настаивает как укор, брошенный судьбой на прощание, как подтверждение бессмысленности, порочности его собственного существования. Печорин принуждён зевает в ответ, чтобы скрыть свои переживания. Кстати, по этой сцене мы видим, что скука, мучающая героя и становящаяся его маской, напрямую связана с невозможностью раскрыться другому человеку.

Наиболее отчётливо вопрос о судьбе ставится писателем, конечно, в главе «Фаталист». Подробно эту часть романа разбирали В. Ш. Кривонос, А. Б. Криницын, В. И. Тюпа и другие исследователи. Учёные рассматривают особенно

сти образа Вулича, строят предположения о том, поверил ли Печорин в предопределение и т. д. Нас, однако, будет интересовать иной аспект: нельзя ли соотнести судьбу человека, «записанную на небесах», «список, на котором назначен час нашей смерти» [Лермонтов, 2012, с. 153] и дневники Печорина? Мы уже обращали внимание на то, что в своих заметках Печорин порой предугадывает, что случится дальше. Кроме этого, с философской стороны жизненный путь человека складывается в диалоге, с одной стороны, предопределения, с другой – чувств, рассудка, воли человека. Дневник Печорина показывает нам, что человек является как бы соавтором своей жизни. Он пишет о себе, познаёт себя, делает выбор, но проявляет при этом то, что было ему предначертано. Мы вернёмся к рассмотрению значения дневников в контексте судьбы как суда над героем в конце статьи. Пока же снова обратим внимание на двойственность героя, как она проявляется в «Фаталисте». В. И. Тюпа пишет о том, что герой провоцирует Вулича на выстрел, а потом на преждевременное прощание с офицерами и встречу с казаком-убийцей [Тюпа, 2001, с. 96]. Демонический характер этих манипуляций компенсируется потом тем, что, поставив на карту свою жизнь, герой помог схватить убийцу. Тем самым, как минимум, он спас казаков, которые должны были обезвредить Ефимыча. Любопытно, что сам казак-

убийца отвечает на призыв сдаться: «Не покорюсь!» [Лермонтов, 2012, с. 161] и в этом похож на Печорина, который стал причиной гибели Бэлы, но не признал себя виноватым. Благодаря главному герою, Ефимыча ждёт суд, который может обернуться каторгой или смертным приговором. В последней главе Печорин готовит и себя к суду – суду читателя. Встреча Вулича со своим убийцей похожа на то, как Печорин включается во внешние сюжеты. Здесь сталкивается любопытство с желанием противоречить, отвечать нападением. Важно, что обе реакции характерны для главного героя. Вулич без видимой причины спрашивает пьяного казака о том, кого тот ищет, а в ответ слышит: «Тебя!» [Лермонтов, 2012, с. 160]. Таким образом, судьба Печорина замыкается на саму себя, и глава оказывается последней.

Заключение

Вопрос о судьбе главного Печорина, конечно, невозможно рассматривать без подведения итогов его жизни и возвращения к замыслу всего произведения. М. Ю. Лермонтов в предисловии к роману, размышляя о герое, пишет: «...это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения». Здесь же мы видим, как автор опровергает мысль о том, что «...сочинитель нарисовал свой портрет...» [Лермонтов, 2012, с. 5]. Но если писатель относит себя к своему поколению, тогда почему Печорин как

будто не связан с ним самим? Предположим, что Лермонтов намеренно сгущает краски, чтобы путь к пониманию характера героя, его судьбы не был прямолинейным. На наш взгляд, суд над Печориным в итоге не вынесет обвинительный приговор.

Дневники Печорина раскрывают порой почти inferнальный характер внутренних ощущений героя, которые при этом могут трансформироваться в собственную противоположность. Вспомним запись от 3 июня в главе «Княжна Мери»: «А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет!» [Лермонтов, 2012, с. 105]. Завершается же развитие мысли в ином ключе. Печорин пишет о покое и величии души: «Только в этом высшем состоянии самопознания человек может оценить правосудие божие» [Лермонтов, 2012, с. 106]. Возможность естественного перехода от одного к другому объясняется, на наш взгляд, идеями Шеллинга, высказанными в «Философских исследованиях о сущности человеческой свободы»: «диалектическое утверждение: добро и зло – одно и то же, лишь рассматриваемое с разных сторон, или еще: зло в себе, т. е. рассматриваемое в своей тождественности, есть добро, как и

наоборот, добро, рассматриваемое в своей раздвоенности и нетождественности, есть зло» [Шеллинг, 1989, с. 102].

Если посмотреть с этой стороны на героя, то оказывается, что он, возможно, заслуживает прощения. Вспомним, Максим Максимыч оправдывает воровство у горцев: «...эти черкесы известный воровской народ: что плохо лежит, не могут не стянуть; другое и ненужно, а все украдет... уж в этом прошу их извинить!» [Лермонтов, 2012, с. 41] Рассказчик, наблюдавший за встречей Печорина и Максима Максимовича, тоже не стремится обвинить главного героя в чёрствости, хотя и понимает старого штабс-капитана. Да, Печорин «в рассеянности или от другой причины» лишь протянул руку, но сделал это не со зла. Несмотря на свой романтический эгоизм и даже несмотря на смерти, которые происходят на протяжении романа, Печорин никогда настоящему не планировал причинить кому-то зло. И если он не смог принять любовь и дружбу в том виде, как они приходили к нему, то, возможно, именно потому, что не признавал их иначе, как в идеальном виде. В этом была его трагедия, отсюда происходит надломленность характера. Внутреннее опустошение стало следствием игры с судьбой. В то же время важно, что смерть героя, который не смог найти дорогу к «другому» (НЕ Я), на самом деле оказывается возможностью для самого писателя выйти

на диалог с читателем. В этом и состоит смысл отказа автора признать в том, что образ Печорина – это только автопортрет. Это именно общий портрет, в котором писатель объединяется с читателем в своём мучительном, связанном с тяжёлыми и неизбежными ошибками поиске истины и той самой «волшебной сказки», о которой как бы вскользь говорится в предисловии.

Библиографический список

1. Байрон Дж. Г. Каин (мистерия) / пер. И. Бунина // Байрон Дж. Г. Сочинения : в 3 т. Т. 2. Москва : Художественная литература, 1974. С. 248-467.
2. Белинский В. Г. «Герой нашего времени». Соч. М. Лермонтова // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 4. Москва : Художественная литература, 1954. С. 261.
3. Гальцева Р. А. Мотив судьбы // Лермонтовская энциклопедия. Москва : Советская энциклопедия, 1981. С. 311-312.
4. Дунаев М. М. Православие и русская литература : в 6 т. Т.1 / Моск. духов. акад. 2-е изд., испр., доп. Москва : Христиан. лит., 2001-2004. 735 с.
5. Жилина Н. П. Мотив соблазна в мистерии Дж. Г. Байрона «Каин» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 8. С. 77-82.
6. Житкова Л. Н. Философская парадигматика романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Дергачевские чтения – 2018. Литература регионов в свете гео- и этнопоэтики : материалы XIII Всероссийской научной конференции (г. Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.). Екатеринбург : УрО РАН, 2019. С. 116-121.
7. Криницын А. Б. О романтическом контексте темы судьбы в романе «Герой нашего времени»: Лермонтов и Метьюрин // Мир Лермонтова : коллективная монография / под ред. М. Н. Виролайнен и А. А. Карпова. Санкт-Петербург : Скрипториум, 2015. С. 544-560.
8. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. Стихотворения. Харьков : Фолио, 2012. 382 с.
9. Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений : в 4 т. Т 1. Стихотворения 1828-1841. Ленинград : Наука, 1978. 655 с.
10. Лермонтов М. Ю. Штосс: Повесть с продолжением / М. Ю. Лермонтов, И. С. Лукаш ; Прим. А. Шермана. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2017. 52 с.
11. Лотман Ю. М. Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // Лермонтовский сборник. Ленинград : Наука, 1985. С. 5-22.
12. Пушкин А. С. Евгений Онегин. Драмы. Поэмы / послесловие и примеч. Т. В. Надозирной. Харьков : Фолио, 2012. 430 с.
13. Тойбин И. М. К проблематике новеллы Лермонтова «Фаталист» // Ученые записки Курского педагогического университета. Гуманитарный цикл. 1959. Вып. 9. С. 44-46.
14. Тюпа В. И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). Москва : Лабиринт, 2001. 192 с.

15. Фихте И.Г. Назначение человека // Человек. Мыслители про шлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. XIX век : [сб.]. Москва : Республика, 1995. С. 28–32

16. Шеллинг Ф. В. И. Система трансцендентального идеализма / Ф. В. И. Шеллинг ; пер. и комментарии И. Я. Колубовского ; ред. и вступ. статья П. Л. Кучерова. Ленинград : Соцэкгиз, 1936. 455 с.

17. Шеллинг Ф. В. И. Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Сочинения в 2-х т. Том 2. Москва : Мысль, 1989. С. 86-158.

18. Эйхенбаум Б. М. Литературная позиция Лермонтова // М. Ю. Лермонтов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Москва : Изд-во АН СССР, 1941. Кн. I. С. 3-82.

Reference list

1. Bajron Dzh. G. Kain (misterija) = Cain (mystery) / per. I. Bunina // Baj-ron Dzh. G. Sochinenija : v 3 t. T. 2. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1974. S. 248-467.

2. Belinskij V. G. «Geroj nashego vremeni». Soch. M. Lermontova = “A Hero of Our Time”. Written by M. Lermontov // Belinskij V. G. Polnoe sobranie sochine-nij: V 13 t. T. 4. Moskva : , 1954. S. 261.

3. Gal'ceva R. A. Motiv sud'by = The motive of fate // Lermontovskaja jenciklopedija. Moskva : Sovetskaja jenciklopedija, 1981. S. 311-312.

4. Dunaev M. M. Pravoslavie i russkaja literatura = Orthodoxy and Russian literature : v 6t. T.1 / Mosk. duhov. akad. 2-e izd., ispr., dop. Moskva : Hri-stian. lit., 2001-2004. 735 s.

5. Zhilina N.P. Motiv soblazna v misterii Dzh. G. Bajrona «Kain» = The temptation motif in G. G. Byron's mystery “Cain” // Vestnik Baltijskogo federal'-nogo universiteta im. I. Kanta. 2015. Vyp. 8. S. 77-82.

6. Zhitkova L. N. Filosofskaja paradigmatika romana M. Ju. Lermontova «Geroj nashego vremeni» = Philosophical paradigmatics of M. Yu. Lermontov's novel “A Hero of Our Time” // Dergachevskie chtenija — 2018. Literatura regionov v svete geo- i jetnopojetiki : materialy XIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii (g. Ekaterinburg, 18–19 oktjabrja 2018 g.). Ekaterinburg : UrO RAN, 2019. S. 116-121.

7. Krinicyn A. B. O romanticheskom kontekste temy sud'by v romane «Ge-roj nashego vremeni»: Lermontov i Met'jurin = On the romantic context of the destiny theme in the novel “A Hero of Our Time”: Lermontov and Meturin // Mir Lermontova. Kollektivnaja monografija / pod red. M. N. Virolajnen i A. A. Karpova. Sankt-Peterburg : Skriptorium, 2015. S. 544-560.

8. Lermontov, M. Ju. Geroj nashego vremeni. Stihotvorenija. = A Hero of Our Time. Poems. Har'kov : Folio, 2012. 382s.

9. Lermontov M. Ju. Polnoe sobranie sochinenij. V 4 t. T 1. Stihotvore-nija 1828-1841.= Complete works. In 4 vols. Vol. 1. Poems 1828-1841. Leningrad : Nauka, 1978. 655 s.

10. Lermontov M. Ju. Shtoss: Povest' s prodolzheniem = Stoss: A novelette continued / M. Ju/ Lermontov, I. S. Lukash ; Prim. A. Shermana. B. m.: Salamandra P.V.V., 2017. 52 s.

11. Lotman Ju. M. Problema Vostoka i Zapada v tvorčestve pozdnego Lermontova = The East and West in Lermontov's later work // Lermontovskij sbor-nik. Leningrad : Nauka, 1985. S. 5-22.
12. Pushkin A. S. Evgenij Onegin. Dramy. Pojemy = Eugene Onegin. Dramas. Poems / posleslovie i primech. T. V. Nadozirnoj. Har'kov : Folio, 2012. 430 s
13. Tojbin I. M. K problematike novelly Lermontova «Fatalist» = On problematics of Lermontov's novelette "The Fatalist" // Uchenye zapiski Kurskogo pedagogičeskogo universiteta. Gumanitarnyj cikl. Kursk, 1959. Vyp. 9. S. 44-46.
14. Tjupa V. I. Analitika hudožestvennogo (vvedenie v literaturovedčeskij analiz). = Analytical fiction (introduction to literary analysis). Moskva : Labi-rint, 2001. 192 s.
15. Shelling, F. V. I. Sistema transcendental'nogo idealizma = The system of transcendental idealism / F. V. I. Shelling ; Per. i kommentarii I. Ja. Kolubovskogo ; red. i vstup. stat'ja P. L. Kucherova. Leningrad : Socjkgiz, 1936. 455 s.
16. Fihte I.G. Naznachenie čeloveka = Appointment of a person // Čelovek. Mysliteli pro shlogo i nastojashhego o ego zhizni, smerti i bessmertii. XIX vek : [sb.]. Moskva : Respublika, 1995. S. 28-32
17. Shelling F. V. I. Filosofskie issledovanija o sushhnosti čeloveče-skoj svobody i svjazannyh s nej predmetah = Philosophical research into the essence of human freedom and related subjects // Sočinenija v 2-h t. Tom 2. Moskva : Mysl', 1989, S. 86-158.
18. Jejhenbaum B. M. Literaturnaja pozicija Lermontova = Lermontov's literary viewpoint // M. Ju. Lermontov / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkin. Dom). Moskva : Izdvo AN SSSR, 1941. Kn. I. S. 3-82.

Статья поступила в редакцию 08.01.2023; одобрена после рецензирования 10.02.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted on 08.01.2023; approved after reviewing 10.02.2023; accepted for publication on 28.02.2023

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2023 – № 1 (15)

Главный редактор Е. М. Болдырева

Шеф-редактор Се Чжоу

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Макет и литературная редакция – К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 15 п. л., 7,4 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 50. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 27.04.2023

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44